

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Герман Романов

СПАСТИ ОТЧИЗНУ!

«Мировой пожар в крови»

НОВЫЙ военно-фантастический боевик от автора бестселлеров «Спасти Колчака!» и «Спасти Державу!», отменяющий трагедию Гражданской войны. Раз «попаданцы» из будущего не в силах предотвратить катастрофу 1917 года, следует хотя бы возместить ущерб. **Хватит спасать Европу! Отныне и вовеки наш лозунг: СПАСАЙ ОТЧИЗНУ!** И вот уже колчаковцы заключают перемирие с большевиками, не мешая Красной Армии нести знамя Мировой Революции на Запад. Даешь Варшаву! Даешь Берлин! Не будет никакого «Чуда на Висле»! Пилсудский зарублен под Краковом командиром 27-го кавполка Рокоссовским. В Варшаве заседает правительство Польской ССР во главе с Дзержинским. Германия встречает красных как освободителей от оков похабного Версальского мира. А тем временем белые наносят сокрушительные удары в Бессарабии и Закавказье, требуя от Антанты обещанные России после победы Босфор и Дарданеллы...

«Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!

Мировой пожар в крови — Господи, благослови!»

- [Герман Романов](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Герман Романов

СПАСТИ ОТЧИЗНУ! «Мировой пожар в крови»

Иркутск

(30 июля 1920 года)

— Я не пойму одного, Константин Иванович?! Зачем Семен так с собою поступил? Зачем?! Ты мне сможешь ответить? Что означает эта записка? Ведь ты знаешь на нее ответ?!

Последний российский император Михаил Александрович чуть ли не кричал — такую потерю выдержки у него генерал Арчegov видел впервые за эти семь месяцев их знакомства и совместной деятельности.

А ведь и самому пришлось в жизни повидать всякого. Он, бывший подполковник Российской армии Константин Иванович Ермаков, являлся выходцем из совсем другого времени, не начала, а самого конца XX века.

Невероятным стечением обстоятельств загнанный в декабрь кошмарного для «белого движения» девятнадцатого года, он несколько пообтерся в новой для него «шкуре».

Изменения в истории, им же самим и вызванные, уже не шокировали и не пугали, как говорится в народе — за что боролись, на то и напоролись!

Да и сам Михаил Александрович был здесь своеобразным апокрифом — по воле таких же «попаданцев», но на четверть века старше, великий князь избежал казни в далеком июне восемнадцатого года...

— Ты чего зубами заскрипел, Константин Иванович? — быстро спросил «царь Сибирский», заметивший яростную гримасу, мелькнувшую на лице своего генерал-адъютанта.

Арчegov-Ермаков от встревоженного голоса монарха опомнился и взял себя в руки. Но память услужливо развернула картинку того, что могли бы натворить «друзья»-«попаданцы» три месяца тому назад. Вся кропотливая работа могла коту под хвост пойти! Хотя такую лютую смерть он и злейшему врагу не пожелал бы!

Генерал чуть мотнул головой, как уставший от непосильной работы заморенный конь, прогоняя навязчивое видение. Затем вытянул из пачки папиросу, щелкнул зажигалкой, прикуривая от маленького огонька пламени, и остался довольным своей выдержкой — пальцы уже не дрожали. Хотя увиденное ими зрелище было действительно страшным, такое никогда не забудешь, даже если сердце зачерствело от войны.

Карман галифе оттягивал тяжелый наган с единственным патроном в барабане — настоящим, а не таким же бутафорским, что в начале января он предложил бывшему Верховному правителю адмиралу Колчаку. Сегодня вечером Арчegov хотел отдать его генерал-адъютанту Фомину, но тот сделал свой чудовищный выбор.

Сам Константин Иванович, будь он в такой ситуации, предпочел бы пустить себе пулю в висок, но не облить себя керосином из лампы, поджечь матрас и рухнуть на него ничком, намертво схватившись руками за дужки кровати. Боль чудовищная, невероятная — но несчастный самоубийца не стал падать на пол, спасаясь от нестерпимых мук. И только через пять минут охрана всполошилась, уловив запах гари...

— Это его последнее «прости», Мики, — чуть сморщился Константин, называя монарха еще чуть ли не детским прозвищем — наедине они не соблюдали условности, для царя впитанные с «молоком» матери, если так можно сказать о кормилице, а для самого Арчegovа ставшие привычными за эти семь месяцев. Ничего не сделаешь — «воленс-ноленс», но положение обязывает: теперь в статусе военного министра Сибирского правительства и доверенного лица его величества.

Они стояли вдвоем на берегу Ушаковки — небольшая речка несла свои голубые воды, перекатывающиеся на выступающих камнях, к ледяной Ангаре. Именно в устье этой большой реки должен был принять смерть адмирал Колчак, но в *той* истории, которая сейчас решительно изменилась.

— Что «прости», я понял, — глухо сказал Михаил Александрович, — но тут и другое есть. О чем ты с ним вчера говорил, раз он такое решение принял? О чем, Костя? И не обманывай меня, не нужно.

— Да вроде...

— Константин Иванович, — голос монарха словно обдал холодом, а глаза наполнились ледяной крошкой, — не надо. Я вас хорошо узнал за это время. Если вы солжете, то это я восприму личным оскорблением. По-моему, за это время я вам не дал повода к такому общению. Потому прошу вас сказать мне правду. О чем вы говорили с Семеном Федотовичем, раз после этой беседы он покончил с собою таким страшным способом? Я жду вашего ответа, генерал!

— Давайте присядем, ваше величество, — Константин указал на лавку, что стояла под прикрытием густого раскидистого куста. Здесь, в полсотне метров от своей усадьбы, он часто любил сидеть с женою, жадно вдыхая свежий влажный ветерок, что шел от Ушаковки.

Спасские казаки хорошо знали место, где любили отдыхать супруги Арчеговы, потому их детишки здесь не игрались, не торчали на бережку с удочками, ловя гальянов и ельцов, а приветливые казачки не полоскали белье с дощатого мостика. И лавочки специально поставили, крепкие, тщательно оструганные, с высокими спинками.

Константин вздохнул — он до сих пор не привык, что менталитет у народа в это время совсем другой. На берегу совершенно не было мусора, а на лавках каких-либо надписей, которые в его время буквально покрывали похабными словесами, вырезанными перочинными ножиками и гвоздями, любую скамейку в скверах и парках, у подъездов домов.

— Я жду вашего честного ответа, Константин Иванович. — Голос монарха выдернул Арчегова из воспоминаний, и генерал сморщился. Он не хотел говорить Михаилу Александровичу истинную подоплеку случившегося, но выбора не было. Ложь, пусть даже во благо, могла полностью разрушить их отношения, а значит, и все будущие планы. Если эта мутота касалась только его одного, то Константин бы солгал, не моргнув глазом, но тут неизбежно страдало *дело*.

— Хорошо, государь, я расскажу вам все...

— Даете мне в том свое *слово*?

Голос Михаила Александровича Арчегову очень не понравился, и он невольно сглотнул, продавив внезапно появившийся комок в горле. Да, таким тоном к нему еще не обращались, и врать себе дороже выйдет.

— Даю, государь!

— Нет!

— Почему нет? — генерал с нескрываемым удивлением посмотрел на монарха. Тот натянуто улыбнулся:

— Его величеству ты не можешь дать слово, я тебя прошу как друг. Если ты продолжаешь считать меня таковым.

— Хорошо, Мики, — кивнул Константин, подчеркивая произнесенным им детским прозвищем царя свое на то согласие. — Я вчера говорил с Семеном Федотовичем о предательстве.

— Ты имеешь в виду майские события?

— Не только. Вернее, они имели к нашему с ним разговору косвенное отношение. Главное

не в них, а в том, что произошло в *нашей* истории в сорок первом году.

— Ты говоришь о второй войне с германцами?

— С нацистами, Мики, с нацистами. О том, что они натворили на нашей земле. И о том, какое участие в этом принял Семен Федотович...

— Он дрался с большевиками!

— Да?!

В тихом голосе генерала явственно прозвучала такая едкая ирония, что Михаил Александрович невольно поежился. Он почувствовал, как в генерале заклокотала еле сдерживаемая ярость.

— В той страшной войне, Мики, погибло двадцать миллионов наших с тобой соотечественников, и часть этой крови на руках генерала Фомина и его подельника по майским делам.

— Двадцать миллионов?! — Цифра настолько ошарашила монарха, что он упустил последующие слова Арчегова. — Не может быть! Ведь немцы... они культурная нация...

— Очень культурная, — тихо произнес Арчегов, но таким голосом, что у Михаила Александровича волосы встали дыбом. — Набивали нашими бабами и детишками эшелоны и везли в Германию. Якобы на работу. Попадали они в концлагеря, где дымили жирной копотью высокие трубы крематориев. Ты знаешь, как там «мыли» этих несчастных?

— Нет, — еле выговорил монарх, лицо побледнело, нервы напряглись в чудовищном ожидании.

— Забивали голых в моечную, где высоко над потолком были душевые разбрызгиватели. Вот только не вода с них лилась, а «Циклон-Б».

— Это что такое?

— Ядовитый газ, намного более мучительный, чем знакомый тебе по фронту иприт или хлор. Люди умирали от него в страшных корчах чуть ли не полчаса. А культурные, — Арчегов так протянул голосом это слово, что царь отшатнулся, — германцы смотрели в окошечки и делали записи, рассчитывая наиболее экономичную дозу газа. Скупые они — пусть смерть будет дольше людей мучить, зато какое сбережение ядовитой гадости? Трупы разрубали и в печки крематориев отправляли, а пепел на поля. Для лучшей урожайности. Или из людей мыло варили — тоже польза в хозяйстве. Все пригодится. Вот так они и несли свою «высокую культуру» для русских.

— ...?!

— Это правда, Мики, чистая правда. — Арчегов произнес слова настолько тихим голосом, что Михаил Александрович моментально взмок и принялся вытирать платком обильно потекший пот.

— Семен не мог этого делать...

— А я и не говорил, что он такое творил. Придушил бы враз за такое! Но вот руки свои к сему мерзкому занятию Фомин приложил!

— Он воевал с большевиками!

— Заладил! Не горячись, Мики. Да, воевал с коммунистами, считая их врагами. Это так!

— Но разве большевики не враги?! Посмотри, что творится кругом. Ты же их дела хорошо видишь, в Москве был, переговоры с ними вел.

— Да я не возражаю тебе! Враги они России, враги. Иначе я бы с ними не воевал сейчас. Но дело в том, что после 22 июня 1941 года их уже надо оценивать совсем по-другому!

— Что, они в один день совсем другими стали? — Михаил Александрович спросил с иронией, его затрясло самым натуральным образом — кровавая, совершенно безумная цифра в 20 миллионов погибших соотечественников намертво влилась в разум и душу.

— Да нет, конечно. Только они смогли поднять народ на войну, спасти его от уничтожения нацистами. Видишь, Мики, большевики не только несли зло, иначе бы их просто скинули и раздавили.

— Ты хочешь сказать, что вторая война с германцами есть война добра против зла, большевиков супротив нацистов? — Теперь ирония прорезалась в голосе монарха, и особенно жгучее неприятие прозвучало на предпоследнем слове, такое, что Арчegov его сразу ощутил всей кожей. Генерал натянуто усмехнулся, раскуривая папиросу.

— Большевики для нашего народа зло привычное. А вообще, я что-то не припомню, чтобы наше государство для народа всегда добрым было. Разве не так? Стоит поковыряться в нашей истории хорошенько — такое там найти можно, что волосы дыбом встанут. Понимаешь, о чем я?

На слова генерала Михаил отвечать не стал, только кивнул в ответ — как говорится, крыть на такой риторический вопрос было нечем. Арчegov же продолжил разговаривать дальше, медленно и спокойно, делая неторопливые затяжки папиросой.

— Привычное зло, я бы так сказал. Зато нацисты с Гитлером не зло... нет, не зло! Это наяву оживший кошмар, который нормальному человеку и представить нельзя. Это как сам... Ну тот, не к ночи будь упомянутый, рядом с мелкими бесами. И с ним самим, чтобы покончить с последними тварями, наш Семен Федотович соглашение подписал. С сатаной! Причем пролитой русской кровью, и это не аллегория. Натуральная кровь лилась, потоками! И он к этому делу руку приложил. Ну и как такое оценивать?

Михаил Александрович молчал, только под смертельно бледной кожей на щеках заходили желваки. Арчegov затушил окурок и наклонился, тихо, с нескрываемой горечью выплевывая слова.

— На фронте наши солдаты в атаку на немцев шли — а их пулеметами слоями косили. Вина в том советских «енералов» велика, они по-другому и воевать тогда не умели. Вот и получали каждый раз сотни новых «ржевов». А немцы патроны спокойно везли через Брянщину и Орловщину, совершенно не боясь наших партизан, что повсюду диверсии оккупантам устраивали, из пулеметов продолжали дальше наших бойцов скашивать. А потому спокойно везли, что в тех местах «борцы с коммунистами» в услужение нацистам подались, против своего собственного народа. И как их после этого называть прикажешь? Молчишь? Тогда я скажу — это каины, предатели!

— Они с большевиками воевали!

— Заладил, как заевший патефон! Эти ребята в первую очередь со своим народом воевали, который за свое существование, за право жить и дышать всем миром на войну с немцами поднялся! Понимаешь это?! За право жить, растить детей, а не подыхать в газовых камерах! Большевики просто этот народный подъем грамотно использовали!

— Так ведь они же ничего не дали людям после победы!

— Не дали! Но разве они первыми такое проделали? Брат твоего прадеда тоже народный подъем использовал и французов из России вышвырнул, как Сталин фашистов. И что потом было? Освободил ли царь-батюшка крестьян от крепостного рабства?! Или цинично произнес, что благодарный наш народ получит свою мзду от Бога? Не так ли, Мики?! А ты представь на секунду, как бы сам назвал тех, что в прошлую войну с немцами не только агитацию вели, но и восстания в нашем тылу устраивали, когда ты Дикой дивизией на фронте командовал?!

Михаил вздрагивал, словно горячечные слова генерала жгли хлыстом — безжалостно. Но он потрясенно молчал, не находя ответа. Да и что говорить, если с подобным несколько лет назад сам сталкивался.

— И закончили свою жизнь они в том мире, как крысы, отринутые и собственным

народом, и родной землей, по которой ходили. Нет, дрались отчаянно, в трусости не упрекнешь. Но ведь и здоровенный крысук, в угол загнанный, до последнего вздоха дерется. Героем его тоже называть?! Родная земля их отринула, как гадов мерзких, в болотину, да под Поганым Камнем они свой путь и окончили! Как крысы!^[1]

Арчegov вздохнул и дрожащими пальцами достал из коробки папиросу. Сломал пару спичек, лишь потом смог закурить. Михаил продолжал молчать, только трясущейся рукой вытянул папиросу и после нескольких неудачных попыток тоже закурив. Оба молча сидели рядышком, дымя папиросами. И затянувшуюся паузу нарушил генерал, еще не остывший от гнева:

— Семен мог здесь по новой свою жизнь начать, Провидение ему такой шанс предоставило. Я потому поначалу за то прошлое... вернее, за будущее, ему глотку не порвал. Думал, поймет! Да ни хрена. Первый раз мы стрелять друг в друга прекратили, шаткий мир вроде установился, русские русских перестали резать. Радоваться всем нужно, а что он со Шмайсером натворил?! Снова русской крови полить захотелось?! Людей под пули, наших, в Москве под пулеметы подставили?! Нет, Мики, запомни на будущее — предавший раз, предаст два и три, он уже не остановится! И пусть Фомин не столько предатель, намного хуже — ненависть переполняла его, а потому принести добро в новой жизни он не мог! И я рад, что нарыв лопнул в мае, было бы намного хуже, если они ударили бы в спину потом, воспользовавшись нашей неготовностью. Вот об этом я ему и сказал, и он сам сделал свой выбор... Неожиданный для меня, не скрою!

— Почему неожиданный?

После долгой паузы глухим голосом Михаил Александрович нарушил свое затянувшееся молчание:

— Это я ему хотел отдать сегодня утром. — Арчegov вытянул из кармана наган, натянуто усмехнулся, скривив губы: — В нем один патрон. Но он сам выбрал себе смерть. И такую, какую приняли его подчиненные и товарищи. Танкисты не гибнут от пуль, они в огне сгорают!

— Я понимаю...

— Семен сам этого захотел, здесь его право. Но лучше так жутко смерть принять и хоть этим свою вину, вольную или невольную, искупить, чем на виселице вздернутым покачиваться, что было уготовано генералам Краснову, Шкуро и прочим.

— Их казнили за то, что они воевали вместе с нацистами?

— Да. Но многие русские генералы, хотя и ненавидели большевиков всей душой, предателями не стали. И воевать с собственным народом не пошли. Того же Антона Ивановича Деникина для примера взять...

— Дай мне!

— Зачем?

Удивление Арчегова было искренним, но генерал наган протянул. Царь внимательно взял оружие в руки, посмотрел камеры барабана. Усмехнулся с горестной гримасой, натянув на лицо улыбку:

— А ведь меня Семен от смерти спас. И в мае...

— Что в мае?

— Я чувствовал, что не то происходит. Мог их остановить, но...

— Что ты темнишь, Мики? — Арчegov напрягся, тон друга ему сильно не понравился.

— Ведь я тоже предатель, Костя. Потому что догадывался об их планах. И не остановил!

Последнее слово Михаил Александрович чуть ли не выкрикнул и с искаженным лицом прижал ствол нагана к своей груди. И тут же потянул пальцем спусковой крючок...

Москва

(30 июля 1920 года)

— Что с тобою?!

Начальник особого секретного отдела ВЧК Глеб Бокий вскочил со стула в полной растерянности. Только сейчас его заместитель Лев Мойзес уверенно разворачивал перед ним перспективный план, чертя карандашом стрелки, но неожиданно лицо чекиста, и без того безобразное от уродливых шрамов, мучительно исказилось, а багровую от страшных рубцов кожу будто известкой обсыпали. Единственное око «уродца» (так его мысленно называл Бокий) выпучилось, словно решило вылезти из глазницы.

— Твою мать!

Терять Мойзеса было сейчас некстати, и он рванулся к двери с криком. Бокий прекрасно знал, что жизнь в главном здании бурлит только по ночам — допросы и пытки предпочитали проводить именно в это тихое время, когда человеческий организм наиболее восприимчив к внешнему и внутреннему воздействию, особенно когда оно проводится комбинированно. А раз так, то и чекистские медики основную работу проводили именно в эти ночные часы, постоянно наблюдая за узниками. А то многие подследственные контрики и прочие сволочи так и норовили «отдать концы» и «сбежать» таким образом от проводимого дознания.

— Врача быстрее!

— Стой! Не надо врача!

От яростного хрипящего голоса Бокий остановился на полпути, словно пригвожденный к полу. И тут же рванулся обратно — Мойзес смотрел на него безумным глазом, красным, как у оголодавшего упыря. По изуродованному лбу быстро стекали крупные капли пота.

— *Нить!*

— Что «нить»?!

Бокий моментально понял, о чем идет речь. А потому наклонился над товарищем, с тревогой заглядывая в застывшие от боли глаза.

— Ее рвут, — прохрипел чекист, и на лице застыла мучительная гримаса. — Еще как рвут... Он уходит...

— Куда? — Бокий удивился.

— Умирает, — прохрипел Мойзес. И сам поднял на Глеба расширившийся глаз. И тут же взвыл:

— Я не могу его удержать! Помоги!

— Как?!

Бокий чуть ли не взвыл. В душе он проклинал «уродца», но прекрасно понимал, что обойтись без его помощи не сможет. Потерять такого нужного, важного для многих дел специалиста сейчас, когда дорог каждый день, Глеб не желал категорически.

— Дай шкатулку из сейфа... Быстро! Код 73–22! А-а!

Бокий ошалело метнулся к массивному сейфу, подгоняемый в спину хриплым стоном. Дрожащие пальцы чекиста медленно повернули круглый диск, останавливаясь на одну секунду перед каждой цифрой. Внутри ящика громко щелкнуло, и тяжелая дверца поддалась. И первое, что бросилось в глаза, — лакированный бок небольшой шкатулки, покрытой неизвестными ему каббалистическими знаками и рисунками.

— Скорее! А-а! Твою душу-мать!

Бокий схватил ларец, моментально отметив русскую ругань Мойзеса. Значит, дело действительно худо, раз тот на такие заклинания перешел. Да-да, именно языческие заклинания, которые, как любое сильно действующее лекарство, следует употреблять изредка,

по крайней необходимости. Тогда эффект просто поразительный — физическая боль уменьшается значительно. И не только боль...

— Быстрее!!!

Отчаянный хрип подхлестнул Бокия, и чекист за секунду добрался до стола, откинув крышку. Внутри лежали грязные обрывки одежды с пятнами застарелой крови — ее Глеб опознал сразу, глаз на такие дела наметан давно, сам подобным занимался.

Мойзес тут же сунул в эти тряпки свои ладони и что-то тихо зашептал, скрючившись над раскрытой крышкой. Бокий не мог разобрать ни слова, но видел, как напряглись руки, как вздулись на них вены, будто его напарник держал неподъемную тяжесть. И лицо поразило — моментально из бледного стало багровым.

— А-а!

Дикий крик вырвался из груди — так орут только от чудовищной боли, нестерпимой, лютой. И маты — подобные слова Бокий не слышал даже от расхристанных морячков, что в четыре боцманских загиба объяснялись, и от удивления уважительно цокнул языком.

— Да лей воду! Больно! На руки лей!

Чекист оторопел — тряпки в шкатулке загорелись прямо на его глазах, что было невероятным. Вначале от них повалил дымок, потом показались маленькие язычки пламени.

— Да лей же воду!!! Быстрее, чтоб тебя!!!

Мойзес корчился от боли, вопил и сквернословил, но руки из пламени не выдергивал. Бокий тут же опомнился, схватил большой графин с водой и выплеснул его содержимое прямо на багровые руки, отчаянно тряся, будто от этого живительная влага могла вылиться быстрее. Пламя погасло, лишь дым пополз по комнате да запах горелого мяса и тряпок забивал ноздри.

— Уйти от меня хотел, падло. Сам в огонь полез...

Хриплый голос Мойзеса походил на клекот, и Бокий вздрогнул, выходя из ступора. И непроизвольно отшатнулся, сделал шаг назад, подальше от стола, дымящейся шкатулки и торжествующего хохота подельника. А тот продолжал негромко говорить, но с ужасающим смехом, от которого в жилах леденела кровь:

— *Нить* хотел порвать, в огонь кинулся. Да только кто-то успел его вытащить! *Вязочка* наша крепнет, крепнет! А, Глебушка?

Бокий отступил еще на пару шагов от жуткого стола, чувствуя, что еще немного, и мочевого пузырь даст слабину. Он впервые испугался Мойзеса, до ужаса, до дрожи в коленях, чуть не обгадившись, поняв только сейчас, с кем имеет дело.

— Мы с ним «ниточкой» связаны. Хоть пулю в лоб пускай, но от меня не уйдет. Тело не нужно, зато кое-что другое вытащу...

Мойзес осекся, потом торжествующе засмеялся, подняв на начальника ледяной глаз, подернутый безумной пленкой. Тот машинально отступил на шаг, тщетно попытался спрятать страх. Не удалось — в уши ударил хриплый каркающий смех старого ворона.

— И с тобой мы теперь «веревочкой» связаны, Глеб. Так что соскочить не надейся и на пулю не полагайся. За мной тогда пойдешь! *Потянет* тебя следом! Вот так-то. И будь добр, сходи за доктором, руки у меня обгорели, лечить нужно срочно. Придумай что-нибудь, скажи ему, мол, самовар, ха-ха, опрокинули или чайник...

— Хорошо, Лев. Я сейчас!

Бокий с замирающим сердцем и немалым облегчением в душе выскочил из кабинета, тщательно прикрыв за собою толстую дверь. Рукавом вытер пот и с безнадежным отчаянием в осевшем голосе пробормотал:

— Гребаный колдун! Ох, попал я так попал...

Иркутск
(30 июля 1920 года)

— Что ты творишь?!

Тело само рванулось вперед, быстрее, чем промелькнула мысль и тем более были выкрикнуты эти слова. Рука Арчегова хлестанула по нагану, и генерал тут же навалился всем телом. В голове молнией мелькнула мысль: «Не выйдет, ствол уже в сторону ушел. Руку себе только продырявит в худшем случае!»

Просьба монарха дать наган показалась Константину Ивановичу более чем странной, а потому генерал заранее напрягся — как бы чего не выкинул «любезный друг».

Предосторожность выручила — курок сухо щелкнул. Мики его успел потянуть, вот только ствол уже был направлен не в сердце, а в голубое небо, выворачиваемый из пальцев крепкой генеральской рукой.

— Твою мать!

К великому удивлению Арчегова, выстрела не прозвучало. Константин Иванович сграбастал одной рукою наган, а другой неудавшегося самоубийцу. Все раздражение последних дней и часов вылилось в вычурную матерную тираду, и лишь потом прозвучали нормальные слова:

— Ты что творишь? С «катушек» съехал?

Генерал сильно тряхнул за плечи смертельно побледневшего монарха, мысленно вознеся к небесам благодарность за столь своевременную осечку. Вздохнул с облегчением, будто сто пудов с плеч скинул. Осмотрелся — к ним, заметив непонятную возню у лавки, рванулись охранники.

— Назад, — скомандовал генерал, махнув им рукою, — мы тут шуткуем. Правильно, Михаил Александрович?!

— Так точно, шутим понемногу, — еле прошепелявил монарх, приходя в себя от случившегося. Все же страшное дело — по собственной воле к смерти прикоснуться и живым остаться.

— Дал бы тебе в морду, да только Заратустра не позволяет, — с улыбкой прошипел ему в ухо Константин. — Еще лучше выпороть за такие идиотские шутки! Ты что творишь?! Мало тебе кругом крови пролито, своей добавить захотел?! Раз дали возможность жить, так живи, дурью больше не майся! Ты за миллионы людей сейчас в ответе...

Константина заколотила лихорадочная дрожь по всему телу — после выплеска чудовищной дозы адреналина начался «отходняк». Покосился на императора — тот тоже трясся, прикусив губу, однако смертельная бледность стала сходить со щек, окрашивая их в чуть розоватый цвет.

— Прости, сам не знаю, что на меня нашло. Какое-то затмение...

«Как некстати... И как вовремя. А ведь покойный Семен, падла такая, из ведьмаков. В другое время не поверил бы, но не тут. Хватило с одной „сладкой парочкой“ пообщаться, что намертво одной веревочкой повязана. Мойзес и Фомин, чекист и танкист, колдуны поганые, мать их за ногу!»

Арчегов покосился еще раз — Михаил Александрович дрожащей рукою зажег спичку, кое-как закурил, папироса ходила ходуном. И словно ударило, мысли забились холодным ключом.

«А ведь и Мики с ними связан на этой почве, не иначе. Ведь он тоже не должен жить?! Может, его следом *затягивает*? Твою мать!» Арчегов вытер выступивший на лбу пот рукавом мундира, не заметив такого весьма неприличного поступка. Впервые генерал пожалел о том своем решении, оно показалось ему скоропалительным и опрометчивым.

«Я поддался эмоциям! И зря! Раз эти гады друг с другом связаны, то отсюда и плясать надо.

Пристрелить их никогда не поздно, нужно вначале все выяснить, все точки расставить. Поторопился ты, Константин Иванович, теперь круто сваренную кашу расхлебывать долго придется и с Мики глаз не спускать. Если он на самоубийство решился раз, то на вторую попытку пойти может. Ох, зря я это заварил, выждать нужно было».

— Ты плохой патрон вставил, осечка была.

— Слава Богу! Представить страшусь, если бы...

Константин осекся, вздрогнул от пришедшей в голову мысли. Быстро откинул шомпол, выбил из барабана блестящий латунный цилиндр. Поднес его к глазам, всмотрелся и ахнул, не сдержав изумления.

— А ведь ты знаешь этот патрон, — прохрипел монарх, сдавив крепкими пальцами плечо генерала. — Ведь знаешь?! Не вздумай мне лгать! Сам тогда придушу тебя, собственными руками!

— Да пошел ты... Лишь бы недалеко! — огрызнулся в ответ Арчegov, пребывая в жуткой растерянности. — Я зарядил в камору совсем иной патрон. Целый! Не эту «выварку»! Такого не может быть!

— А что может быть?! — сразу насел император, сверля пронзительным взглядом генерала и крепко, до боли, схватив того за руку. — Откуда он там тогда взялся?!

— Таких патронов только три было. Я их выварил! Один у адмирала Колчака остался, на память, другой я раньше того опробовал, первым, для проверки. Он на полке с этим стоял, за книгами...

— У тебя в кабинете? Дома?

— Да, — прохрипел Арчegov, уже понявший, что произошло. — То-то вчера женушка в комнату заглядывала, а наган на столе лежал. И весь вечер такая добрая была, все льстилась...

— Завидую я тебе, Костя. У тебя такая жена...

Арчegov чувствовал себя скверно, пот тек ручьем, хорошо, что платок был под рукою. Михаил посмотрел на пришибленного генерала. Усмехнулся, мягко спросил:

— Так, значит, правду шепчут, что ты адмиралу застрелиться предлагал? Теперь я понимаю, что произошло тогда и зачем ты это сделал!

— Надеюсь, ты сам больше стреляться не будешь?!

— Нет! — отрезал Михаил Александрович. — Такой дури от меня больше не дождешься. И так Нине Юрьевне на всю жизнь обязан! Патрон мне отдай, он теперь мой. Я его, как Александр Васильевич, вечно хранить буду.

— Возьми, что уж тут, — Арчegov протянул монарху его несостоявшуюся смерть, запечатанную в цилиндрике, полез в карман за портсигаром. И остро захотелось налить полный стакан водки, шархнуть его залпом, настолько он себя скверно чувствовал.

— А не выпить ли нам, генерал?! А то на душе так муторно...

Это был не вопрос, а предложение, и Константин кивнул, соглашаясь — Мики просто прочитал его мысли, потому что и сам пребывал в точно таком же состоянии.

— Да еще помянем раба божьего Семена. Хоть и натворил он дел, но человек порядочный был.

«Сволочь порядочная, это точно. Хотя, с одной стороны. А с другой — все же и полезное делал, но только в *этом* времени. А в том такое натворил, что не поминать, а проклинать нужно».

— Брось, Константин Иванович, хмурить лоб. Помнишь одно латинское высказывание, где в конце звучит аут бене, аут нихиль?

— О мертвых либо хорошо, либо ничего. Так ведь, Мики? — Арчegov усмехнулся, натянув на лицо улыбку.

— Не суди, да не судим будешь. То, что Семен натворил, было в *том* времени, которого может и не быть. Сейчас живы те двадцать миллионов, многие из которых еще на свет Божий не появились. Живы! И мы должны сделать так, чтобы они дальше жили, и работали, и детишек своих растили. А ты меня за убогого дурачка держишь, правды никогда не говоришь. Нельзя так, Костя, мы вместе должны воз на гору затащить, общими усилиями. И не хитрить друг перед другом. Верь мне — даю тебе в том слово!

— Хорошо, — только и вздохнул в ответ генерал. Арчегова захлестнуло чувство стыда, пусть не острое, но все же мало приятного. Действительно, скверно! И он сам, и эта парочка попаданцев-поганцев — вот как рифмуется здорово, — всегда держали Мики в неведении, лгали во благо. Вот только все их благие намерения боком вышли, потому что и ежу понятно, куда ведет дорога, ими вымощенная...

— погоди, Костя, — Михаил Александрович сильно сжал его руку, но Арчegov почувствовал, как задрожали стиснувшие запястье пальцы. К ним быстрым шагом шел офицер со свитскими вензелями на погонах.

— Ваше величество! Генерал-адъютант Фомин сам в сознание пришел! Просит вас...

— Что?! Где он?!

Михаила словно подбросило с лавки — он как клещ вцепился в плечи адъютанта, с силою потряхнул.

— В околотоx отнесли! Думали, умерли его высокопревосходительство, врач стал осматривать тело, и сердце забилося. Того...

Казачий офицер говорил неуверенно, и было видно, что он пребывает в полной растерянности от случившегося. Арчегова новость просто шарахнула, намертво пригвоздив к лавке.

Он много воевал и не мог ошибиться, когда осматривал обожженное тело Фомина. Тот был мертв, пульса не было, сердце не билось. Тут диагноз ставить легко — болевой шок! От него чаще всего умирали, когда сердце было не в силах вытерпеть чудовищную боль. Единственное спасение — вовремя укол поставить. Или сознание потерять, что мизерный, но хоть такой шанс выжить давало.

Михаил Александрович чуть ли не побежал к казачьим казармам, а генерал продолжал сидеть на лавке и вытирать лившийся со лба пот. Потом пробормотал охрипшим до писка голосом:

— Мистика... Может, и лучше, что Семен свои копыта не откинул. Если выживет, тогда и решим, как его использовать... Нет, такого просто быть не может! Что я, труп от раненого не отличу?! Мистика!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

И если боль твоя стихает...

(10 августа 1920 года)

ПЕРЕКОП

— Да вы тут, Яков Александрович, целую крепость обустроили. Таких укреплений я даже в Порт-Артуре не видел. — Адмирал Колчак задумчиво посмотрел на старинный Турецкий вал.

Всего за пять месяцев, с того дня, как он принял на себя командование над Черноморским флотом и войсками в Крыму, все здесь изменилось, и к лучшему, как надеялся бывший «верховный правитель России».

В марте на Перекопе стояла непролазная грязь, солдаты ютились по неглубоким окопчикам Юшуня и в немногих убогих домишках Армянска. Какая крепкая оборона?! Да перейди красные в наступление, они с ходу бы прорвали такое убожество и ворвались в Крым. Господь отвел — перемирие заключили с ними вовремя, предотвратив неизбежную катастрофу.

— Только благодаря вам, ваше высокопревосходительство. Без помощи флота оборудовать позиции было бы нечем. И некем!

Генерал-майор Слащев был молод, немного за тридцать лет, с хорошей гвардейской выправкой. И не менее талантлив, как Александр Васильевич убедился, чем военный министр Сибири. Но последний хороший организатор и администратор, а первый — умелый тактик. И отличные позиции оборудовал — адмирал Колчак, сам знающий артиллерист, не мог не отметить хорошее расположение великолепно оборудованных, прикрытых броней и залитым бетоном батарей.

— Сколько здесь вы поставили орудий, генерал?

— Тридцать шесть крепостных мортир и двадцать три морских пушки, из них две десятидюймовых. Последние там, за Юшуном, — Слащев показал рукою назад, в сторону второй оборонительной линии. — Плюс почти сто полевых орудий и четыре сотни пулеметов в прикрытие. Теперь нас отсюда никакой силой не выбить.

— А если большевики перебросят сюда осадную артиллерию? — Колчак подначил Слащева, прекрасно зная ответ.

— Подавим ответным огнем. Они будут как на ладони, позиции ровные как стол, — молодой генерал усмехнулся. — А у нас все броней закрыто, вон бетонированные казематы врыты.

Адмирал присмотрелся — на обратных скатах вала были обустроены хорошо замаскированные сооружения, прикрытые броневыми плитами. Тут просто повезло, что французский броненосец «Дантон» прошлой весной у Севастополя налетел на мель, и с него пришлось снять чуть ли не половину броневого пояса, дабы облегчить корабль. Но в Крым ворвались красные, и все эти плиты «союзники» бросили, спешно унося ноги.

Да и на складах Черноморского флота, несмотря на годы мировой и гражданской войн, включая тотальный грабеж, устроенный германцами, и наглое мародерство англичан, французов и греков, сохранилось много чего полезного и нужного.

Со старых крепостных фортов Севастополя адмирал приказал забирать необходимое — арматуру и железо, старые, чуть ли не времен войны с Турцией, 9-дюймовые мортиры, броню и металлические двери и многое другое. Да и с кораблей, застывших мертвыми горами, в ход

пошло все, что можно было отвинтить и срезать, от брони до стальных конструкций. Заодно установили перед всеми укреплениями мощные фугасы, изготовленные из переделанных морских мин.

Взяли много, но еще больше осталось. Есть чем наступление красных встретить, грех жаловаться!

Иркутск

— И что будем делать дальше, Константин Иванович?! Даешь мировую революцию?!

В голосе Михаила Александровича прозвучала едкая ирония, которую последний российский император и не думал скрывать. Недавнее известие о взятии Варшавы красными произвело в Иркутске определенный фурор среди населения и военных.

С одной стороны, оно вроде вызвало у населения скрытую радость — поляков, после захвата ими в мае Киева, рассматривали в Сибири как наглых интервентов, желающих на углях революционного пожара хорошо погреть свои заgreбушие лапы. Но с другой — проступил явственный, хотя тщательно скрывааемый страх. Все прекрасно понимали, что если большевистский режим усилится за счет Германии, недавнего врага в мировой войне, которую тоже терзала революционная лихорадка, то будет...

В общем, мало не покажется никому!

— Путь от Вислы к Одру не такой уж и короткий, как может показаться на первый взгляд, государь. — Военный министр Сибирского правительства генерал-адъютант Арчegov излучал олимпийское спокойствие, даже улыбался, когда стал отвечать. — Видишь ли, ваше величество, я сам не ожидал от большевиков такой прыти, — Арчegov усмехнулся, выпустив из ноздрей густую струю табачного дыма. — То даже во благо. Да, красные взяли Варшаву и поят коней из Вислы, но разве это плохо?

— А чего ж хорошего?!

— Если выбирать из всяких там французов, англичан, поляков и прочих «союзников», с одной стороны, и большевиками — с другой, то я полностью на стороне последних — по крайней мере, они русские.

— С каких это пор комиссарствующие жидаы для тебя своими стали?! С Троцким и Лениным сговорился в Москве? — Михаил поднял ладонь, как бы показывая, что сейчас шутит. Вот только Арчegov воспринял слова всерьез, понимая, что в каждой шутке лишь доля шутки.

— Их поддерживает большинство населения нашей России, а вот с этим нам нужно считаться, — медленно произнес генерал. — И не важно, каким путем большевики добились этой поддержки, пусть даже сочетая террор с демагогией, и не собираются выполнять в будущем свои обещания. Для нас есть только эта текущая реальность, и с нею нужно считаться. — Он надавил на последнюю фразу и веско добавил: — Хочется нам этого или нет.

— Так это и понятно, — задумчиво пробормотал Михаил, но развивать мысль не стал, а с немим вопросом посмотрел на генерала. Тот усмехнулся — в последнее время поведение монарха ему нравилось все больше и больше, выводы из последних событий он для себя сделал определенные и теперь старался вникнуть в каждую мелочь.

— Если злейшие враги насмерть вцепились в глотки, то тут радоваться нужно, ваше сибирское величество. И если они обоюднo задавят друг друга, то ва-ще...

— Задушат ли?! Если большевики добьют поляков, а потом вломятся в Германию, как слон в фарфоровую лавку?!

— Нам-то какая печаль от этого? — искренне изумился Арчegov, широко раскрыв глаза.

— Ты что — совсем спятил?! Если мировая революция полыхнет по всей Европе, то нам

достанется в первую очередь! Хотя и попозже. За Уральским хребтом не отсидимся...

— Не гони пургу, Мики. — Глаза генерала сверкнули, только не гневом, а злорадством. Михаил Александрович успел заметить характерный блеск и с тщательно скрываемым облегчением вздохнул полной грудью. Арчегова он успел достаточно хорошо изучить за это время, хотя многое из его действий до сих пор не понимал.

— Ты человек военный и прекрасно сам понимаешь, что красные выдохлись. Они взяли Варшаву на последнем рывке, уже падая от усталости. Полтысячи верст за два месяца отмахать — не шутка. Огульное наступление есть чистейшей воды авантюра, но им повезло! — Арчевов усмехнулся, сжав губы ниткой, и решительным движением смял окурок в пепельнице, будто кого-то из врагов раздавив крепкими пальцами. Но заговорил спокойно, по обыкновению медленно, но внушительно произнося слова:

— Теперь большевикам нужно не меньше двух недель, чтобы подтянуть тылы, пополнить части, подвезти боеприпасы. А поляки тоже ведь время терять не будут. Так что проделать очередной рывок, от Вислы до Одера, у кремлевских товарищей не выйдет, хотя путь тут намного короче, если считать версты от Днепра до Вислы.

— Я долго беседовал сегодня с французским послом, — Михаил сделал нарочитую паузу и с затаенным веселым огоньком в глазах посмотрел на генерала. Тот скрывать своего интереса не стал:

— И что?

— А ты догадайся сам!

— Загадку ты даешь хитрую, но решаемую, — Арчевов с лукавством посмотрел на своего друга-монарха. — Если отбросить дипломатические славословия, то наши «друзья» действительно попросили помочь горделивым полякам. Причем экстренно. «Морковку» подвесили прямо под нос, как тому ослу. Вот только скуповаты французы, вряд ли что-либо насущное тебе предложили. Ведь так, Мики?

— Ты прав, Костя. Бабка тебе ворожит, что ли?!

— Да нет, наверное...

— Так да или нет?

— Скорее, наверное, — отшутился Арчевов. И спросил уже серьезным тоном, веселые искорки из глаз пропали, будто их разом ведром студеной воды залили: — Так что они там посулили?

— Вооружение и аэропланы, снаряжение на двести тысяч солдат. И многое другое, включая полторы сотни танков.

— Задарма? — В голосе генерала прорвалась едкая ирония.

— Если бы, — с нескрываемой горечью ответил Михаил. — Мы должны дать гарантии по взятым займам и принятым обязательствам, причем и тем, что были сделаны Временным правительством Керенского.

— Губа не дура!

— Мы должны вернуть французским владельцам всю их собственность, главным образом металлургические заводы на юге России и николаевские верфи, что сейчас находятся у большевиков. Причем расходы на ремонт и восстановление предприятий они предлагают взять за наш счет.

— Морда не треснет? — пробормотал Арчевов, но Михаил Александрович снова не обратил внимания на его короткую реплику, а продолжил говорить с тем же хладнокровием, хотя слова давались ему нелегко от растущего в душе возмущения столь наглыми, другого слова он подобрать не мог, условиями «дружественной» Франции.

— Сибирь должна отдать под гарантию всю золотодобычу и алтайские серебряные

рудники, а также Транссибирскую железную дорогу... А Дон и Кубань — обеспечить поставки хлеба по льготной цене. Да, кстати, займы, что они нам могут предоставить под поставки вооружения, мы можем получить немедленно, но процент...

— Драконовский?

— Хуже, — с горькой усмешкой поднял глаза на генерала Михаил. — Совершенно безбожный! Посол откровенно признался, хотя глаза потупил, что это надбавка за риск.

— Своего не упустят, сволочи, — усмехнулся Арчegov. Выглядел генерал отнюдь не расстроенным, даже повеселел. Это и удивило монарха:

— Ты чему радуешься, Костя?! Принять помощь на таких условиях есть окончательно превратить Россию в их колонию!

— За тебя радуюсь, что твои последние иллюзии о «братской помощи союзников» рассеялись как дым!

— Предположим, я их и раньше не сильно испытывал!

— Они не меняются, я имею в виду французов. Почти такие же условия, за исключением, понятное дело, Сибири, Париж «щедро» предложил барону Врангелю, «верховному правителю России» в моем времени. Я тебе о том говорил уже раньше. Тот согласился...

— А куда ему было деваться. — Вот только одобрения при этих словах в голосе Михаила Александровича не прозвучало, и Арчegov это уловил.

— Потому он и спас поляков, стянув на себя с десятков лишних красных дивизий, коих не хватило большевикам для взятия Варшавы. Выручил ляхов с их панской Польшей, но окончательно погубил даже те ничтожные шансы, что были у «белого движения».

— Мы такую глупость не сделаем! — Михаил Александрович усмехнулся, сжав кулаки.

— Надеюсь, ты это послу не стал объяснять?

— Что я, совсем, что ли, с ума тронулся? — Михаил Александрович пожал плечами, глаза полыхнули недобрым пламенем, и наигранно рассмеялся:

— Я ему очень витиевато добрый час излагал условия, те невероятные трудности, в которых находятся освобожденные от большевиков территории. А посему возлагать на русских бремя очередной войны я не вправе, хотя мне самому этого прямо очень хочется. Но новым временам диктуют совершенно другие обстоятельства. Я сейчас не самодержец всероссийский и принимать решения одиночным порядком уже не могу. Вот в таком ключе я ему уши и заговаривал следующий час.

— Мики, твое величество меня восхищает. Два часа говорить ни о чем — такое умение многого стоит.

— Почему ни о чем? — делано удивился монарх, пожал плечами. — Де-юре они нас признали... Чего же желать больше?

— А вот с этого момента я прошу быть тебя поподробнее. Чего же ты от них пожелал?

— Да сущую безделицу. Попросил их вернуть то, что они, не мудрствуя лукаво, прихватили у нас в прошлом году, когда свои десанты высадили. И списочки приложил, что ты с Колчаком приготовил.

— И как?!

Арчegov невольно хмыкнул, представив, как вытянулись в изумлении физиономии французского и английского послов, когда они познакомились с таким демаршем русского монарха. Еще бы не удивиться, когда потребовали вернуть вывезенное, сиречь уворованное, а также полностью компенсировать порушенное «союзниками», включая сознательные подрывы черноморских броненосцев и наглый увод русских кораблей с Севера, особенно крейсеров «Варяг» и «Аскольд» и необходимых для навигации в Заполярье ледоколов.

— Особенно «понравилось» мое категорическое требование немедленно возвратить нам

крейсер «Муравьев-Амурский» и те эсминцы германского флота, что строились по русским проектам и были оплачены нашим золотом. И которые наши «друзья» по Антанте уже поделили между собою, наплевав на данные нам ранее гарантии.

— Ты им правильно поддал, Мики, теперь пусть они шибко подумают. А мы подождем, нам некуда торопиться.

— С чего уж тут нам поспешать? — притворно вздохнул монарх. — Да и выплаты по долгам «союзникам» мы будем производить лишь после того, как они вернут все награбленное у нас, никак не раньше. А если не смогут, то мы сами все подсчитаем и счет предложим. И еще одно — я им намекнул, — Михаил гневно сжал губы, — хорошо так намекнул, в добрую оглоблю, что они обязаны оплатить всю кровь, что мы за них пролили в войну с Германией. А раз даже румыны, что два года метались из лагеря в лагерь, репарациями и аннексиями богато разжились, то нам тем более они обязаны определенную долю дать! А без этого любые переговоры, причем на равных условиях, не начнутся. Как и выплаты по сделанным ранее долгам. Вот что я им заявил, мать их за ногу!

— Ты молодец, ей-богу! Аплодирую!

Арчegov усмехнулся — в первый раз генерал видел такую горячность императора по отношению к предавшим и продавшим Россию союзникам. И это было очень хорошо для его планов.

— Ну что ж... Ты все правильно сделал, Мики, говорю еще раз. Мы не будем продолжать пагубную политику — таскать им голыми ручонками из пламени каштаны! Пусть они сами попробуют заняться этим увлекательным и занятным делом.

— А мы подождем! — В голосе Михаила прорвалась нескрываемая угроза и глухая, застарелая ненависть.

— Теперь надо только ждать, — Арчegov понимающе улыбнулся, — но и рук не опускать. Бездействие губительно...

Ангара

— Ты сам посуди, паря, куда деваться было?! На Сизовском острове двух казаков с бабами и детишками малыми насмерть умучили. У нас Митроху, свояка моего, на распыл пустили. На Тушаме троих ухлопали за отказ в отряд пойти да баб сильничали жестоко. Жуть тогда многих наших мужиков взяла, как тут в банду к «краснюкам» не пойти...

Есаул Коршунов еле слышно хмыкнул, откидывая сшитое из лоскутов цветное одеяло. За перегородкой тихо говорили хозяин с ординарцем, вели неспешную, свойственную только таежным сибирякам степенную беседу. А «краснюки» в устах бородача прозвучало как «говнюки», хлестко и, судя по тону и сдержанной злобе, предельно искренне.

— А что ж этого Бурлова вы сами не ухлопали, за дела его?

— А как? Сам знаешь, что прошлым летом в наших краях творилось. Ум за разум у многих зашел! Колчак-то слабоват, да пороли много — вот мужики за красных и подались. А как не пойдешь-то, если тех, кто супротив был, Бурлов бить до смерти приказывал.

— А теперь что мужики супротив его идут?

— Так мы за крепкую власть и порядок держимся. У меня в прошлом году корову и двух свинок зарезали, за так, за «спасибо». Мол, революция потом все возместит! Как же, раскатали губы! А теперича и облигацию на пятьдесят рублей дали да три золотых империала. От налогов на два года ослобонили. Все честь по чести, от царя-батюшки одно добро видим. Так как же мне за такую народную власть не встать, не голытьба же. Да нет у нас таких, завсегда справно жили.

Сон уже окончательно прошел, есаул еще раз усмехнулся, усевшись на широкой хозяйской

кровати, что стояла в куты. Действительно, чудны дела в революции. Правильно хозяин сказал, что ум за разум зайдет.

Таежное сельцо Невон, куда он прибыл с отрядом из Илимска на двух пароходах, было не просто зажиточным по сибирским меркам, а богатым. Жили тут одни старожилы, новоселов здесь отродясь не было. Два десятка усадеб теснились на крутом берегу неширокой речушки с хрустальной водой, в которой резвились узкие силуэты хариусов.

С другой стороны медленно текла величавая Ангара, широкая синяя гладь сильно отдаляла противоположный, покрытый скалами берег. На ней и кормились местные селяне. Да окрестная глухая, хоть двести верст в любую сторону иди, тайга богатое пропитание давала — и дичь, и мясо, и шкуры, не говоря уже про грибы с ягодами. А заливные луга какие? Вдоль Ангары на пару верст тянутся, не даром стайки у хозяев полны скотом, сена с травой хватает. Благоприятные места!

— Почему ты, Трофим Семенович, в поход идешь? Ведь хозяйствовать нужно, не воевать?

— Мы с мужиками решили, — хозяин говорил медленно, внушительным голосом, — хватит безобразий на собственной земле устраивать да всяких горлопанов слушать. Царь нам народную власть дал, мужицкие советы, сами все дела решаем. А потому с отрядом вашим пойдем, винтовки у всех есть — в стражники еще в июне записались. Жить дальше без опаски желаем. Потому Бурлова с шайкой добить надобно, неча ему в здешней тайге фулюганить да людей честных грабить. Хватит воевать да ратиться, в мире жить надобно, в согласии, в трудах честных...

Иркутск

— Что ты хочешь сделать? — Михаил Александрович с нескрываемым интересом посмотрел на своего генерал-адъютанта, ломая свою голову над вопросом — какой шаг предпримет его хитрый друг.

— Передам красным остатки русского оружия, что мы имеем в Сибири и в Приуралье. Нам они не нужны, мы на японское оснащение давно перешли. Да и Колчак обещал выделить немного, и казаки от себя добавят. Так что до Одера красным будет с чем идти. А вот дальше до Рейна не смогут — пупок развяжется! Мощей не хватит!

— Ты в этом уверен?!

— В чем? — Арчegov прекрасно понял подоплеку, но искренне изобразил непонимание.

— Что они дойдут только до Одера, и ни верстой дальше?!

— Уверен?! В этом мире нельзя быть уверенным. — Генерал усмехнулся, но моментально стал серьезным. Он положил ладони на стол. — Да, я почти в этом убежден. Военного производства в Совдепии сейчас никакого. Если в семнадцатом более десяти тысяч пулеметов изготовили, то ныне и полтысячи не будет. Старых запасов хватало на гражданскую войну, а вот для войны с поляками уже нет. А что будет с немцами? У тевтонов десять дивизий и патронов хватит. И союзники условия Версальского мира смягчить для них смогут, если большевики к границам Германии выйдут. Вряд ли в Париже желают увидеть германо-русские большевистские полчища на Рейне! У себя под боком?!

— Посол мне сегодня на что-то подобное намекал...

— Потому не желаю, чтобы большевики прекратили экспорт революции дальше на запад. А в германском пожаре мы, думаю, заинтересованы даже больше, чем Ленин! Вот так-то, Мики! А потому спасти мировую революцию — вот наша главная задача, «товарищ царь». Спасти любой ценою, ибо в этом, как ни странно, наше спасение!

Генерал с улыбкой закурил папиросу, с затаенным удовлетворением наблюдая за эффектом

сказанных слов, от которых Михаил Александрович застыл соляным столпом в крайнем изумлении. Еще бы — все время генерал убеждал его в одном, а оказывается, это другое, противоположное, а ведь где-то прячется и третье!

В совсем ином направлении...

— А если на всю Европу полыхнет? — выдавил из себя опомнившийся наконец Михаил Александрович.

— Нам какая печаль, если наши заклятые друзья большевики перережут французских буржуев?! Ты же их условия выслушал вчера и сегодня, отнюдь не благостные для будущего России. Печься об их благополучии жаждешь? Что с того, что нашего кредитора красные на «распыл» пустят? Обгадиться прикажешь жидко и не жить, посыпав голову пеплом?!

Слова хлестали свирепым бичом — Михаил только морщился, получая их одно за другим. Но не мог сразу подыскать достойного ответа — слишком неожиданное развитие получил разговор. Арчegov же, со злой гримасой на лице, продолжал крепко наседать на растерявшегося собеседника, агрессивно выплевывая из себя фразы:

— Ты сейчас должен вести предельно эгоистичную политику, Мики. Тебя должны интересовать только интересы нашей России, и ничего больше. Здоровый национальный эгоизм диктует соответствующую политику. Пусть циничную, раз без этого нам обойтись нельзя. Хватит проливать русскую кровь за чуждые нам интересы! Хватит, Мики. Император Николай Павлович задавил венгерскую революцию и этим радостно похвалялся. Боже, какой идиот тогда уселся на престол! Прости, что такое говорю о твоём прадеде. Ведь стране боком через пять лет вышло! Вместо того чтобы приветствовать развал векового врага, Австро-Венгрии, и обеспечить себе доминирование на юге, решить наконец вопрос о черноморских проливах, сотворить такую невероятную глупость!

— Но ведь он прав, ты что, сам не видишь, какая зараза эта революция?! Что у нас сейчас творится...

— Зараза, конечно, еще какая проказа. Недаром их Ленин большевизм с бациллами отождествляет, с чумой двадцатого века! Однако есть тут одна заковыка. Когда у тебя дома, то это смертельно опасно для государственного организма. Зато если такая болезнь съедает твоего злейшего врага, то, может, не стоит так по нему убиваться?! Пусть французы и англичане переболеют этой заразой — им только на пользу пойдет, а мы своего тут упустить не должны. Пусть в обратку своих же методов попробуют, раз они этих гадов по всяким ихним паридам на нашу голову откармливали, убежище разной сволоте предоставляя. А теперь мы им этот «экспорт» вернем!

— Ты не думаешь, что они скопытятся от такой чумы?! Французы ведь издавна революциями балуются!

— Хорошо бы, если... Нет, Мики, большевизм их не захлестнет! Хотя, чего скрывать, мне бы такого очень хотелось. Пусть бы эти твари своим варевом подавились!

Генерал и сибирский царь, носящий титул императорского высочества и ставший в одночасье местоблюстителем имперского престола, условности давно отбросили в сторону и слов не подбирали — не на приеме послов сидят, дружескую беседу между собой ведут. Настолько искренне, что собеседники покраснелись, и табачный дым густыми клубами застилал большой кабинет, словно на старинной батальной картине.

— Почему ты так решил? Во Франции и Германии имеется огромная масса недовольных властью, и они примкнут к большевикам, как только те подойдут к границам.

— Согласен с тобою! Еще как примкнут! Но тут есть один нюанс — в отличие от нас, там не менее большая масса тех, кого называют средним классом. И как бы они ни были там недовольны послевоенным разорением, с охотой возьмут в руки оружие, чтобы не лишиться

оставшегося имущества и привычного уклада жизни. Большевистский беспредел им придется не по нутру, так что сражаться против него станут яростно. Это не наша сопливая интеллигенция, имею в виду присяжных поверенных, газетчиков, учителей в гимназиях и прочих, ту образованщину, что ввергла Россию в этот жуткий кошмар, желая проверить на опыте свои умозрительные теории. Заварили кашу, а нам расхлебывать теперь полной ложкой!

— Беспредел, — Михаил Александрович будто пропустил мимо ушей горячий монолог Арчегова и с видимым удовольствием словно «пожевал» понравившееся ему слово.

— Беспредел! Удивительно точно схвачено. Ты так называл творящиеся безобразия в *твои* девяностые годы?

— Так, — согласился генерал, но его словно не услышали. Монарх тихо рассуждал, как бы разговаривая сам с собою:

— В прошлом году, насколько я помню, удалось разгромить Советы в Баварии. Да и венгерскую совдепию, как ее там называли, тоже разогнали, хотя та полгода революцию устраивала. Ты прав — сил у здоровых кругов Германии хватит, чтобы большевистскую чуму перебороть. Ведь нынешний рейхсвер, если не ошибаюсь, насчитывает сто тысяч, причем исключительно добровольцев.

— Больше, много больше, Мики. Есть у них в загашнике еще «черный рейхсвер», что противостоит территориальным притязаниям поляков и чехов. А вот Красная армия — величина не постоянная, более шести десятков дивизий в ней не собрать. Посчитай сам — треть на нас отведена, да с повстанцами, коих пруд пруди ныне, борется. Еще дюжину дивизий им придется в Польше оставить — паны с них крови попьют. И три десятка они смогут на Германию бросить. И это все, больше сил у них нет. И не будет! И учитывай, я считаю по максимуму, на самом деле более 15–20 дивизий большевики на тевтонов не бросят, нет у них лишних сил!

Арчегов пристально посмотрел на Михаила Александровича, тихо добавил, немного вибрируя голосом:

— Столько, с учетом конницы, может выставить против них Веймарская республика, причем намного лучшего качества, к этому и добавить нечего. Так что через Одер красные, может быть, и переправятся, вот только до Эльбы вряд ли дойдут! Тем более до Рейна!

— Это меня и примиряет с твоими безумными... Хотя нет, расчет у тебя на первом месте идет. Отвести от нас большевистскую угрозу можно только одним путем — направить ее разрушительную энергию на запад. — Михаил Александрович тяжело поднялся с кресла, прошелся по кабинету, мучительно размышляя — в забывчивости тер пальцами свой большой, с нарастающими залысинами лоб. — Это единственный вариант, другого просто нет!

— Я все понимаю, Константин Иванович. Но что взамен мы сможем вытянуть из комиссаров, и главное — каким образом?

— Что — мы сейчас с тобою и определим, — Арчегов усмехнулся. — А как — так это яснее ясного.

— И как? Прости уж меня, неразумного, — грустно улыбнулся монарх и посмотрел на генерала. Тот взгляд свой не отвел, выдержал, ответил коротко, медленно цедя слова:

— Нам нужно принять предложение Совнаркома и немедленно съездить в Москву на переговоры!

Демблин

— Все, отвоевались! — Михаил Воцилло еще раз прочитал листок телеграммы и вздохнул с нескрываемым облегчением. Для сибиряков война с Польшей окончилась — матчасть нужно было передать красным, а личный состав вывезти в Петрозаводск.

— Карелия так Карелия, — капитан улыбнулся. Жизнь снова сделала крутой поворот, и теперь его ждет новое место службы. И летать будет — на Севере, как он уже узнал, англичане оставили несколько десятков новых аэропланов, от «Де Хевилендов-9» до истребителей «Сопвич». Да и край почти культурный, до Петербурга рукою подать.

Вспомнив о столице, Воцилло невольно загрустил. Не скоро удастся побывать в любимом детище Петра, ибо сейчас там заправляют красные. А летчик любил Санкт-Петербург всем сердцем и не воспринимал его новое название Петроград, данное в 1914 году на волне германофобии.

Капитан бережно сложил листок бумаги с приказом, засунул в карман офицерского френча. Красноармейскую форму с цветными «разговорами» сибиряки категорически отказались надевать. Хватит с них того, что погоны с кокардами сняли, хотя бело-зеленые угольники с рукавов не отпорол.

Впрочем, в последнее время комиссар отряда, слесарь из московских авиационных мастерских, несколько раз настоятельно намекал, что было бы неплохо летчикам и техникам погоны надеть. Мол, раз в Сибирской армии служите, а там сейчас вроде как союзная большевикам «демократия», то нужно и знаки различия носить соответствующие. Да и посетивший вчера авиаотряд важный чин, из бывших офицеров, с двумя ромбами комдива, тоже настоятельно просил переодеться к смотру, что будет проводить сам командующий фронтом молодой Михаил Тухачевский, бывший поручик императорской лейб-гвардии.

Воцилло мягко отказался от назойливого предложения, сославшись на отсутствие уставной сибирской униформы. Капитан хорошо помнил тайный приказ, отданный военным министром, — погонами и кокардами не щеголять, а носить красноармейские знаки различия.

Пилот скосил взглядом на рукав, усмехнулся — три «кубаря» пламенели под большой пятиконечной звездой. Выслужился крепко, большой чин имеет в Красной армии — командир батальона или дивизиона, что соответствует подполковнику или майору в худшем случае. Только не радовали сердце эти знаки, носил их, как и все сибиряки, с тщательно скрываемым омерзением.

Но куда деваться прикажете бедному сибирскому капитану — попала собака в колесо, так пищи, но беги. Тем паче сегодня смотр, который будет проводить «красный маршал»...

— Рад тебя видеть, Константин, — Воцилло протянул руку подошедшему плечистому краскому с двумя орденами на красных розетках и синими кавалерийскими «разговорами». Старый знакомый, тоже «сибиряк», на другой линии фронта тогда находился, да в плен попал — товарищ Рокоссовский. Рукопожатие было крепким.

— И я рад видеть, Миша. Позволь поздравить с высокой наградой трудового народа.

— Взаимно. И тебя, как я вижу, со вторым орденом поздравить можно. — Воцилло говорил с радушием, хотя внутри все клокотало. Он еле сдержался, когда ему привинчивали пролетарскую награду на грудь.

Но дипломатию пришлось соблюдать со всем политесом, хотя голова кругом пошла. Трудно было раньше даже представить, что рядом с зеленым крестом «За освобождение Сибири», полученным в рядах «белой гвардии», будет привинчен орден Боевого Красного Знамени.

Иркутск

— Ни за что! Я с ума не сошел...

— При чем здесь это, Мики? — Арчegov улыбнулся, глядя на багровые пятна, которыми покрывался монарх, неправильно понявший его предложение. Да уж, в Первопрестольную теперь

не то что царя — премьера Вологодского танковой буксирной цепью не затянешь.

Хватило Петру Васильевичу за глаза большевистского гостеприимства. И дело не в пулеметах, а в тех наркомовских пайках, что позволяли себе захватившие власть победители в голодающей стране. Сразу припомнилось унылое лицо Троцкого, когда тот генералу поведал, что икра в горле стоит, налопался он ее, «бедный», за три года диктатуры пролетариата. Да и другие наркомы тоже «оголодали» изрядно, одной осетринкой порой постились от отвращения к плодам земным.

И правильно — для кого ж революцию делали, голодовать самим, что ли, родимым, прикажете?!

Зато потом сказок понаписали коммунистические борзописцы — как с превеликим трудом Ленину в Москве один лимон нашли, будто не ведали, что на Хитровке продавали все, что только в голову могло бы взбрести — от рябчиков до ананасов.

Как несколько раз терял от голода сознание нарком продовольствия Цюрюпа — видно, продотряды хлебушка с крестьян не смогли собрать?! Или сусальный образ Дзержинского приукрашивали, целое сказание написав о картошке с салом, кою чекисты с превеликим трудом уговорили «железного Феликса» съесть. Константин в мае даже засомневался, подумав, что в том, прочитанном в детстве, рассказе была некая доля правды. Глава ВЧК здорово подсел на кокаин, а сей дурман аппетит отшибает напрочь, недаром высох как Кощей, только глазами зыркает...

— Ты с Виктором Николаевичем к большевикам все же поедешь? Когда думаешь отправляться?

— Через пару дней, не позже. И с тобою!

— Ну уж нет! Я уже сказал! — Михаил Александрович протестующе помахал ладонью, демонстрируя всем видом, что поездка на запад его ничуть не привлекает.

— А придется, Мики. Без всяких шуток!

— Зачем?

— Мы с Пепеляевым в Москву переговоры вести, а тебе до Оренбурга, а там до Гурьева по Уралу спустишься до самого Каспийского моря! А там на канонерской лодке пойдешь до Петровска. Тебе, государь, необходимо быть в Екатеринодаре и Симферополе. Весь Кавказ нужно объехать. Миротворцем выступишь, да ретивых унять надобно.

— Вот оно что... — задумчиво протянул монарх и пристально посмотрел на Арчегова. Тот правильно понял этот вопрошающий взгляд и, скривив губы, пояснил:

— Худо там, генералы сцепились, как пауки в банке. Задавить на корню нужно, иначе бед не оберемся. Эх... — Военный министр огорченно взмахнул ладонью, даже пристукнув ею по дубовому столу. Лицо генерала гневно исказилось, длинно, в три загиба, он вычурно выругался.

— Так плохо?

Михаил Александрович внимательно посмотрел на молодого друга. Таким расстроенным он Константина Ивановича видел редко — за последние десять дней генерал наконец перестал скрывать от него и свои эмоции, и реальное положение дел.

— Ты не представляешь! Мы чудом держимся, а эти недоумки в погонах с зигзагами так ничего пока и не осознали. Хуже того — что-либо понять они просто не в состоянии. От жопы отлегло, прости меня за такое слово, так тут же за старые дела принялись. Здесь, в Сибири, мы эту сволочь почистили капитально. Да, не хмурься — я сказал то, что сказал. Именно сволочь, если не назвать этих недоумков еще хлеще. Они красной пропаганде только на руку играют, до сих пор ничего не поняли, их революция ничему не научила — нет к прошлому возврата, нет! И никогда не будет! Россия иной стала, а потому не хрен в загнившие бочки новое вино наливать!

Арчегов побагровел, последние слова чуть не выкрикнул с ненавистью, сжав до хруста

кулаки. Но усилием воли задавил гнев и взял себя в руки. Заговорил намного спокойнее:

— Мы сейчас в Сибири семьдесят тысяч под ружьем держим, полтора десятка бригад пехоты и кавалерии. Добавь флотских, казаков, авиаторов, бронепоезда, кадетов с юнкерами и прочих — вот сто тысяч и получится. И как такую прорву народа содержать прикажете? Золотой запас тает, как лед, на печку брошенный. А ведь еще в МВД прорва народа, чуть ли не полста тысяч, половину которых государственная стража составляет. Вместе более одного процента населения всей Сибири — с ума сойти можно! Это сколько народа кормить, поить и вооружать приходится?! Да ни один бюджет такого насилия не выдержит, пусть он трижды резиновый, на манер знаменитого изделия мастера Кондома!

— Но ведь иначе нельзя, Константин Иванович. Задавят ведь красные, если армию сокращать будем.

— А как же! И ты учитывай — сейчас мы побеждаем, хоть и с трудом. Но с кем мы сейчас воюем? С партизанами, у которых крайний недостаток всего, от оружия до людей. А ведь им большевики почти не помогают, пропаганду свернули. Если говорить честно, то без участия московских «товарищей» мы вряд ли этим летом таких достижений добились бы! Согласен?

— Тут ты прав, возразить мне нечего, — чуть ли не с зубовным скрежетом согласился монарх. Сам Михаил Александрович не хуже Арчегова знал сибирский расклад и испытывал вполне понятное чувство беспокойства. Еще бы — борьба с партизанами требовала неимоверного напряжения всех сил и средств, несмотря на то что были достигнуты весьма обнадеживающие результаты.

— Смотри, — Арчегов ткнул пальцем в расстеленную на столе карту. — В Сибири осталось только два крупных очага партизанщины. На Алтае мы еще полгода возиться будем, хорошо, что тридцать тысяч крестьян к труду вернулось. У Рогова и Мамонтова тысяч десять повстанцев под ружьем пребывает, но мы их с трех сторон уже качественно обложили. С Тасеевым и Степным Баджеем покончено, Щетинкин убит, отряды Кравченко ушли в Урянхайский край. Там мы их и добьем к зиме: с севера — енисейские казаки, с юга — монголы барона Унгерна.

— Это если урянхи красным не помогут!

— Не должны помешать. Их нойоны прекрасно понимают, чем дело может закончиться, — это ведь белые в Сибири победили, не красные. Хотя вряд ли они предполагают, в каком отчаянном положении мы находимся. Но ликвидировать к весне эти два последних очага сможем.

— Ты забываешь про шайку Бурлова на Ангаре.

— Нет, не забыл. Его сейчас в тайгу загоняют, думаю, что смогут вскоре добить. Свои лучшие подразделения туда бросили, да и новое оружие заодно в боевых условиях испытаем. Нет, на Ангаре к зиме с партизанами закончим, тут затягивания не будет. Меня больше Амур беспокоит!

— А Восточное Забайкалье?

Задав этот «больной» вопрос, Михаил Александрович склонился над картой. Междуречье Шилки и Аргуни и широкая полоса вдоль Амура, от верховьев до самого устья, были покрыты густой багровой сыпью, словно больной корью на последней стадии, от лечения которого отказались даже те врачи, что неисправимыми оптимистами являлись.

Ужас какой-то, несмотря на огромные средства и большую поддержку, что оказывают старожилы и казаки, отшатнувшиеся от восстания за полное прощение. И — что скрывать — щедрыми посулами наделения их кабинетной, то есть бывшей царской, землей и возмещением ущерба государственными облигациями.

Число тамошних партизан втрое уменьшилось после таких принятых мер. И староверы с

казаками в борьбу с партизанщиной стали более охотно включаться. Оно и понятно — в сельском обществе всегда найдутся здоровые силы, которым нужно спокойствие и порядок. Устали чисто по-человечески забайкальцы от революции за эти три долгих года, просто надоела она им до отрыжки.

Только многовато оставалось и тех, кто драться будет до последнего. Особенно бывших каторжан, выпущенных на свободу революцией, и прочего криминального элемента, который за последние полгода пережил энергичное и безжалостно истребление, что провела государственная власть, пользуясь военным положением. Да и упертых красных, не слушающих московских призывов, было неимоверно много, и штык в землю втыкать они отнюдь не собирались.

— Их еще до десяти тысяч. Возиться будем долго. Дай Бог следующим летом с ними управиться, — подвел черту генерал и нахмурился: — Если не сможем мир с большевиками хотя бы еще на год продлить, то худо будет. Очень плохо — незатушенные угли снова в костер превратятся. И тогда нам хана полная будет: в тылу пожар, с фронта — красные.

— На Амуре еще хуже, — задумчиво пробормотал монарх, разглаживая пальцем усы.

— Мы весной там только города держали, и то с трудом, — согласился с ним генерал и, немного подумав, негромко добавил: — Хорошо, что большую часть Приморья за собой закрепили, а иначе бы совсем туго стало. Нет, война с большевиками нам сейчас абсолютно не нужна, мы ее с треском проиграем, вдребезги, пока в нашем тылу такое творится. Надеюсь, ты это хорошо понимаешь, Мики?

— Более чем, — устало согласился Михаил Александрович, продолжая разглядывать карту. — На партизан хватит сил и средств, а вот большая война с коммунистами может стать для нас фатальной.

— Вот и хорошо, что понимаешь. А раз так, то согласишься со мною, что единственный шанс для нас заключается в том, чтобы спасти революцию. Я имею в виду мировую. Пока большевики будут заняты в Европе, у нас есть время хорошо подготовиться. Так что...

— Даешь Берлин и Париж, — усмехнулся Михаил Александрович. Вот только улыбка на губах у него вышла слишком натянутой, словно маска древнегреческого сатира...

Новочеркасск

— Что, «съели» казаков?! Натe, выкусите! То ли еще будет в ближайшее время! Такое начнется...

Атаман Всевеликого войска Донского генерал-лейтенант Петр Краснов воинственно распустил усы и прошелся по кабинету, вспоминая минувшие два года. Какое было время?!

Не дай Бог снова пережить подобное!

Весной 1918 года генерал скрывался в казачьей станице, прячась от хозяйничавших на Дону красных. Тяжкие были дни... Но полезные, ибо революционный дурман быстро выветрился из голов станичников, и казаки, поголовно взявшись за шашки, вышибли красных из всех южных округов.

Собранный именно из рядовых станичников «Круг спасения Дона», названный политическими болтунами «серым», именно ему, генералу Петру Николаевичу Краснову, вручил тяжелый атаманский пернач и отдал почти неограниченные права, которыми атаман умело воспользовался.

Военизированный уклад жизни донского казачества позволил уже к июлю сформировать десятки конных полков и пеших батальонов — несмотря на неоднократные попытки красных разоружить в семнадцатом году идущие с фронта казачьи эшелоны, донцы сдавать свое оружие

не желали, так что даже пушки с пулеметами дотуда доставили. А потому казачья армия уже через пару месяцев смогла выбить красногвардейские отряды, полностью освободив войсковую территорию.

Это был звездный час атамана Краснова — он стал главой первого в истории казачьего государства, признанного другими державами. Хотя их перечень являлся кратким, а первое место в нем занимала Германия и ее немногочисленные союзники.

Краснов даже отправил к кайзеру Вильгельму II Зимовую станицу — так издавна называли на Дону посольства. Заключенное в Берлине соглашение позволило донцам бесперебойно получать от немцев оружие и боеприпасы, а в обратном направлении в голодающую на карточках Германию пошли эшелоны с казачьим хлебом.

Германцы здорово выиграли на поставках. В обмен на чрезвычайно нужное для Второго рейха продовольствие они делились патронами и гранатами, винтовками и пулеметами, пушками и снарядами. Не скупясь отдавали донцам... захваченные у русской армии трофеи. Много побросали солдатики складов, вооружения и прочего имущества, хватило и казаков снарядить, и гетманскую опереточную армию, с ее стрельцами, одетыми в просторные шаровары, необъятные, как Черное море.

Щедры делились германцы, но про запас осталось еще больше. Причем столько, что противоборствующие стороны долго междоусобную войну вели. Да еще вечно голодранцы-поляки (хоть и с неприкрытой задницей, но ведь пан, никак иначе) на старых русских складах разжились имуществом, таща, будто шелудивые тощие крысы, все, что в вороватые руки попадалось.

Атаман брал у немцев оружие — иначе Дон не выстоял бы под напором красных. Взял для казаков, но делился с генералом Деникиным, ведь тогда «добровольцы» вели ожесточенные бои на Кубани, испытывая крайнюю нужду во всем. Щедро поделился, понимая, что в борьбе с большевиками нужна взаимная поддержка.

А в ответ что получил?

Вместо искренней благодарности хлынул поток грязных оскорблений и клеветы, ругани от командования ВСЮР, с «екатеринодарской помойки», как мысленно окрестил Краснов штаб Добровольческой армии. Но на этом Деникин с компанией генералов и сбежавших помещиков не успокоился, и как только кайзер проиграл войну и приплыли «союзники» — мать их за ногу — такое началось!

Краснова травили со всех сторон, называя германской подстилкой, при этом выпрашивая «донские» рубли, ведь имперских денег, как и любых других, включая паршивые «керенки», у деникинских «странствующих музыкантов» не было. И чтобы свалить его с атаманского поста, пошли даже на прямое предательство донских казаков, когда прошлой зимой те не удержали под мощным напором большевиков фронт, да еще «разложились» под воздействием красной пропаганды.

— Сволочи, — пробормотал атаман, вспоминая те события. — Они не меня убрали, они себе яму выкопали!

Краснов тяжело вздохнул и подошел к окну — вдали виднелся памятник знаменитому атаману Матвею Ивановичу Платову, по настоянию которого и был построен Новочеркасск, ибо старую столицу постоянно затапливало в донское половодье. Может быть, и ему самому, что держал в своих руках атаманский пернач в самое тяжкое время, благодарные донские казаки тоже установят памятник.

Хорошо бы!

Петр Николаевич еще раз тяжело вздохнул — слишком ненадежно все сейчас, зыбко, как редкие пльвуны в Сальской степи. Он отдавал себе отчет в том, что красные ушли с Дона

вполне добровольно, но если захотят вернуться, то встретить их будет нечем.

Сильно ослабел Дон в революционное лихолетье, потеряв свыше ста тысяч чубатых и боевитых казаков, казачек да детишек, что горшее всего. Потери чудовищные, невосполнимые. Именно понимание этого и сломало упертость «серой» части Круга, что проходил в этом июне. Только сейчас станичники со скрежетом зубовым решили дать полные казачьи права всем коренным крестьянам, поселившимся на Дону до реформ 1861 года.

Это не менее четверти населения края, в котором казаки составляли чуть меньше половины. Более того, и те крестьяне, что поселились и после реформ, могли рассчитывать на это, за исключением тех, кто был отмечен в яром большевизме. Впрочем, последнее распространялось на иные категории населения — слишком велика была нетерпимость к врагу, залившему кровью берега тихого Дона.

Как ратовал атаман за такую реформу, но весной восемнадцатого года, прекрасно понимая, что без поддержки «коренных» иногородних и богатой части «пришлых» одним казакам не устоять. Тогда его не поняли, и за это заблуждение, основанное на эгоизме, донцы дорого заплатили — антиказачьи восстания полыхали постоянно, ослабляя и обескровливая Дон.

Сейчас это решение буквально «продавил» генерал-адъютант Арчegov, сославшись на волю монарха и на то, что подобные реформы приняты в Сибири на государственном уровне. И если донские казаки снова проявят эгоизм и своеволие, то помощи в случае неизбежного красного нашествия им уже не будет, да и выделять значительные средства на восстановление порушенных хозяйств правительство и монарх не станут.

— Сила Дона токмо в единении, — атаман повторил запомнившиеся всем горячие слова молодого генерала, казака по происхождению и по духу, и задумался — старый атаман всем нутром чувствовал, что установлен не долгий мир, нет, на это не стоило надеяться, а краткая передышка. А вот что последует в будущем, можно было только гадать и надеяться на лучшее...

Иркутск

Смотреть на лежащего перед ним человека было страшно — багровое от ожога лицо переползало на покрытые вздувшимися рубцами плечи. На лбу бесы молотьбу устроили, череп весь сморщился и кровавил. Волосы и брови напрочь отсутствовали.

Страх нагоняли выжженные губы, из-под которых выглядывал оскал белых, как у зайца, зубов. Векам досталось в огне капитально — как только глаза не выжгло. На уши, вернее то, что от них осталось, смотреть просто жутко, дрожь до самых пяток проридала. Руки, как распаренные клешни тихоокеанского краба, изломанные, тонкие, покрытые алыми струпами и обугленной чернотой. Врач и сестра милосердия крутились возле кровати обожженного, накладывая мазь на тело, бинтуя того на манер египетской мумии. Как выжил — непонятно!

Эскулапы в один голос твердили, что сие просто невозможно, с такими повреждениями не живут. А этот смог — как выкарабкался из смертного омута, только на небесах известно. Или в другом месте, противоположном — с мохнатой и суетливой прислугой, что в роли кочегаров там задействована. Но не ему тут судить, у самого грехов не измерить, а Фомин такими муками мог и искупление заслужить. Вот только...

— Память останется, Семен Федотович, никуда не денешь, — прошептал Арчegov, смотря на неудавшегося самоубийцу. Константин не понимал, почему пришел проведать Фомина, но его сюда просто притянуло. Не хотел, но пришел. Зачем, спрашивается?!

Медики повозились у лежанки добрых пять минут, обиходили бывшего генерал-адъютанта и вышли, мельком посмотрев на суровое лицо военного министра, на щеках которого перекатывались желваки. Нет, такую смерть и врагу не пожелаешь, лучше пулю в лоб пустить...

— Любуешься, Костя?

От хриплого голоса Арчegov вздрогнул — зубы обожженного разошлись в подобии улыбки, а глаза горели нечеловеческим огнем. Но не злобным, тут Константин понял сразу. Потому и спросил, смутившись изрядно, слишком неожиданным для него оказалось внезапное пробуждение своего недавнего врага.

— Отнюдь! Размышлял о том, что лучше пулю принять...

— У каждого свой выбор! Свинец был не выходом в моей ситуации, а самым худшим вариантом.

— Это почему же? — Изумление генерала Арчegovа от услышанного было искренним. Такого ответа он не ожидал.

— Ты никогда не задумывался над тем, почему самоубийц не отпевают и в освященной земле не хоронят?

— Их души в ад прямиком идут? — Константин высказал первое, что на ум пришло.

— Ага, — хрипло произнес Фомин, соглашаясь. И серьезным голосом добавил: — Тут бы мне и конец полный был. От Мойзеса, что на *нити* меня, грешного, держит. Вот потому пускать пулю в сердце было нельзя. Слишком многое эта сволочь могла заполучить...

— А огонь что — лучше? — У Константина впервые прорвалось ехидство, неуместное в этой комнате.

— А как ты считаешь? Почему на Западе еретиков на кострах жгли? Да и наша церковь, как мне помнится, тоже к огню в подобных случаях прибегала. А потому, Константин Иванович, что огонь тело еретика сжигает, зато душа, муки адские при жизни перетерпев, шанс попасть на небеса получает, от грехов избавившись. Нет для нее адского пламени...

— Ни хрена себе... — пробормотал под нос Арчegov — рассуждения Фомина показались ему удивительными. А тот, словно не заметив слов собеседника, продолжал говорить, с хрипом выталкивая из горла слова:

— Потому-то я в огонь кинулся, чтоб от Мойзеса избавиться. А он, не к ночи будь упомянут, сразу сообразил...

— Он тебя как-то спас?

Константин Иванович ошеломлен от услышанного — в голове просто не укладывалось. Но глазам он привык доверять. Вот он, пример, напротив лежит — выжил ведь, хотя такое просто невозможно. И страшился услышать ответ, сжав свои нервы в кулак. Но все же непроизвольно вздрогнул.

— Да... Спас! Он за себя, падло, старался — я же его по доброй воле хотел за собою утащить. Не вышло... А когда сознание от боли потерял, то он меня вытащил. К жизни вернул...

Фомин замолчал, бессильно откинувшись на подушку и закрыв глаза — долгий разговор его утомил. Константин молча «переваривал» услышанное, находясь в полном смятении.

Его материалистическое насквозь мировоззрение не могло воспринять *такого*, разум отказывался верить, но, вспомнив взгляд Мойзеса, Арчegov вздрогнул и нахмурился.

— На свете много есть интересного, друг Горацио, — прошептал военный министр и собрался уходить, понимая, что Фомину нужен отдых, а разговор обессилил того изрядно.

— Мы, танкисты, в огне гибнем, а потому грехи свои земные списываем, — в спину глухо ударили тихие слова Фомина. — Прости, что жив остался, это не мой был выбор.

— Да уж, — Константин повернулся, пристально посмотрел на лежащего. Тот взгляда не отвел, усмехнулся через силу:

— Мойзес, наверное, передо мною сейчас писанный красавец? А? Как ты думаешь?

— Это точно, — согласился Арчegov, ничего не приукрашивая. — Но только внешне. У него души нет, ибо совести не имеется. Ты другой...

— Благодарствую на добром слове, — тихо произнес Фомин, и тут его голос словно затвердел: — Как дальше мне жить прикажешь, генерал? Стреляться сам я не буду, а сил новый пожар устроить у меня сейчас нет. Так что тебе это дело на себя брать придется...

— Не торопись. Не придется!

— Почему? Передумал? Вот только я не...

— Ты умер, Семен Федотович, от ран тяжких, что эсеры тебе в мае нанесли. Так и объявлено в газетах. А здесь ты офицер простой, что насмерть в бронепоезде обгорел. Как раз пятого дня взорвался на путях броневагон «Безупречного» — шимоза японская, мать ее! Нестойкая пакость, сам знаешь! Чуть эшелоны не разнесло.

— Ты что творишь...

— Не кипятись, я тут ни при чем. Да и не стал бы такое представление с нашими устраивать ради тебя. — Арчegov говорил зло, вспомнив взрыв на Иннокентьевской — «шпальный» бронепоезд разнесло в клочья да рядом стоящие эшелоны пострадали.

— Прости!

— Бог тебя простит! Потому новую фамилию тебе предстоит выбрать. «Легенду» подобрали — ты немец, воевавший на Восточном фронте, сейчас это легче переносится, и на русскую службу перешедший. Направление на «Блестящий» получишь, командиром. Новенький БМВ, от американцев только полученный. Фамилию и имя сам подберешь, личным кадровиком у тебя буду. И оформлю все документы. На это возможностей у меня хватит.

— Спасибо...

— А я тут ни при чем! Это просьба Мики. Я генерал-адъютанту Фомину гибель Степанова и Михайлова никогда не прощу, хотя понимаю, что вина Шмайсера тут намного больше. Но эту суку я еще достану! Так что, господин капитан Российской армии, оправляйтесь от ран да принимайте матчасть с экипажем. И двигайтесь по железке до славного города Оренбурга. Служить вам России как медному котелку, лишь тогда все прежние грехи отмоете. А в политику больше не лезь, я до сих пор твою кашу расхлебываю!

— А почему именно туда, Константин Иванович?

Тихий голос Фомина дрогнул, и несостоявшийся самоубийца тяжело вздохнул. Последние обвинительные слова явственно хлестнули по его душе всей силою.

Арчegov мстительно усмехнулся, мысленно — совесть гложет, значит, новую жизнь проведет *правильно* и шанс этот вряд ли упустит. А сам вздохнул с тайным облегчением — добивать он не хотел, хватило урока с монархом. Так что если личные антипатии идут вразрез с государственными интересами, то о них нужно срочно позабыть, еще лучше — напрочь выкинуть из головы.

— Предстоит наступление на Ташкент, будем красных вышибать, если они сами оттуда не уйдут, как договаривались. В Закаспийской области наши далеко продвинулись, эмир Бухарский помогает. С Семиречья туркестанские бригады пойдут. Пора кончать с этим гнойником да порядок там наводить. На это сил у нас хватит, да и воевать, признаться честно, нужно немедленно, момент упускать нельзя!

Краков

— Пся крев!

Начальник Польского государства Пилсудский гневно сдвинул брови, разглядывая карту. Красные стрелы расползались по ней во все стороны, захватив территорию восточнее рек Вислы и Сана. И если бы только это!

— Пшекленты большевики, — облегчился бранью главнокомандующий. Последние сутки

приносили известия одно страшнее другого. Давящие душу, ужасные. Одна конная армия красных уже переправилась за Вислу, обойдя по дуге укрепления Модлинской крепости, что москали Новогеоргиевском именовали, которая пока стойко держалась в осаде.

Другая конная армия красных, под командованием бывшего вахмистра Буденного, захватила большой тет де пон, или плацдарм, предмостное укрепление у Демблина, крепости, которую русские называли Ивангородом.

— Куда же они их двинут? — Пилсудский в растерянности взирал на карту, будто пытался найти в ней ответ на постигшие Польшу злосчастья. Еще три месяца назад он представить не мог, что большие конные массы могут самостоятельно вершить судьбу кампании.

В прошлую войну кавалерия ничем себя не проявила — густые линии окопов и пулеметы свели ее роль в боевых действиях на нет. Но не сейчас, когда войск просто не имеется, чтобы столь мощные оборонительные линии, как прежде, отрыть и накрепко удерживать. Промежутки между дивизиями слишком большие, вот и проламывается красная конница, как кабан через редкие камыши — ломая и круша тылы, захватывая обозы, окружая и добивая храбрых жолнежов. Так они и идут, не останавливаясь, на одном дыхании, от Днепра до Вислы.

— Матка Бозка Ченстоховска!

Противопоставить этому натиску нечего. Танки бездарно потеряны, добрая половина из 120 машин, что поставила полякам Франция, досталась большевикам в исправности. Их просто бросили панцерники, оказавшись в окружении и оставшись без горючего.

— Где взять пулеметы? — в отчаянии произнес главнокомандующий и горько усмехнулся: — Негде! Немчура погана!

Данциг бастовал — единственные ворота Польши на Висле были плотно закрыты пруссаками. Спасательница Франция не могла доставить ни ящика патронов, ни одной винтовки. Правда, кое-что перепало с Румынии, но ничтожно мало, и одной дивизии не вооружишь. Но красные прорвались в Галицию, и вскоре и эта единственная животворная пуповина была ими безжалостно перерезана.

Пилсудский отдавал себе отчет — без оружия и боеприпасов, с раздетой и разутой армией он не отстоит свободу Польши. Помощи ждать неоткуда — ближайшие соседи, чехи и немцы, просто ненавидят поляков и злорадствуют над их бедами.

— Ничего, панове. Прикончив нас, Троцкий возьмется за вас, да так, что вы молиться станете. Пся крев!

Новости скверные — в Варшаве заседало правительство Дзержинского, революционного Торквемады. И что ужасно — этот пан не поляк, а литвин, и потому энергичен и умен. Первые декреты вызвали приток к большевикам голытьбы и евреев, ибо их власть пришла. Поляки начали драться с поляками — и война стала превращаться в гражданскую. Что она принесет несчастной Польше?!

— Пся крев!

Пилсудский присел в кресло и задумался. Сейчас он в Кракове, в этой древней столице Польши, здесь, как святыни, находятся усыпальницы ее королей и великих людей. Краков есть последняя надежда страны, и если город падет, государство перестанет существовать. А вместо него появится красный монстр.

Как же выиграть время? Не может Франция с Англией оставить их один на один с Россией! Это будет предательство!

— Пшекленты москали! Зрадники!

Пилсудский с омерзением подумал о белых русских — они, в отличие от союзников, уже стали изменниками, сговорившись с красной сволочью о перемирии и оставив Польшу на растерзание. Как были злыми врагами его несчастной страны эти мерзкие и подлые русские

царьки, так ими и остались. Нет, ничего у них не выйдет — русские еще перережут друг друга и подохнут в собственной вони, а Польша воссияет, раскинув свои границы от Одры до Днепра, от Балтийского моря до Черного, как в той клятве — «от можа до можа». И так будет!

— Союзники нам помогут!

Слова Пилсудского прозвучали заклинанием для него самого, именно они за последние дни овладели не только его душой, но и всеми добрыми поляками, впавшими в безнадежное отчаяние. В этом была их последняя надежда.

— Они помогут! Матка Бозка Ченстоховска!

ГЛАВА ВТОРАЯ

И в процессе представленья...

(12 августа 1920 года)

Москва

— Я думаю, товарищ Троцкий, что сибирякам не потребуется месяца для проведения мобилизации...

— Они успеют провести заблаговременно?! Я вас тут правильно понял, Борис Михайлович?!

Троцкий сверкнул стеклами пенсне, по своей привычке и горячности перебив начальника Полевого штаба РККА Шапошникова. Тот взглянул в ответ так, что Льву Давыдовичу сразу же показалось, что над его вопросом усмехнулись, — слишком выразительным был в тот момент взгляд бывшего офицера Российского Генерального штаба. Немое превосходство еще больше разгорячило наркома по военным и морским делам Советской республики.

— Нет, Лев Давыдович. — Шапошников отвечал спокойно, и этот тон не дал выплеснуться ярости предреввоенсовета. — На проведение мобилизации они затратят не менее четырех-шести недель. Но все дело в том, что боевые действия сибиряки и казаки могут начать незамедлительно.

— Как? Не дожидаясь окончания мобилизации? — Троцкий был удивлен, если не ошарашен. — С чего вы так решили?

— Стрелковые бригады Сибирской армии полностью укомплектованы по нормам военного времени, с большим излишком офицерского состава. Их запасные батальоны имеют более чем тройной комплект офицеров и унтер-офицеров. Казачьи части первой очереди всегда боеготовы.

— Вы хотите сказать...

Троцкий осекся, мозг сразу лихорадочно заработал, увязывая концы с концами. Через минуту лицо прояснилось, нарком пришел к определенному, обоснованному выводу:

— Как я понимаю, товарищ Шапошников, сибиряки могут начать войну именно этими кадровыми бригадами и казаками и не ждать, пока в тылу на их основе развертываются резервные дивизии из запасных батальонов, мобилизованных и излишков офицеров. Ведь так?!

— Так точно, товарищ Троцкий, — бывший генштабист посмотрел на наркома с нескрываемым уважением. За долгие месяцы работы он научился ценить его быстрое мышление и почти мгновенное понимание сложившейся ситуации.

— Офицеры много, девать некуда, — задумчиво пробормотал Троцкий и быстро прошелся по кабинету. Остановился напротив Шапошникова, жестом запретив тому встать со стула. Нарком напряженно размышлял:

— Генерал Арчegov обещал выехать в Москву уже завтра. Две недели займет у него дорога. — После долгой паузы Лев Давыдович заговорил без признаков даже малейшей горячности: — И будет ясно, для чего они проводят эти военные приготовления и когда намерены ими воспользоваться!

— Я думаю, товарищ Троцкий, что имеем дело с подобными майским событиям...

— Оставьте, Борис Михайлович, — невежливо перебил военного нарком — так он делал постоянно, показывая им место. Ибо войну вершат политики, а не те, кто мнит себя полководцем.

— В одну и ту же реку невозможно дважды зайти! Тут что-то другое, и не совсем война...

Пауза затянулась надолго — Троцкий закурил, Шапошников терпеливо сносил ползущий по кабинету дым, молча — выкладывать свои соображения было нельзя. Только ожидать того момента, пока сам председатель РВС не спросит его мнения.

— Слишком нарочитая демонстрация тогда имела место, откровенная, в глаза бьющая! Вы не находите?

— Так точно, товарищ Троцкий! Обстрелы велись постоянно и разведка аэропланами.

— То-то и оно. А почему скрытничают? Дивизии расформировали по нашему требованию, а взамен бригады готовят?

Борис Михайлович промолчал — вопрос был слишком риторическим, казалось, что нарком задает его сам себе. А Троцкий, дернув себя за бородку, быстро прошелся по кабинету.

— Военный министр поедет сюда на переговоры. «Дружбу» выказывать? Мы на Висле, а их войска тайком стягиваются к границе?! И нам в спину могут хоть завтра ударить? Нет, я с ним поговорю по приезду, потерплю уж две недели. Хотя бестия этот генерал, право слово. Тут что-то другое...

Троцкий с минуту предавался самым мучительным размышлениям, но неожиданно его лицо прояснилось, и председатель РВС Республики, не попрощавшись, по своему обыкновению, стремительно вышел из кабинета.

Черемхово

— Прошло восемь месяцев, а как все здесь изменилось! Впрочем, как и везде. Надо же... — Генерал Арчegov пристально посмотрел на приземистые станционные здания. Военный министр тяжело вздохнул и уселся за стол, продолжая смотреть в вагонное окно.

Действительно, изменилось — видно, если народ захочет чего-либо добиться, то он это сделает. «Спокойствие и порядок» оказалось не пустой декларацией, а весьма достижимой целью. Хотя способы достижения...

Перед глазами генерала промелькнуло окровавленное снежное покрывало, темная кайма отвалов из угольных шахт, похожих на маленькие курганы — «Черемховская бойня» оставила на его сердце незаживший рубец. Нет, он отнюдь не сочувствовал тем сотням убитых, что легли под пулями и штыками маньчжурцев. Именно здесь он впервые с пронзительностью понял, что такое революция, в том первом, самом разнузданном виде, первобытном — в котором началась.

Здесь, в этом городке, время будто замерло в октябре семнадцатого, а потом бешено пошло вперед с первого дня года двадцатого. Почему так произошло в «царстве победившего пролетариата», Константин Иванович отнюдь не сразу разобрался, только прочитав сотни документов и опросив десятки живых свидетелей, осознал со всей горечью, какая же она была на самом деле, эта пролетарская революция.

Уже в ноябре 1917 года черемховские шахтеры дружно решили, что теперь пришла их власть, «рабочая», а потому нужно жить так, чтоб губы в табаке, — трудись поменьше, получай побольше, и желательно совсем не вкалывать до обильного пота «гегемону». И цены на уголь моментально взлетели до небес, опрокинув расчеты рентабельности.

И без того слабую сибирскую промышленность просто парализовало. По таким безумно завышенным ценам даже железная дорога отказалась покупать жизненно необходимое топливо. Одновременно с этим и на других предприятиях рабочие пришли к тем самым выводам — и экономика Сибири просто рухнула, как пьяный мужик в канаву, уже в самом начале весны восемнадцатого года.

Но вместо ожидаемой, вожделенной «денежной реки» черемховские шахтеры получили

здоровенный кукиш. А ведь жен и деток кормить нужно. И что делать прикажете? Ну не работать же!

А потому в декабре семнадцатого на поверхность всплыл актуальный лозунг — «экспроприируй экспроприаторов», который большевики перевели на более понятное и доступное для победивших пролетариев выражение — «грабь награбленное». Случай удачный выпал, прямо по заказу — 8 декабря красные попытались разоружить военное училище и школы прапорщиков, но юнкера оказали сопротивление, и такое, что ВРК призвал на помощь всех, до кого мог только телеграммы отстучать.

И шахтеры откликнулись на призыв немедленно — с жаждой, с бабами и с мешками, предназначенными для богатой добычи, которой можно было хорошо «затариться» в купеческом, никогда не бедствующем городе. И прибывшая орда, а именно так ее оценили иркутские обыватели, ринулась на понтон, чтобы переправиться по нему в город и устроить экспроприацию. Не вышло — пулеметы юнкеров просто снесли в ледяную ангарскую воду мародеров и прошлись свинцовым ливнем по противоположному берегу, оставив там лежать десятки «охотников за черепами».

Этого за глаза хватило большей массе прибывших. Они немедленно загрузились в вагоны и отправились обратно. К сожалению, далеко не все так поступили. Часть «пролетариев» перебралась на другую сторону, вот только многие из них отнюдь не стали сражаться с казаками и юнкерами. Они слились в революционном экстазе с криминалом, в городе начался сплошной грабеж и убийство «буржуев».

Время от времени юнкера пленяли таких «красногвардейцев» и у «защитников равенства и свободы» находили в карманах и мешках вещи, золотые и серебряные изделия. Особенно много было золотых перстней и колец, и не просто снятых с несчастных жертв — встречались окровавленные, вместе с пальцами (да-да, в документах это хорошо описывалось, чуть рвота не пробил), а также и серьги, тоже с тем, на чем они раньше крепились, и многое другое.

Красных вышвырнули за реку, члены ВРК, почти в полном составе, вместе с легендарным Лазо, прибывшим с отрядом Красной гвардии из Красноярска, оказались на «губе» в военном училище. Но всю пролитую юношескую кровь перечеркнули господа эсеры, вылезшие наружу, как только в городе смолкли выстрелы, и заключившие с большевиками «мир». Последние сами были изрядно удивлены, когда юнкера сами разоружились, выполняя условия заключенного соглашения, а потому называли последних «политическими младенцами»...

— Жаль, не шлепнули. Эх... Весело погуляла сволота! — Арчegov скривил губы — прочитанные им строчки до сих пор стояли перед глазами и жгли душу. И он снова задумался, оглядывая раскинувшийся перед ним в летнем мареве рабочий город.

Уже к весне восемнадцатого года шахты полностью прекратили работу — уголь было невозможно продать по заявленным ценам, и шахтеры решили вообще прекратить добычу. Но пить-кушать нужно, а потому задолго до декретов Ленина они приступили к продразверстке соседних крестьянских селений, проще говоря, к грабежу. Чем и вызвали к себе вначале стойкое неприятие селян, а затем и массовое восстание с побиванием продотрядов. А тут еще чехословацкий мятеж начался...

— О чем задумались, Константин Иванович?

В открытой двери купе стоял глава МВД, сменивший на этом посту ушедшего Яковлева, Виктор Николаевич Пепеляев — кражистый сибирский мужичок с поблескивающими стеклами очков.

— Да об угле думаю. В прошлом месяце шахты впервые рентабельными стали. Доход наконец приносить стали.

— Это пока корейцы на них работают, Константин Иванович. Прибыль и появилась. А если

через три года и на них ваш так называемый «соцпакет» определить, то убытки опять пойдут. И серьезные!

Арчegov усмехнулся — он раньше не предполагал, что на посту военного министра станет заниматься чисто гражданскими делами. Никогда не думал, а тут как в пословице получилось — потянешь за кончик ниточки и весь клубочек разматываешь. Даже не так — тронешь один камушек, лавина и понесется. Вот и получилось, что январь аукнулся летом.

Без каменного угля любая нормальная жизнь невозможна. Это работа железнодорожного транспорта, главной связующей артерии Сибири, а также немногочисленных электростанций, без которых уже само существование промышленного производства и городов просто немыслимо. Шахтеры при Колчаке ухитрялись работать один день из двенадцати в лучшем случае. И отнюдь не по политическим мотивам, вернее, не только по ним.

Пролетариат полностью разленился — лень, пьянство и прогулы стали обыденным явлением. Даже ижевцы, соль рабочего класса, как только некоторые из них обзавелись домами и собственными хозяйствами, тоже поддались этому явлению. Чуть-чуть, но тут важен сам факт. Поневоле вспомнишь и поймешь товарища Сталина с его драконовским рабочим законодательством тридцатых годов. Прогулы — бич любого промышленного производства, основанного на конвейере! А про выдаваемый похмельными брак и говорить не приходится.

Уголь был крайне необходим, но его держала в своих руках вольница, не желающая работать, насквозь ставшая криминальной. Черемхово являлось неофициальной столицей уголовного мира все эти два года, с восемнадцатого по двадцатый, именно маргиналы и преступники заправляли здесь.

И что делать прикажете? Долго и терпеливо лечить, тратя жизненно важные средства, или взрезать гнойник и выдавить?!

Арчegov избрал второй вариант и не только выдавил, но и прижег, фигурально выражаясь, раскаленным железом. Впрочем, министр Яковлев и Вологодский с Пепеляевым уже отнюдь не либеральничали с криминалом. Как говорится — допекло!

Тут выбор для них тоже был простым — или плодить аппарат, который будет ловить преступников, судить их и потом долго содержать и кормить по тюрьмам и каторгам, или решить проблему со всей беспощадностью. Благо в революционное время жизнь человеческая полностью обесценилась и породила известный цинизм — «на распыл», «отправить в Могилевскую губернию», «хлопнуть», «в штаб генерала Духонина», «разменять» и прочие словеса, что применялись в зависимости от политической или социальной окраски жертвы. И не просто решить проблему, но и свалить ее на военных, умыв таким образом руки.

«Чистенькими хотят быть! Они все в белом, а мы в дерьме». Однако мысли мыслями, а взгляд Арчегова продолжал оставаться спокойным и приветливым. Пепеляев не нравился — типичный интеллигент, с желанием все сделать с учетом разных мнений. Компромисс в таком случае не решает проблему, а только ее запутывает.

В прошлом году министр увлекся буквальным насаждением земских учреждений, видя в них опору правопорядка. Но в том же Забайкалье это вызвало сильнейшее недовольство крестьян и привело к восстанию — селянам не понравилось увеличение налогов. А новоявленные земцы с увлечением начали заниматься революционной агитацией и натуральной подрывной работой — подбивая на мятежи тех же недовольных крестьян.

Вот такие пироги с котятами — хотели как лучше, а получилось как всегда! В России все через одно место делается, потому что вначале головой хорошо подумать не хотят!

— Это есть броненосец... Натюрлих! Нет, настоящий линейный корабль, только маленький!

Старшина первой статьи Генрих Шульц с нескрываемым восхищением разглядывал грозный монитор, на котором ему предстояло служить дальше. Такая судьба у военного моряка — не знаешь, на какой корабль переведут. Но сейчас немец был полностью доволен, разглядывая свое нынешнее место службы.

Всего за полгода он прошел через три океана и множество морей, причем дважды, туда и обратно. Побывал в родном фатерланде, в котором не был почти шесть лет. И с нескрываемым удовольствием через две недели покинул Германию — нищую, голодную, терзаемую безработицей, красными восстаниями и алчными соседями.

Нет, просто несказанно повезло, что в конце декабря прошлого года он принял предложение русского офицера, что вскоре стал генералом и военным министром, честно послужить Сибири. Эта далекая и заснеженная страна, казавшаяся раньше местом ссылки и каторги, теперь воспринималась совсем иначе, почти...

— Это есть мой фатерланд, — прошептал немец, хлопывая крепкими ладонями бушлат и стряхивая с него налипший мусор.

Вот уже три недели полсотни немцев и столько же русских матросов приводили в порядок монитор «Вьюга», порядком запущенный за годы революции. Им помогали рабочие затона, причем не халтурили — это русское слово Шульц хорошо усвоил, а потому не спускал с них глаз и проверял каждый выполненный «урок».

Корабль же его, на нем дальше служить!

— Колоссаль! — с восхищением произнес немец, продолжая разглядывать низкобортный монитор, неподвижно и грозно стоящий в пронзительно-синей амурской воде.

С «Капитаном Сакеном», на котором он прошел путь от Севастополя до Владивостока, этот корабль нельзя сравнивать, слишком разные они. Эсминец узкий, с высоким бортом, скорость вдвое больше — настоящий морской корабль, который выдержал несколько штормов. Да попади монитор в одну большую волну, не то что в шторм, под воду бы сразу ушел, как железный топор, без всплеска.

Но на реке штормов вовсе нет, и волна низкая, пологая. Лишь в устье Амура, где Шульц уже успел побывать, в непогоду с Татарского пролива хорошая волна шла, но и только. Так что утонуть на новом корабле ему никак не светило, а потому немец искренне радовался, что попал служить именно в Хабаровск.

Погибнуть от вражеского снаряда, осколка или пули на этом мониторе намного меньше возможностей, чем стоя за пушкой маленького ангарского ледокола или того же эсминца — на них на орудиях даже броневых щитов не установили.

Вначале монитор не понравился — похож на плоскодонную лоханку или баржу, на которой, будто по недоразумению, высятся четыре орудийные башни с длинными орудийными хоботами. Но вскоре выяснил, что борта прикрыты стальным поясом в четыре с половиной дюйма, такую же защиту имели и башни. Неуязвимый корабль, ни одно полевое орудие пробить такую толстую броню не могло даже в упор, а потому Шульц чуть ли не заплясал от радости.

— Мой «Фон дер Танн», — Генрих вспомнил германский линейный крейсер, который видел в Вильгельмсхафене, главной базе кайзеровского флота. На том башни располагались так же — в диаметральной плоскости носовая и ютовая, а средние располагались побортно в шахматном порядке. Правда, в башнях было по две пушки в одиннадцать дюймов, а на «Вьюге» всего одна, в шесть дюймов. Но линейный корабль раз в двадцать больше, чем монитор, — двадцать тысяч тонн водоизмещения против одной. Так ведь линкор даже в устье не загонишь, на мель разом сядет. А монитор спокойно по Амуру ходит, осадка чуть больше метра. Мощный

и надежный корабль, настоящий властелин реки.

— Повезло, — прошептал Шульц, повернулся и быстро, но степенно, как полагается командиру главной на корабле носовой башни, пошел домой, к видневшемуся поблизости от мастерских бараку.

Там ждала его молодая жена с огромным нетерпением, ведь за все эти три недели встречался с ней урывками, несколько раз, не имея возможности покинуть корабль. Но увольнительная на сутки получена, и теперь он с головою окунется в долгожданный отдых...

Черемхово

— Просто момент удачный сложился, Виктор Николаевич, — Арчegov усмехнулся, — ведь нам без левых в Народном Собрании никак нельзя, пусть это будут, извините за невольный каламбур, правые эсеры и меньшевики. Последние вообще выдвигают только экономические требования. И весьма умеренные, кстати.

— Которые считаете нужным немедленно удовлетворить! А не вызовет ли это такие же последствия, что и летом прошлого года?!

— Я понимаю, на что намекаете. — Генерал сломал пальцами картонный мундштук папиросы и закурил. Затем внимательно посмотрел на главу МВД и медленно заговорил, тщательно подбирая слова и выделяя их жестким тоном: — Пользы с наших предпринимателей и промышленников в прошлом году было немного. А если говорить честно, то ее совсем не оказали, исходя из возможностей, что имелись. Большинство наших заводчиков требовало государственных кредитов, довольно значительных, причем на условиях полной предоплаты. Ведь так, Виктор Николаевич? А сколько из них выполнили полученные заказы? Едва треть, причем не лучшего качества. И вы хотите снова ставить на такую хромую лошадь?!

— Но ведь нужно что-то делать? — Пепеляев говорил глухо, но отвел взгляд в сторону. Слова генерала били не в бровь, а прямоком в глаз. И еще тише добавил: — Они сильно недовольны новым законом.

— А мы на их недовольство с «прибором» положим, простите за такое слово, — Арчegov зло усмехнулся, скулы затвердели. — Сейчас самый удобный момент, чтобы решить рабочий вопрос и взять наших буржуев за глотки. И сдавить так, чтоб затрепыхались, чтоб силу почувствовали. — Пальцы генерала сжались, будто он на самом деле собрался кого-то задушить. Но голос стал спокойным, со скрытой усмешкой: — Серебренников рассказывал, как в прошлом году он посетил в Иркутске местный союз промышленников и задал там один вопрос — почему вы, господа хорошие и богатые, не издаете ни единой газеты, хотя эсеры и кооператоры, что в принципе одно и то же, чуть ли не десяток выпускают. И знаете, что ему ответили?

— Нет, Константин Иванович.

— Государство отпускает крайне недостаточно средств на содержание аппарата их «союза», а потому газета не может быть издана. Но это еще не все. Я тут справки навел — в прошлом году уклонение от налогов приняло настолько массовый характер, что поступления от богатых промышленников и заводчиков в казну практически прекратились. Ведь так и было, Виктор Николаевич, вы же ведь тогда являлись министром внутренних дел!

Арчegov разъярился, хотя старался это не показывать. Принятие закона о 8-часовом рабочем дне при одном выходном в неделю, оплачиваемым отпуском в две недели (чего тогда не было в Европе), с обязательным медицинским страхованием, с материальной ответственностью предпринимателя за меры безопасности на производстве — все это вызвало большое недовольство среди буржуазии.

Но тут был нанесен по ним еще один удар!

Правительство Вологодского убрало Сибирское Народное Собрание принять закон о денежных отчислениях на строительство доступного и дешевого жилья для трудящихся с большим стажем — или государством, или самими промышленниками.

И сразу началось, такой хай поднялся — даже выпуск газет под эту тему наладили. Да не тут-то было! Силою, под угрозой конфискации, тотального разорения и солидных тюремных сроков, заставили эту погань — другого слова для них Арчegov просто не находил.

— Понимаете, Виктор Николаевич, если мы не задвинем их на место сейчас, то они приведут нас к краху, как в прошлом году. Вопрос нужно ставить именно так — вы будете платить все положенное и довольствоваться малой долей прибыли! Но постоянно капающей! Иначе потеряете все, в том числе и жизнь. Идет война, мы не будем церемониться с рвачами! — Генерал чуть помахал своим немаленьким кулаком, что были весьма внушительным аргументом. И с той же напористостью продолжил:

— Нужно решить рабочий вопрос раз и навсегда, вышибить почву из-под большевистской агитации. Просто наши буржуи не привыкли к такому отношению, за свою мощь у них одна забота, а не о народе и государстве. Смотрите — в Иркутске масса домов, многие люди ютятся в битком набитых комнатах, а другие в просторных особняках. И ухудшать свои жилищные условия не намерены. Как и благотворительность проявить. Примеры других, в том числе и мой, на эту мразь не действуют. Ведь так?

— Полностью согласен с вами. Но ведь сейчас нет войны, а это частная собственность. И поселять или не поселять к себе оставшихся без крова людей — дело их собственной совести.

— Что-то совесть их окончательно замерзла и не подает признаков жизни. Так что вашему ведомству ее придется размораживать, благо возможности есть, и не малые.

— Что вы имеете в виду?

— Мы не зря переписали все излишки площади и вскоре установим драконовский налог. А тех, кто открыл двери своих домов для беженцев, то таких освободим от уплаты. Даже полностью! Будем исключительно через кошелек и фигурально «поротую задницу» учить богатеньких Буратино патриотизму и умеренному аппетиту.

Арчegov посмотрел на Пепеляева и улыбнулся. Виктор Николаевич абсолютно не подходил на пост главы МВД, что проявилось особенно ярко в прошлом году. В январе его поставили на место убитого Яковлева как чисто политическую фигуру, вовремя оказавшуюся под рукой. Теперь срок прошел и надобность отпала.

Новую кандидатуру Вологодский утвердил — бывший Приморский губернатор Гондатти, человек пожилой, если не старый, все еще энергичный, с авторитетом и положением. Именно такой мог поставить на место правых, а также заставить состоятельных сибиряков отдать часть своих богатств. При помощи иезуитских методов, в добровольнопринудительном порядке, как говорили в советское время. Но тут большую роль должно было сыграть военное ведомство...

— Смотрите, Виктор Николаевич, — Арчegov поднялся с дивана и вышел из купе, встав у окна. Показал рукою на два эшелона с углем, что стояли на соседних путях. Наваленное с горкой «черное золото» матово блестело, словно предчувствуя, что вскоре отправится в паровозные топки или котлы электростанций. — Каждый день отсюда отправляют уголь. Много, добыча составляет три четверти довоенной. Успеваем только эшелоны «углярок» подбрасывать. Рост добычи идет не только здесь, везде. Почти на всех шахтах, в том числе и в Приморье. Признаюсь честно, я не ожидал такого, не надеялся. А почему так произошло?

Вопрос упал в пустоту — его собеседник только хмурил брови и молчал, как партизан на допросе. Да оно понятно, кому будет радостно, когда носом тыкают в собственные ошибки.

— Да, мы выделили большие кредиты на шахты. Но контроль остался за государством, а если промышленник не будет выполнять наложенные на него обязательства, то потеряет все.

Вот так патриотизм и пробуждают! Пинком добрым! И ничего, быстро сообразили, что лучше получать мало, но постоянно, чем надеяться урвать сразу и много. Но потом на отсидку отправиться или к «стенке» встать. Халявы им больше не будет, закончилась она для них. Ведь они «катками» в кабаках раньше расшвыривались, а своих рабочих в черном теле держали. И сейчас, чуть отлегло, снова за старое принялись! Давить их надо без жалости, они враги хуже большевиков, а вы с ними либеральничаете! Как клопов давить нужно!

Генерал гневно стукнул кулаком по поручню, отошел от окна и жестом предложил Пепеляеву вернуться в купе. Собеседники уселись на удобные диваны — сам Константин до сих пор не мог привыкнуть к комфорту первоклассных императорских вагонов, куда там советским СВ, в которых он пару раз проехался в то еще время.

— Да, уголек хорошо рубят, но кто?! Наших мало, большинство составляют корейцы и китайцы, причем от последних нужно начинать избавляться. И чем их будет меньше здесь, тем лучше для будущего государства.

— Это почему же, Константин Иванович, позвольте осведомиться?

«Будто ты не знаешь?! Зачем мне-то ваньку валять?! Эх, Виктор Николаевич, гнать вас поганой метлой давно нужно, только Вологодский до последнего момента в „паритет“ свой с вами играл». — Мысли были злые, но генерал ответил с любезностью в голосе. В Пепеляеве он сам нуждался для большой игры в Москве с Троцким, хоть и в совсем ином качестве, а потому приходилось быть сейчас крайне обходительным.

— Китайцам мы платим золотом, и оно уходит за Амур. Корейцы же бегут с родины, селятся здесь навсегда. Потому им нужно наше подданство, и за него они вкалывают на шахтах три года или два года честно тянут лямку в Маньчжурских батальонах. Кстати, хорошие солдаты, и жалованье у них намного меньше, чем у тех же китайцев. Что в армии, что на шахте. Правда, головной боли для Петра Васильевича добавилось.

Пепеляев пожал плечами — корейская проблема и его ведомству крепко трепала нервы. На одном Дальнем Востоке проживало свыше полусотни тысяч бывших жителей Страны утренней свежести, сбежавших от японских оккупантов. Почти десятая часть населения Приморья. И все эти годы с ними не знали, что и делать — ни при царе, ни при Колчаке.

Сейчас выход нашли — нуждаясь в дармовой рабочей силе и солдатах, корейцам дали отличную возможность быстро заполучить сибирское подданство. Но тут японцы, мать их за ногу, встали во вторую позицию и потребовали у Сибирского правительства выселения всех беглецов обратно в Корею.

Положение хуже губернаторского — ссориться со Страной восходящего солнца было чревато определенными последствиями. Хорошо, что выход нашелся — Сибирь велика, на одном Приморье свет клином не сошелся...

— Тронулись, Константин Иванович!

Вагон дернулся, мимо окна стало медленно проплывать здание вокзала. Затем последовали стены пакгаузов, сложенные из красного кирпича. Арчegov надавил на кнопку звонка. Не прошло и пятнадцати секунд, как в дверях появился ординарец.

— Принесите, пожалуйста, чая. И дорога долгая, и разговоры такие же будут. Вы согласны со мною, Виктор Николаевич?

Никольск-Уссурийский

Генерал-майор Григорий Михайлович Семенов жадно вдыхал влажный теплый воздух, отличный от сухости родного Забайкалья. Он снова вернулся к первому месту военной службы, которую начал почти десять лет назад в 1-м Нерчинском казачьем полку Уссурийской конной

бригады.

Тогда молодой хорунжий служил младшим офицером вместе с бароном Унгерном в сотне, которой командовал есаул Оглоблин, нынешний атаман Иркутского казачьего войска.

Лихо их побросала судьба за годы войны. Отправились на фронт отсюда, но там разлучились, когда Прокопий Петрович 3-й Верхнеудинский полк под командование получил на Кавказском фронте. Думал, что развела судьба, ан нет. Аккурат перед Февральской революцией Семенов получил назначение именно в этот полк. Однако служили вместе недолго — полковник Оглоблин, видя развал армии, разложенной революцией, уехал в Иркутск, где с нескрываемой радостью, хотя и с понижением в должности, принял местный казачий дивизион, в котором начинал службу задолго до войны с Китаем, как раз в год рождения будущего «властелина Забайкалья».

А самого Семенова грязный революционный поток вознес на гребень. Молодой подъесаул, кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени и Золотого Георгиевского оружия, оказался в столице, где предложил Керенскому начать формирование полков из инородцев, ранее не служивших. А заодно вызвался арестовать или убить Ленина — в Петрограде как раз шел июль, и большевики начали свое первое вооруженное выступление.

Верховный главнокомандующий, которого за глаза русские офицеры «главноуговаривающим» окрестили, оказался тряпкой и от предложения пустить «в распыл» политических оппонентов категорически отказался. Но идея формировать национальные части ему понравилась, и подъесаул выехал из столицы с вожделенным приказом немедленно начать комплектование в Верхнеудинске Бурят-Монгольского конного полка, которым ему самому и предстояло командовать в будущем.

Однако до октября удалось набрать только один эскадрон, а там большевики совершили свой переворот, и местный ВРК приказал распустить полк. Семенов отправился в Иркутск и там чуть не попался — его хотели арестовать, но выручил атаман Оглоблин, помогший бежать за Байкал и давший пятерых иркутских казаков в сопровождение. И не зря — станичники его буквально спасли от беды на вокзале в Верхнеудинске, одними шашками разогнав полуроту солдат, что, получив телеграмму из Иркутска, явились на станцию для ареста мятежного есаула.

Дальше начались приключения — с примкнувшим немцем-есаулом бароном Унгерном и горстью иркутских и забайкальских казаков Семенову удалось захватить пограничную станцию Маньчжурия, разоружив тысячу с лишним солдат. И в подчинении у него были вчерашние сослуживцы — барон Унгерн и бежавший из Иркутска, после того как в декабре юнкера и казаки сложили там оружие, атаман Оглоблин.

— До сих пор поверить не могу, — прошептал генерал, вспоминая те горячие деньки, когда он первым в Забайкалье вступил в борьбу с красными. Но то было очень давно, а сейчас Григория Михайловича душила «жаба» — обычная, понятное дело, зависть.

Барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг сделал стремительную карьеру после того, как вышиб своими азиатами в мае этого года китайцев из Монголии. Чистокровный немец, бывший «даурский ворон», ловко научился носить таарлык и продолжал избивать ташуром провинившихся перед ним. Правда, свой пыл остзейский садист сейчас умерил. Нос по ветру держит, сволочь, на Иркутск постоянно поглядывая. Сейчас барон уже командующий монгольской армией из трех кавалерийских дивизий, имеет чин, равный генерал-лейтенанту.

Атаман Оглоблин так и остался атаманом, только число станичников увеличилось впятеро, чуть ли не восемьдесят тысяч населения у него в войске. Потому и «генерал-лейтенанта» недавно получил, обогнав Семенова в чине. А ведь и он еще в декабре был жалован верховным правителем в производстве, вот только этот сукин сын Арчegov ему генеральские погоны тогда на полковничьи поменял. Обидно до слез, тем более что красных все-таки из Сибири вышибли!

Казалось, что фортуна снова обернулась к бывшему атаману лицом, как он посчитал три месяца назад. В мае вовремя сообразил нужную сторону занять, услугу последнему императору оказал.

Оценили?! Хрена горького!

С Верхнеудинска услали в Приморье с одним Селенгинским уланским полком, назначив командиром отдельной Уссурийской конной бригады, в которой он и начинал когда-то свою службу. Вроде как повышение, вот только шашек под его командованием едва ли было больше, чем в прежнем Нерчинском полку. Кроме семи сотен бурят, принял здесь малочисленный Приморский драгунский полк, заодно влив в него конных егерей полковника Враштеля, переданных под командование. В них вместе и шестисот клинков не набиралось.

Смешно!

И обидно, ведь следующий чин он точно никогда не получит, слишком сильны в штабах его недоброжелатели. И Арчegov, как назло, вместо поездки в Приморье в Москву едет, видно, понравилось высокопревосходительству с красными упырями переговоры вести.

Недаром слушки нехорошие по армии ходят, что его теще целый вагон всякого добра большевики одним махом подарили и на глазах несчастных и раздетых родителей, жен и детей офицеров, что вместе с ней в других вагонах, битком набитых, ехали, со всем обхождением и отличным харчем в Сибирь отправили.

Неужто это правда?! Или красная пропаганда?

Головинская

— Здравия желаю, ваше высокопревосходительство!

— Зачем официально?! Рад вас видеть, Прокопий Петрович! — Арчegov обменялся с генералом Оглоблиным крепким рукопожатием и по привычке огляделся по сторонам.

Казачья станица Головинская вытянулась вдоль железной дороги на добрую версту — большие, добротные дома, сложенные из бревен, крыши многих накрыты листовым железом, золотистая маковка церкви приветливо отблескивала в солнечных лучах.

Зимой «Головинка» казалась ему совсем другой — серой, спрятавшейся в защитном коконе от революционного лихолетья. Да оно и понятно — сама станица и два ее поселка, Корхово и Занина, располагались почти рядом, по сибирским меркам, с Черемхово, а такое соседство поневоле в страх бросит. Тем более что в станице тогда проживало чуть более тысячи человек войскового сословия, от мала до велика, а только одних красногвардейцев и партизан в шахтерском городе было чуть ли не вдвое больше.

— Константин Иванович, мы вас чуть ли не с самого утра ждем-с. Молебн отслужить надобно...

— Никаких молебнов, Прокопий Петрович. Мы путь заблокировали, тут даже разъезда нет, в поле стоим. У нас на все полчаса есть, извините великодушно.

— Тогда не будем терять ни минуты. Прошу вас, Константин Иванович! — Оглоблин показал рукою на легкую бричку, запряженную парой строевых коней, и Арчegov тайком вздохнул — ну не любил он такие народные гуляния, чувствуя себя редкостным зверем в посещаемом людьми зоопарке.

Станица встретила их колокольным звоном, принаряженные казаки и казачки толпились на площади, носились и что-то кричали во весь голос ребятишки, чинно, на почетном месте стояли старики с батюшкой. Рядом вытянулись ровные шеренги почетного караула.

Именно эти молодые, многие и совсем безусые, казаки привлекли внимание Арчegovа — добрая половина парней была не просто одета в неизмятое новенькое обмундирование, в глаза

сразу бросилось, что военная служба для них занятие насквозь непривычное. Оглоблин поймал взгляд атамана и тихо пояснил одним словом, которое все разом и объяснило:

— Поверстанные.

Бричка остановилась. Константин Иванович, чуть придерживая шашку (георгиевское оружие он всегда носил при казачьей форме), степенно, чинно, как полагается генералам, сошел с брички и, по сложившемуся и давно отработанному ритуалу, направился к замершим шеренгам...

— Теперь вижу, Прокопий Петрович, что наше войско представляет собою реальную силу. Вот только вчерашних крестьян нужно долго доводить до ума — пока они не более чем мужички, нацепившие казачью форму. Так что будет лучше, если их щедро разбавить добрым казачьим элементом. — Арчegov остановился, поглядел в окно, мимо которого проплывала березовая рощица, и тихо добавил: — По крайней мере, младшим командным составом, включая приказных.

— У меня не хватит казаков, Константин Иванович. Третьего года службы едва шесть десятков, и это на четыре конных сотни и на полный пластунский батальон. Да еще гвардейская сотня, две пулеметные команды и конная батарея на формировании. Даже если со второго года взять...

— Так вы же сами на увеличении войска настаивали, Прокопий Петрович, говорили, что все эти проблемы решаемы?!

— Буряты испокон века не служили, а у меня их в конных сотнях большинство, казаки едва десятую часть составляют. Да и в пластунах одни вчерашние крестьяне, а их столько же.

— Да уж, — пробурчал в ответ Арчegov, меланхолично помешивая горячий чай серебряной ложечкой. Расчет простой — на сотню приходится вахмистр и дюжина урядников, никак не меньше, это по штату. А потому он хорошо представлял те трудности, что стояли сейчас перед Оглоблиным.

Что делать ему прикажете, если сотни инородцами укомплектованы? Едва-едва природных казаков для обучения хватает. Что бы ни говорил атаман, но пользы от Иркутского казачьего полка сейчас вряд ли ожидать приходится, его еще не меньше полугода до ума доводить нужно.

С пластунским батальоном тоже головная боль — иркутские казаки прежде пешими не служили, оттого служба в инфантерии незнакомая. Да еще артиллеристы требуются. Только гвардейская сотня нареканий не вызывает, но там большинство природные казаки как раз и составляют.

— Константин Иванович, министр внутренних дел господин Пепеляев категорически запрещает переселять наших станичников из северных уездов и средства не дает...

— Правильно делает. Пока в тамошних местах партизанщину не уйдем, с переселением торопиться не будем. Да и незачем, я так полагаю. Пока... Куда вы их селить будете, Прокопий Петрович? Дома построили, землю под усадьбы отвели? То-то и оно.

— Дополнительный земельный отвод этим станицам до сих пор не сделали, Константин Иванович! Вон, министр Пепеляев вместе с вами едет — он же давний недоброжелатель казачеству будет!

— Что верно, то верно, — согласился Арчegov. Глава МВД действительно не очень тепло относился как к самому казачеству, так и к мерам, направленным на его увеличение. И тут Константин кое в чем был с ним полностью согласен, потому решил открыть «карты», понимая, что затягивание к ничему доброму не приведет.

— Видишь ли, Прокопий Петрович, — перешел на доверительное казачье «ты» Арчegov, как между ними всегда случалось, несмотря на значительную разницу в возрасте. — Дополнительной нарезки земли дано не будет. Хотя киренских и илимских станичников сюда

переселим обязательно. И не только их, но и тех из бывших казаков, кто на севере согласился перейти обратно в войсковое сословие. Таких, как ты знаешь, довольно много.

— Это ж больше тысячи душ! Как я их здесь размещу?! Земельный пай прикажешь уменьшать?! Правой рукой землю даешь, а шуйцей отбираешь! Хо-ро-ша власть! Ну, господин Волог...

— Ты на Петра Васильевича не греши. Он сам тогда обалдел от моего предложения! Это мое решение!

Арчegov пристально посмотрел на войскового атамана — тот от такого категорического заявления министра впал в столбняк на минуту, борода встопорщилась. Потом Оглоблин снял очки и стал нарочито тщательно протирать стекла белоснежным платком — пальцы чуточку дрожали.

— Прокопий Петрович, ты, ради Бога, не горячись, а выслушай меня спокойно. Выдохни воздух, закури, — Арчegov пододвинул атаману коробку и сам вытащил из нее папиросу. Минуту молча курили, купе заволокло дымом, и только сейчас Оглоблин глухо заговорил тусклым голосом:

— Удивил ты меня, Константин Иванович. Крепко поразил, если не сказать больше. Подумал даже...

— Что я предатель казачества? Ведь так?

— Так, чего тут скрывать. — Губы пожилого генерала скривились, а в глазах сверкнуло множество эмоций, среди которых, как показалось Арчegovу, сквозили гнев, непонимание и некая растерянность.

— Смотри, что получается. Земли, я имею в виду удобную, просто нет. Тайгу, камни и болота в расчет не берем. Это уже сейчас. Наделить в полной мере всех станичников можно только в том случае, если отобрать угодья у соседствующих крестьян. Ты представляешь, что тогда начнется? Сколько крови пролить снова придется? Они и так волками на казаков смотрят и требуют земельного равенства...

— Мы за эту землю кровь собственную льем, а они только пот. Шиша им, а не равенство!

— Не горячись, Прокопий Петрович. Да, полный пай в тридцать десятин правительство, хоть и с превеликим трудом, ответит. Но не на всех казаков и не везде.

— Что ты хочешь сказать?

— А то, что крестьяне, что в казаки в станицах записались поголовно, и те села, что к войску причислены, пая полного не получают. Я имею в виду удобной земли. И еще одно — боюсь, что со временем закон о казачестве в этой части вообще в фикцию превратится.

Атаман Оглоблин сидел в кресле с посеревшим лицом, уставившись невидящими глазами в стол, ошеломленный словами военного министра. Затем молча расстегнул верхнюю пуговицу, потер шею ладонью, будто воротник начал душить его. Глухо сказал:

— У тебя выпить есть? И давай ты четко и откровенно расскажешь, тень на плетень наводить не будешь. Растолкуй уж мне, с казаками ведь не тебе, а мне, атаману, говорить придется. Так что выкладывай все, и начистоту!

Хабаровск

Генрих Шульц степенно, чуточку раскачиваясь, как и положено ходить заслуженному морскому волку, шел к дому — да, именно к дому, хотя назвать достойным семейным пристанищем этот барак у него язык в другое время не повернулся бы. Но, как говорят сами русские по такому случаю, дареному коню в зубы не заглядывают.

И пусть у них всего одна комната, а огромная печь рассчитана на три семьи, ютящихся за

дощатыми перегородками, но это их первое семейное гнездышко в жизни. А будут богаты, а на это Шульц крепко надеялся, так свой дом построят, в два этажа, с паровым отоплением и ванной комнатой.

— Доннерветтер! Душу их мать!

Моряк вздохнул и смачно выругался сквозь зубы, мешая перченые немецкие и русские слова. Как ни пытался он думать о пристанище добром, но перед глазами вставала грязь на окнах, заклеенных бумагой, загаженный пол, оплеванный и замусоренный. Да соседи — вечно пьяные мастеровые, что должны трудиться в затоне, но на работу за те три дня, что провел в доме Генрих, перед тем как отправиться на корабль, они так и не сходили, дыша в бараке смрадным перегаром.

— Я им буду бить морду и приучу их к настоящему орднунгу, — решил Шульц и ускорил шаг. Ему захотелось обнять молодую жену, спрятаться с ней за занавеску, ибо на соседней кровати спала его любимая муттер с сестрой Гретхен, а вся комната была заставлена баулами и двумя ящиками, что они с превеликими трудами привезли из Германии. А потом он будет бить этих, как это на русском вроде поганцев...

— Майн Готт!

Шульц испытал жгучее желание протереть собственные глаза — барак прямо-таки сиял вымытыми, прозрачными стеклами, за которыми виднелись белые занавески с красными цветами. Он узнал их — они были в его комнате, там, в фатерланде, когда он уходил служить в кайзермарине.

Крыльцо поразило прямо в сердце. Гнилые доски исчезли, их заменили на свежие сосновые, желтые, притягивающие взгляд. И перильца обработала чья-то умелая рука, покрыв зеленой краской с желтой окантовкой столбиков. Шульца словно прищипорили — в два прыжка он оказался у двери, рывком отворив ее и машинально отметив, что кто-то подправил и смазал петли.

В ноздри ударил притягательный с детства запах горохового супа с поджаренными гренками, а глаза жадно смотрели на чистоту и скромное опрятное убранство — настоящий немецкий дом.

— Генрих, мой руки и иди скорее поцелуй свою маму и жену. Мы очень постарались за эти дни, пока ты был на службе.

Мать, в строгом платье с белым воротником, поднялась из-за стола, на котором стояло приданое сестры Гретхен — швейная машинка «Зингер», обложенная со всех сторон кусками темного сукна. От другого стола, с точно такой же машинкой (и тоже приданым), поднялась Эльза, с раскрасневшимся лицом и блестящими глазами.

Шульц, продолжая пребывать в изумлении от увиденного, разулся, поставив тяжелые флотские ботинки на специальную полочку, и аккуратно повесил бушлат на вешалку. Подошел к матери и поцеловал ее в щеку, затем приложился к приоткрытым губам жены.

— Довольно, Генрих! У вас еще вся ночь впереди. А нам нужно работать — мы получили большой заказ на пошив для моряков. Господин интендант очень любезен и отправил плотников, что помогли нам сделать мастерскую. Теперь мы одни живем в нашем доме, — мать обвела рукой выскобленное и очищенное их трудами помещение, на полу которого были даже настелены тканые русские половики.

— Теперь тебя ждет свой дом, а мы имеем работу. Так что мой руки, сын, и садись за стол — мы все проголодались, ожидая тебя. А потом работать — ты должен нам помогать, а то не управимся.

Шульц вздохнул — он мечтал уединиться после обеда с женой. Но тут же прогнал печаль из сердца, зная, что на любовь есть ночь, а за отдельную квартиру нужно работать и работать.

Они ведь все прекрасно понимали, что ждет их в далекой Сибири...

Тыреть

— Мы три новых войска организовали. Не хмурься, сам посчитай — 15 тысяч иркутских казаков раньше, сейчас восемьдесят. Похожая картина и у енисейцев — 14 имелось, 70 стало. Да казаков Бийской линии в Алтайское войско влили, тех больше было, но и крестьян с алтайцами тоже. Половину новых войск инородцы составляют, у них и наделы больше, и скотоводы они изрядные, конными выходят. Крестьян много зачислили, чтоб чересполосицы не было, да батальоны сформировать нужно. Сам понимаешь — не сделай этого мы, то сами селяне нам бы такое устроили. Так что не зря римляне говорили — разделяй и властвуй. — Арчegov помрачнел, постучал пальцами по вагонному столику.

— Казаков из Каратуза и Бузуновской станицы выселяем с правобережья Енисея на левую сторону, ибо за малым их там не изничтожили вконец. На Бийской линии вообще вопрос ребром стоит — либо казаки, либо крестьяне. Мы сейчас верх взяли, не дали резне хода. Да и наши станичники на Лене и Илеме жалкое существование влечат — земли там у них практически нет, а у крестьян отобрать нельзя.

— Так их сюда, ваше высокопревосходительство, ты решил переселить в ближайшие полгода!

— А здесь где землю брать прикажешь? Ты с атаманского места судишь, а я с поста военного министра. Тебе своих только жалко, а мне всех. С кого армию комплектовать, если интересы казаков в ущерб селянам поставить? Потому-то пешие станичники на пятнадцати десятинах сядут, у них, как у бывших крестьян, столько есть. Если меньше, то землю перераспределим, чтоб норму добрать. Вот так-то! На лошадь тратиться не нужно, и содержания она на льготе не требует. Да и в законе говорится токмо о конных казаках. Ну что скажешь, атаман?

— Надо же! Так ты, Константин Иванович, тогда это все удумал, еще в январе?! А я не сообразил...

— Так ты и яковлевскую удавку не заметил, чуть закон не приняли.

— Обмишулился, — признался Оглоблин и надолго задумался. Арчegov спокойно прихлебнул чая из стакана, с улыбкой смотря на атамана, которого явно мучила какая-то мысль.

— Выходит, Константин Иванович, что закон этот, особенно в той части поверстывания крестьян...

— Обман сплошной, — усмехнулся военный министр. — Морковку сладкую перед мордой осла вешают, так он тянется за ней и повозку тянет. Здесь то же самое, как ни цинично признаться. Давай откровенно — даже сами казаки, что полный пай имеют, едва половину земли используют. А другую половину пая тем же крестьянам в аренду сдают, чем сильное недовольство соседей вызывают. Вот эту самую землю переселяемым казакам и отведут, а дополнительно леса отрежут. И не крути носом — у спасских казаков Иркутска ни одной десятины пашни нет, или тайгу рубят на дрова, или сено косят. И ничего, живут, не бедствуют. Прикажешь у крестьян пахотные земли отнять и им отвести?! Так сгинет земля, они ее пахать-то не будут. Или не прав я?! Что ж ты молчишь?

Оглоблин только закричал, покрутив головою — сказанное военным министром было чистой правдой. Городовые казаки, что из Иркутска или Нижнеудинска с Киренском, землю почти не пахали, предпочитая жить отхожими промыслами.

— То-то и оно. Ты, по своей казачьей сущности, стараешься все под себя подгрести, пусть не зная, как этим воспользоваться, и в ущерб другим. Так что тайгу, болотину и камни, то есть

неудобную землю, казаки получают с лихвою. Это государству ничего не стоит, бумаги только переписать да фонд казенный на войсковой переделать. Кто на коне выходит, тем 30 десятин отведешь, другим вдвое меньше. Крестьяне твои, что в одночасье казаками стали, поворчат, конечно, но вскоре смирятся. Налоги с них уберут, надел хоть таким образом увеличат, пусть и формально, а снаряжение на службу пластуном в пять раз меньше, чем у конного. Вполне по карману. Так что не побегут новые станичники из войска, не волнуйся. А лет за двадцать вполне нормальными казаками станут.

— Через двадцать лет бабы казачат столько нарожают, что и 15 десятин удобной земли не будет на душу, как ее внутри станицы ни дели. Отвода, как мыслю, не дадут ведь.

— Да нету земли, с чего давать, атаман. Но хуже жить не будете, ибо к тому времени все казаки пешими служить будут.

— Ну, это ты зря! Шашка и конь себя завсегда покажут...

— А вот и не так, Прокопий Петрович. Сейчас да, спору нет. А почему, спрашивается? Да потому, что сплошного фронта никогда не становилось, маневренная война идет, причем и мы, и красные нехватку пулеметов и патронов испытывали просто жуткую. Ты что, в ту войну с германцами полк в лихие атаки постоянно водил, или тебя германцы своими пулеметами не приглаживали?

— На Кавказском фронте турок часто рубали. Крест свой за одну из таких атак получил, — с гордостью ответил Оглоблин и закричал, помрачнев лицом. — А вот с германцами конных дел, почитай, и не было. Или пятились, дырки закрывая, или за окопами в резерве стояли. На пулеметы сильно не пойдешь, выкашивали похлеще, чем литовка траву.

— И броней коня и всадника не прикроешь, ибо нет такой брони. И не будет. Зато бронеавтомобили пуль не боятся. Как ты думаешь, если мы в будущем казаков на таких железных коней посадим?

— Дело доброе, — после долгого молчания отозвался генерал Оглоблин и внимательно посмотрел на военного министра: — Вот только хватит ли таких «лошадок»? Да и учить механике придется, а где?

— Это все решаемо, Прокопий Петрович. Правительство организует. С моей давней подачи и его величество свои средства на это дело выделит, в казачьих станицах в следующем году создадим несколько опытных МТС.

— А это что за «зверь» такой чудный?

— Машинно-тракторные станции. В каждой будет по дюжине гусеничных тракторов для пахоты, комбайны и прочие сеялки с прицепами да грузовые автомобили. Вот ты как атаман и возьмешься за дело. В Северной Америке закупили технику, переговоры завершены. Так что уже к октябрю нужно для нее подготовить бараки добрые да жилье.

— В нашем войске эти МТС будут или где еще?

— Пока только на казачьих землях станции организуем, и только там, где пахотных земель много. От Урала до Приморья, по несколько МТС для каждого войска. Если опыт будет удачным, а он, я думаю, таковым и будет, то его распространим на старожильческие села.

— Добре, — осторожно промолвил Оглоблин.

— По приказу МТС возьмешь на собственный контроль и войсковой кошт. Ссуды беспроцентные. Учитывай — один трактор заменяет дюжину пароконных плугов, автомобиль груза перевозит в 5 раз больше, чем телега. Для работы нужны обученные казаки, а потому с техникой специалисты из Америки придут. Переводчики имеются — офицеров отправлю на языковую практику. Так что все вопросы в приказном порядке решать будешь, пока станичники не сообразят, что это им самим во благо.

— Война будет с красными?

— С чего ты взял?

— Раз трактора поля пахать будут, то куда упряжки с казаками денутся?! Для войны в самый раз, дабы шашек на фронт больше выставить. Так что не темни, намекни хоть...

— Военную тайну у меня решил выпытать, атаман? Ты лучше сам подумай, желают ли сейчас твои казаки кровь проливать? Готовы ли твои сотни к близкой войне? — На вопросы Арчегова атаман отвечать не стал, нахмурился, за папиросой потянулся. Молодой генерал только усмехнулся, тоже закурил и тихо заговорил:

— Воевать с красными мы не будем. В ближайшие полгода точно. А насчет более отдаленного будущего не обещаю. Все зависит от того, как на Западе дела пойдут...

Вагон дернулся, поезд стал замедлять ход. Арчевов посмотрел в окно — так и есть, Тыреть — большое крестьянское село, причисленное к войску. И их ждут — собралась огромная разодетая пестрая толпа, в которой зелеными пожухшими листиками в осеннем лесу виднелись защитные гимнастерки и фуражки с желтыми околышами.

— Что-то не вижу обмундированных казаков, Прокопий Петрович?

— Так это, — несколько смутился атаман, даже покраснел, — крестьяне ведь, когда у них настоящая казачья хватка еще появится. Переселять сюда илимских казаков нужно, они научат...

— Ты мне на мозоль не дави. А насчет поверстанных скажу одно: ежик птица гордая, пока хорошенько не пнешь, не полетит! Пойдемте, ваше превосходительство, вон караул вытянулся двумя шеренгами, и половина без лампас. Стыдобственно, господин войсковой атаман!

Арчевов быстро поднялся с дивана, отведя глаза от побагровевшего от стыда Оглоблина. Он это сделал специально, надеясь, что такая выволочка отвлечет внимание атамана от некоторых нестыковок в разговоре — ведь больше всего, как говорил Штирлиц, запоминаются последние фразы. И, с тщанием оправив китель, военный министр снял со стенки свою или чужую, это как посмотреть, Георгиевскую шашку.

Никольск-Уссурийский

Генерал-майор Семенов с неммым интересом взирал, как медленно вползают на станцию два бронепоезда невиданной им прежде конструкции. Низкие приземистые корпуса с наклонными стенками сверху ошетинились орудийными башнями — две впереди, одна над другой, затем высокая рубка со смотровыми приборами, и сразу за ней еще одна башня. Кроме горных пушек, из них торчали хищные тонкие пулеметные стволы. Еще по три пулеметных каземата были в бортах, причем из солидных станкачей с водяным охлаждением — толстые кожухи «максимов» ни с чем не спутаешь.

Григорий Михайлович один раз мимолетно видел чешский «Орлик», бывший русский бронемоторвагон «Заамурец». Но тот, имея почти такие же размеры, как эти БМВ, был намного слабее вооружен — нес всего две пушки, и пулеметов было меньше.

— Зело, — пробормотал атаман, разглядывая бело-зеленую вязь на бортах — «Бесстрашный» и «Беспощадный». Настоящие крепости на колесах, похожие на стремительные корабли, скользящие не по волнам, а рельсам. Каждый из них стоил целого бронепоезда, которые строились в прошлом году в Чите. И скорее двух — сравнивать закрытое шпалами убожество, имеющее в торцах по одной пушке, с таким красавцем невозможно.

Громко лязгнула бортовая дверь, и, уцепившись руками за железные скобы, на платформу прыгнул подполковник в скрипящей кожаной тужурке и в таком же шлеме. Упругим шагом офицер быстро пошел, чуть ли не побежал, к генералу.

— Ваше превосходительство!

— Бог мой, Миша, тебя не узнаешь. Богатым скоро будешь! — Григорий Михайлович скомкал доклад прибывшего, сграбастав офицера в крепких объятиях. Еще бы ему его не приветить — есаула Гордеева атаман знал давно, тот с ним на Иркутск в мае вместе ходил. Вот только тогда совсем иные «бепо» были, с этими не сравнишь.

— Так я богатым и стал, Григорий Михайлович! Вон каких красавцев неделю назад во Владивостоке из рук американцев получил. А завтра еще «Беспокойный» с базой подойдет и две бронедрезины. Теперь бы нам только стрельбы учебные провести, и в бой!

— Любуешься?! — В голосе генерала проскользнула горечь. Ему бы такую технику год назад получить. Нет же, еще упреки из Омска получал за то, что паровозы шпалами блиндировал и от железнодорожной линии их так убирал, от перевозки нужных грузов по Транссибу. Гордеев не заметил этой горечи в его словах.

— Еще бы не любоваться ими, батька! — Так Семенова часто называли в прошлом году верные ему казаки, и такого обращения он давно не слышал этим летом, а потому сердце радостно забилось в груди. — Да они прежний дивизион, что у генерала Арчегова был, на шпалы за пять минут раскидали. Да и чехам бы досталось. Настоящая броня в целый дюйм, да погреба еще так же дополнительно блиндированы. Даже если борт пробьют, снаряды не рванут. Да перегородки внутри с полдюйма, на семь отсеков. Дыма нет, не то что коптящие паровозы, что за три версты видно.

— Экипаж хоть большой? — поинтересовался генерал. Но спрашивал без интереса — тоска давила.

— Две дюжины при пяти офицерах. Да еще три десятка десантников можно взять, если в отсеки битком набить! Силища!

Гордеева прямо распирала радость, но, бросив взгляд на внезапно помрачневшего атамана, подполковник осекся и неожиданно для Семенова встал во фрунт, четко доложив:

— Прибыл в ваше распоряжение, господин генерал!

— Что?!

Удивление бывшего «властелина Забайкалья» являлось искренним — такого поворота он не ожидал. Ждал пакета, а тут... Но мозг лихорадочно заработал, мысли понеслись галопом.

В Приморье с партизанами почти покончили, полностью прикрыв границу с Маньчжурией и плотно взяв под контроль железную дорогу. Затем высадили десанты по всему побережью, захватив несколько британских и американских пароходов, что снабжали красных повстанцев оружием и продовольствием. И концентрическими ударами загнали поредевшие шайки в глубь тайги, в горы. Теперь их участь предрешена — зиму не перенесут, вымрут от голода: ни продовольствия, ни одежды, ни боеприпасов.

У него под рукою бригада, а раз дивизион бронепоездов передают, то дело интересным становится. Значит, из Приморья на Амур перебрасывать будут, тамошним партизанам юшку пустить.

— Ваше превосходительство, у меня к вам пакет из штаба округа!

— Давай, — генерал взял засургученный печатями пакет и быстро вскрыл его толстыми пальцами. Вчитавшись в текст, Григорий Михайлович почувствовал, как лихорадочно забилось сердце — фортуна снова улыбнулась, и упускать такой шанс он был не намерен...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Только вера и удача...

(16 августа 1920 года)

Татарская

Ночь душила за горло, давила ему на грудь — каждый вздох давался с неимоверным трудом. Константин рывком проснулся, сон сразу схлынул, как приливная волна от берега. Арчegov уселся на жесткую, покачивавшуюся в такт движения поезда, подушку дивана.

— Как мне все надоело, — пробормотал генерал, усаживаясь на диване. — Обрыдло!

Нет, это был только сон, его действительно забросило из конца века в начало. А то, что приходило порою по ночам — жаркое солнце Афганистана, горящий БТР, разорванная взрывом БМД и он сам, вопящий от нестерпимой боли, катающийся на грязном снегу в чеченском селении, — не более чем жуткий кошмар, оставшийся в его памяти, памяти подполковника Ермакова, а отнюдь не ротмистра Арчегова.

Вообще-то он настолько сжился со своей второй сущностью, что уже забыл про первую. Вот только сны остались, из *того* времени, не этого. Как Константин желал увидеть свою Нину, без которой страшно скучал, мечтая получить ласковый взгляд как награду. Ан нет — то война снилась, причем одна из тех, оставленных в первой жизни, то супружница, от лицемерия которой его колбасило похлеще, чем от видения живого душмана.

— Твою мать через коромысло! Приснится же такая хренотень, век бы ее не видеть!

Ругань облегчила душу, окончательно прогнав наваждение сна. Арчegov потянулся за папиросами — он уже давным-давно не курил натошак и тем паче вот в таком состоянии, только-только продрав глаза. Но сейчас сильно потянуло задымить — табачная горечь обдала рот, а дым словно умыл лицо.

— Как мне все надоело, кто бы только знал!

Генерал не лукавил, он действительно, оставаясь один на один с собою, чуть ли не выл, как голодный волк на луну, от свалившегося на его плечи неподъемного министерского поста, погоны с зигзагами да царским вензелем словно отлиты из раскаленного чугуна.

Власть хороша, если только живут всласть — такой каламбур ходил в его времени. Но становится чудовищной ношей, когда абсолютно не нужна, когда душа противится и вызывает резкое неприятие и отторжение. Сейчас он, как никогда, понимал Михаила Александровича — царский скипетр и держава являлись не менее тяжелой ношей, от которой монарх всегда горел желанием поскорее избавиться.

— Нет уж, попала собака в колесо, так пищи, но беги!

Представив себя и Мики этой несчастной собакой, Арчegov хрипло рассмеялся — сравнение подходило как нельзя лучше. Он не рвался к власти, ибо знал, что от нее одни идут напасти — эту тяжелую ношу ему другие с удовольствием взвалили на плечи, ибо выбора тогда не было. И сейчас она стала для Константина Ивановича тем чемоданом без ручки, который нести трудно и бросить жалко.

Вправе ли он так резко менять историю своей родины? Этот вопрос все чаще и чаще приходил на ум. Он знал четко: любое изменение истории — это новые и новые потоки крови, смерть тысяч тех людей, что остались жить при прежнем раскладе.

Одно соображение немного успокаивало — гораздо большее число тех, кто должен был

погибнуть в кровавой круговерти гражданской войны, стать жертвами построения социализма с «человеческим лицом» (причем не зная, что под этими словами скрываются кровавые дела и омерзительная порою харя), разменной монетой при достижении государственных целей, главным образом тех миллионов, что погибли в горниле новой мировой бойни, — должно было теперь выжить.

Именно к этому он стремился всем сердцем, только потому тащил эту ношу, не находя себе покоя ни днем, ни ночью. Россия должна стать другой — это Константин знал четко. Социалистический эксперимент не дал стране ничего, как ни парадоксально прозвучит, хотя достижений было много. Такое отрицать бессмысленно, ибо оно противоречит правде.

Только вот критерий «стоимость — эффективность» здесь подходил как нельзя лучше. Вернее, хуже. И не дал потому, что миллионы людей, не согласных с коммунистической идеологией, были безжалостно истреблены. А ведь такое избиение не могло не сказаться на будущем. И сказалось, еще как обернулось и аукнулось.

Среди жертв миллионы рачительных хозяев, тех кулаков и середняков, попавших под коллективизацию и страшный голод тридцатых годов, когда пшеницу гнали на экспорт за бесценок, лишь бы купить оборудование для производства танков. Итог же страшен — сломав хребет крестьянству, выморив голодом целые районы и области, все эти танки, построенные с невероятными лишениями, буквально испарились в июне 1941 года.

И как такое назвать?

Если использовать сталинскую терминологию, это есть вредительство чистейшей воды. А сколько мозгов и душ, ученых и деятелей искусства было погублено в застенках или изгнано из страны? Это же какая дыра образовалась в генофонде, как он был испорчен такими кровопусканиями? Про науку и культуру и говорить не приходится — Америка хорошо нагрела руки, приютив русских ученых.

Современные защитники коммунистического прошлого, с пеной у рта отстаивающие «достижения вечно живого Ильича», все, как один, дружно замалчивают или не признают чудовищного кровопролития, что устроили большевики собственному народу. Более того — сознательно лгут и искажают правду, мол, коммунизм и социализм есть светлая мечта, а потому при их построении возможны «перегибы». Это на многие миллионы человек?

Верх цинизма!

Хотя смерть одного человека — трагедия, а миллионов — только скучные цифры статистики. Особенно страшно, когда инструментом подавления и господства служит террор.

Гражданская война ужасна, ведь брат идет на брата. Кровь льется потоками, но более страшно то, что потом победившая сторона переписывает историю. Сейчас такого просто не выйдет — еще в феврале правительство Вологодского приняло решение собрать всю информацию о жертвах войны, о тех, кто попал под «красный» или «белый» террор.

Поездка в Москву шокировала всю сибирскую делегацию. Мало того, что коммунистические деятели совсем не скрывали методов, с помощью которых они управляют доставшейся им частью страны, они этим публично гордились, как самым великим достижением советской власти. В собранных сибиряками красных газетах — счет шел на многие сотни — публиковались длинные списки тех, кто был казнен именно в рамках доктрины террора. Там были юнцы, старики, мужчины и женщины, вся вина которых заключалась лишь в том, что они принадлежали к «бывшим», то есть к тем, чье участие в строительстве «светлого будущего» не предусматривалось.

Потому уничтожали целыми слоями — «на распыл» шли священники и лавочники, капиталисты и казаки, помещики и профессура — эти явные и потенциальные недоброжелатели, все те, кто имел свое собственное мнение.

Белые тоже убивали — самому Константину запомнилась на всю жизнь учиненная по его приказу Черемховская бойня. Да и в «прошлой» жизни он читал, что в период колчаковщины жертвами стало до 25 тысяч человек, еще 70 тысяч были безжалостно выпороты.

Это коммунистические цифры, которым можно доверять, но только в сторону уменьшения. Вряд ли в интересах партии большевиков принизить число жертв белогвардейщины, наоборот, лучше значительно преувеличить.

Страшные цифры!

Вот только разница с красным террором отнюдь не в масштабах, хотя разрыв здесь огромный. Белые не практиковали террор как государственную политику и не могли к нему прибегать, ибо это было как раз то, против чего они и выступили с оружием в руках. Поэтому ставить на одну доску белый и красный террор, как это любят делать коммунистические историки, нельзя. С теми «учеными» все ясно — для них это оправдание, ведь смотрите, что наши враги творили!

Конечно, 25 тысяч страшно много, но вот все ли они были безвинными жертвами, как говорится, «белыми и пушистыми» собою? Подавляющее большинство казненных сами до того лили кровь — партизаны, обычные бандиты, мародеры, чекисты, уголовники и прочие. Повешенный в Иркутске председатель ЧК Посталовский лично подавлял офицерское выступление в городе, а потом приказал безжалостно казнить сдавшихся.

И он тоже невинная жертва?

Или крестьяне, расстрелянные за участие в Минусинском восстании в ноябре 1918 года. Многие из них, распаленные самогоном, не пожелавшие сдавать свои любимые «агрегаты», окружили отряд каратузских казаков во главе с атаманом Шошиным. Кровь еще не пролилась, и станичники, получив заверения, сдались. И что?

Пьяная толпа растерзала сотню казаков на клочки!

Зато когда енисейцы устроили им отмищение, это было названо белым террором, хотя казаки убивали только тех, кто был захвачен с оружием в руках или принимал активное участие в восстании и казацком избиении. На их месте так бы поступили во всех странах мира, включая и РСФСР, — и абсолютно правильно сделали бы.

Количество выпоротых белыми в Сибири устрашает — но, опять же, кто ложился под плети? Только старики, женщины и дети?

Экссессы случались, но именно как экссессы, одна атаманщина чего стоит. Сами большевики безжалостно расстреливали дезертиров, мародеров, уклонившихся от мобилизации, не сдавших хлеб государству, саботажников, «самострельщиков» и особенно самогонщиков.

Так стоит ли упрекать белых за то, что таковых, а это подавляющее большинство, не к стенке ставили, а по филейным местам плетью охаживали, давая этим жертвам шанс на исправление в будущем? Большевики подобным слюнтяйством совершенно не страдали и прилюдные порки не употребляли, считая, и совершенно правильно, что врага нужно уничтожать массовыми казнями, а не пороть.

А белые не сообразили, что этой мерой они врагов только плодят, ибо кто поротую задницу забудет. Да и сожжение сел вдоль железной дороги, где свирепствовали партизаны, за бесчинства последних было еще большей глупостью. Именно сел — жители изгонялись и в отчаянии, с законным чувством мести, пополняли ряды таежных повстанцев. Последние, кстати, зачастую и старались проводить диверсии рядом с селениями, надеясь, что ответные меры властей обрушатся на крестьян, что раньше относились к повстанчеству более чем прохладно. Хотя, справедливости ради, сожжением сибирских сел занимались в большей мере интервенты — поляки, румыны и прочие чехи, охранявшие Транссибирскую железнодорожную магистраль, что хорошо «погрели» блудливые ручонки именно при проведении таких карательных акций...

Поезд дернулся, стал замедлять ход. В окне, затянутом предрассветным сумраком, проглядывались строения приближающейся станции. Генерал стал застегивать китель — ему захотелось выйти наружу и подышать прохладным утренним воздухом. Поднявшись с дивана, Арчegov пробормотал, подводя итог своим ночным размышлениям:

— Красный террор превентивен по своей сути и похож на «ковровую бомбежку», а наш конкретный, «адресный», как неотвратимое наказание за совершенное преступление!

Благовещенск

— Из огня да в полымя, — задумчиво пробормотал генерал-майор Сычев, глядя на усыпанную кровавой сыпью карту. Только синяя лента Амура да белые пятна казачьих станиц внушали некоторую надежду, и то небольшую. Не думал и не гадал Ефим Георгиевич, что, отказавшись от поста военного министра Сибирского правительства, избавившись от террористов на время, он попадет в столь плачевную ситуацию.

— Положение хуже губернаторского...

Действительно, став военным губернатором и наказным атаманом Амурского казачьего войска (по указу царя Михаила Александровича), он понял, в какую петлю засунул свою голову.

Из без малого трехсоттысячного населения Амурской области две трети «болели» большевизмом в самой тяжелой форме, окончательно и бесповоротно. Имея на руках пулеметы и винтовки, партизаны действовали предельно нагло, нахрапом, в полной уверенности в своих силах.

Противопоставить было нечего — пятидесятитысячное казачье войско слишком малочисленно, да к тому же добрая треть казаков всеми правдами и неправдами старалась держать нейтралитет. Еще пятьдесят тысяч составляли жители Благовещенска и пригородных селений, а также иногородние, что проживали в казачьих станицах — таким крестьянам поневоле приходилось быть лояльными к власти, дабы не отведать казачьих плетей.

— Нет, без бутылки здесь не разберешься!

Сычев с трудом оторвался от созерцания карты, тяжело вздохнул и подошел к заветному шкафчику. Достал бутылку водки и плеснул в стакан до половины, подумав, что слишком часто начал прибегать к успокоительному средству.

— Может, доктора вызвать, валерьянки попить? — от такой перспективы генерал скривился и лихо, как в полузабытые, славные времена гвардейской молодости, хлопбыстнул емкость. Крякнул от удовольствия, вытерев ладонью усы, и уселся в кресло.

— Паршиво-то как...

Десять казачьих станиц, вытянувшиеся редкой цепочкой вдоль Амура на тысячу с лишним верст, по сути, находились в постоянной осаде и едва удерживались дружинами, куда мобилизовали всех станичников от мала до велика. Казаки еще держались крепко только потому, что рассчитывали на скорую помощь. Все прекрасно знали о случившемся с красными перемирии и питали обоснованные надежды на переброску подкреплений.

У самого Сычева под рукою в Благовещенске был 1-й Амурский казачий полк с конно-артиллерийской батареей, местный стрелковый батальон со взводом горных пушек да три роты государственной стражи, общей численностью в две тысячи штыков и шашек, при шести орудиях.

Немощно и хило!

Если бы не опора в виде батальона японцев, то июньское наступление партизан на город отбить бы не удалось. А так повезло — и косоглазые союзники стойко дрались рядом, и три вооруженных парохода из Хабаровска вовремя пришли, забросав красных снарядами и подавив

их единственную батарею.

Грех жаловаться — на два месяца на Амурском фронте установилось затишье. Нет, постреливали, конечно, налеты и засады устраивали друг другу, но десятитысячная группировка партизан вела себя намного тише. Да и жандармы с нескрываемой радостью постоянно докладывали, что начался отток значительной части нестойких повстанцев в родные села.

Облегчение немалое тогда испытал Ефим Георгиевич — теперь он был уверен, что пяти-семитысячная масса инсургентов из упертых большевиков, анархистов, бывших каторжан и прочей гольтыбы и сволочи Благовещенск приступом не возьмет, да и станицы казачьи устоят. Вот только и белые не смогут очистить хотя бы Амур от партизан — силенок просто не хватит.

— Патовая ситуация, — пробормотал генерал и с тоскою посмотрел на шкафчик, чувствуя скопившуюся во рту слюну. Однако острое желание выпить пропало, когда он снова бросил взгляд на карту. Зейский и Бурейский горные районы, где находились главные силы партизан, очистить белые не могли, хотя такая операция чрезвычайно важна, особенно на Бурее, центре амурской золотодобычи.

Ох, важна — там до войны до полутора тысяч пудов золота ежегодно в казну сдавали, и еще неизвестно, сколько на руках оставалось да китайскими старателями через реку уносилось. Да еще вся железная дорога в их руках, на ней даже «бронепоезд» красных разъезжает, блиндированный рельсами и шпалами.

— Без помощи из Хабаровска я ничего не смогу, — пробормотал Сычев и скривился в гримасе. — Обещал же адмирал Смирнов корабли прислать, и где они? Когда придут? Сидишь тут, как...

Атаман махнул рукою, огорченный донельзя, и, по-мужицки плюнув на пол, презрев прежнее воспитание и гвардейскую вышколенность, открыл дверцу заветного шкафчика.

Татарская

Несмотря на раннее утро, жизнь на станции бурлила, словно горячий ключ на Камчатке. Столь ненавистная большевикам мелкобуржуазная жизнь предстала во всей красе звонкой разноголосицей станционных корабейников, торопящих сбыть свой товар.

— Купи гусятину копченую! А хошь утку аль курицу жареную?

— Окорок, свежий! Задешево уступлю.

— Ешь пироги подовые, жизнь будет бедовая.

— Оладьи с пылу с жару! Со сметаной!

Торговцы сновали по станции в большом числе — не менее трех десятков с навешенными на груди лотками или большими корзинами в руках. Удивляться не приходилось, ведь пассажирам проходящих через станцию поездов кушать-пить всегда хотелось, долгая дорога всегда аппетит хороший пробуждает, а в вагонных ресторанах цены кусачие.

Так что продажа шла с неизбежным успехом. Добрая сотня пассажиров приценивалась или сразу же покупала предложенные им яства и шедевры местной кулинарии, но некоторые, а таких на перроне было немало, яростно торговались, стремясь сбить цену хоть на копейку.

— Расстегаи!

— Копченой рыбки отведайте! Еще горячая! И сочная, как сдобная баба в постели!

— Молоко, молоко сбитое! Могу парного налить! — грудастая торговка нахваливала свой товар, тряся массивными штофными бутылками с белой знакомой жидкостью, горлышки которых заткнули чистыми тряпицами.

— Взвар малиновый! Еще теплый! И сладкий!

— Кому варенье? Ягода-клубника, господская!

— Буженина! Смотри, пластинки какие, один к одному! Купи, вашбродь, не пожалеешь!

— Рябчики жареные! Пять копеек пара! Дешевле токмо в тайге!

— Да че ты прицениваешься, цена-то у меня смешная! Дешевле нигде не купишь! Только даром!

Константин Иванович усмехнулся — офени, прекрасно осведомленные о расписании движения пассажирских составов, действительно продавали задешево, стремясь поскорее сбыть остатки съестного. Им несказанно повезло, что вслед за ночным «алтайским» эшелоном, пассажиры которого уже заправились под завязку, неожиданно прибыл правительственный поезд из Иркутска. Привалило немаленькое счастье — кому из торговцев хочется поедать дома свой товар, на дворе ведь лето, не продашь — к вечеру завоняет.

За торговлю тухлятиной на станциях Транссиба спрашивали строго дежурные жандармы, вплоть до каталажки, а то и немаленького штрафа, благо все лоточники имели номера и оплачивали лицензию. Просто так торговать, со стороны, на железнодорожной магистрали не позволялось, была пара случаев, когда отравы в ход пошла. А с номером просто — с Омска или Барабинска телеграмму живо отобьют: такой-сякой продал сухарики с мышинным пометом, хватайте мерзавца побыстрее!

Жандармы на всех станциях присутствовали не только для порядка. Уж больно любила красная разведка своих наблюдателей на стратегическую дорогу пристраивать — хоть лоточников или путейца завербовать.

Перевозки войск и снаряжения по этой единственной магистрали шли, лишь за Омском она раздваивалась на северную до Тобольска и южную, через Петропавловск, ветки. Но это к западу, а на восток от Новониколаевска на Барнаул и Семипалатинск шла двухпутная дорога, тоже задействованная для воинских перебросок — на Алтае шли тяжелые бои с партизанами.

— Да не утка это, гусенок. Добрый, самолично коптил! Купи, вашбродь, за двадцать копеек отдам!

Торговец, бородатый мужик степенного вида, быстро развернул кулек, показав Константину Ивановичу зажаренную до золотистого цвета птицу. Глаза офени смотрели умоляюще, гусак лежал в лотке в гордом одиночестве. Желание простое и понятное — продать остаток и идти домой, прихватив на жестком топчане часок сна после плодотворной ночной торговли.

— В Барабинске хорошо повечеряли, любезный, — отозвался Арчegov и улыбнулся: — Что ж с утра за такого здоровенного гусака приниматься. Чая попить с печеньем, а дневать уже в Омске буду.

— Да как же на пустой желудок ехать, станичник? — Мужик по слову понял, что перед ним казак, хотя Арчegov накинул на себя кожаную куртку без погон. Да и двурядных генеральских лампас он старался в дороге не носить. К чему форсить, и так все, кому необходимо, его узнают.

— И что тут кушать, вашбродь?! Это ж не гусь откормленный, а гусенок маленький. Токмо на один зубок положить. Но скусный! Мяско нежное, жиру совсем нет. Как же на пустое брюхо дальше ехать, ведь полдня до Омска еще добираться.

— На один зубок, говоришь? Кхм...

Этот гусенок скорее походил на откормленного бройлерного петуха из генеральского пайка в застойные годы. Килограмма на четыре тянул, никак не меньше. Да и торговец ушлый — сразу задний ход дал, переоценив свою продукцию, но лишь бы ее впарить, хоть за бесценок.

— За пятиалтынный уступлю. Да не думай, в твоей станице гуси вряд ли лучше. А это гусенок, он махонький совсем еще. — Мужик по-своему понял задумчивость Арчegovа и еще скинул цену до пятнадцати копеек. — Возьми, перекусишь на славу.

— Уговорил, языкатый!

Константин Иванович рассмеялся и оглянулся — у дверей его вагона застыл часовой, а на подножке стоял комендант еще с байкальского похода, старший унтер-офицер, а ныне старший сержант, что было на чин больше от прежнего, Огородников.

Генерал махнул рукой, подзывая его к себе. Старый заслуженный вояка спрыгнул на перрон и немедленно подошел. Блюдя конспирацию, отдавать положенное воинское приветствие не стал, как и обращаться с «вашим высокопревосходительством».

— Купи гусака, Трофим Платонович, позавтракаем! Дай двугривенный, а то у меня мелочи нет!

Монет у него в кармане действительно не было, не генеральское это дело самолично расплачиваться. За путевое довольствие отвечал комендант, получивший от него в Иркутске четвертную купюру. Вполне достаточно, учитывая, что столовались все в вагоне-ресторане.

Огородников взял копченую птицу в руки, тщательно обнюхал, кивнул с одобрением. Затем выудил из кармана серебряную монетку и сунул ее лотошнику — тот был обрадован еще больше, чуть ли не заурчал, как довольный котяра, стыривший на кухне вязанку сарделек.

Генерал же еще раз огляделся — полгода мирной жизни преобразили станцию. В марте стояли застывшие под слоем снега эшелоны, неубранными лежали десятки замороженных тел. Да и куска хлеба нельзя было достать, а только мечтать о прошлом изобилии.

Ведь фронт перекатывался через Татарскую дважды — в ноябре прошлого года, когда армия начала свой Ледяной поход из Омска, и в феврале, когда в обратном направлении последовали уже красные, теснимые наступающими сибирскими частями. Следы войны и разрушений были тогда везде. Но то было полгода назад...

А что сейчас?!

Всего шесть месяцев мира, и вся Сибирь стала преображаться прямо на глазах. И хоть не были еще убраны все следы междоусобной брани, но минувшего дыхания войны не ощущалось. И главным фактором мира было именно это продовольственное изобилие, которому Константин, вспоминая застойные годы, просто поражался.

Везде можно было купить еду на любой вкус, и поразительно дешево, буквально даром — но только за серебро. За исключением спиртного и табака, являвшихся государственной монополией.

С самогонщиками боролись самыми суровыми мерами — вся Сибирь от начала мировой войны напрочь пропахла сивухой, которую гнали везде и в поражающих любое воображение размерах. Кое-как если не покончили, то значительно уменьшили это развращающее страну явление. И усилий от правительства и армии с МВД потребовалось чуть ли не столько же, как на войну с партизанами.

А вот в красной России совсем другая жизнь. И дело не в том, что продовольствия мало, а в том, что коммунисты сознательно сделали голод одним из инструментов своей политики.

Нелоялен к советской власти? Тогда паек не получишь и сдохнешь от истощения!

Именно организованным голодом большевики смогли сломить саботаж интеллигенции и чиновничества, безжалостно расстреливая мешочников, что пытались в обход свирепых государственных декретов обеспечить себя и других людей продовольствием. А наложенная на крестьян продразверстка привела к стремительному сокращению посевов — крестьяне рассуждали здраво, ведь зачем сеять хлеб, если его все равно отберут.

Итогом такого крайне безалаберного и разорительного хозяйствования стало катастрофическое положение с острейшей нехваткой всего — от мяса и хлеба, сахара и овощей до масла и рыбы. О товарах народного потребления, даже таких дешевых раньше, как спички и ситец, за эти три года «военного коммунизма» население напрочь забыло, будто и не было их на

прилавках при старом режиме.

— Ничего, посмотрю на большевиков, когда они сибирский хлеб съедят, а взять его будет неоткуда — в Германии с питанием напряженка полная, — задумчиво пробормотал Константин и усмехнулся: — Если так и будет, тогда есть шанс их уломать, есть...

Благовещенск

Громкий выстрел подбросил задремавшего Ефима Георгиевича из кресла. Водочка благотворно подействовала на его расшатанные нервы, так что исцеляющий душу сон навалился внезапно, спасительным бальзамом буквально склеив глаза — атаман не спал уже двое суток. И тут такое пробуждение, будто собственную голову в колокол засунул, а по бронзе снаружи тяжелой кувалдой ударили — аж звон в ушах стоял.

Генерал вскрикнул спросонок и машинально присел, словно попал под обстрел. Стекла в кабинете громко задребезжали, норовя вылететь из оконных рам, — со стороны реки снова жахнула мощная пушка.

— Твою мать!

Сон ледяной волной смыло. Сычев прекрасно знал, как бьет тяжелая артиллерия — наслушался в войну с германцами. А потому сразу кинулся к двери, расстегнув клапан кобуры. В голове билась одна мысль — у него в городе только трехдюймовки, те так не стреляют, это жужжание комара рядом с медвежьим ревом. У партизан пушек вообще нет, у китайцев на той стороне реки лишь допотопные стволы, чуть ли не времен первой опиумной войны. А бьет явно шестидюймовка, вон какой надсадный рев.

В дверях Сычев лоб в лоб столкнулся с ординарцем и чуть не был внесен обратно в кабинет его могучим напором — молодой подпоручик запыхался, глаза очумели от радости.

— Наши пришли! Наши...

— Отставить крик, вы же офицер, а не коробейник, что залежалый товар сбывает! Доложите, как положено!

Суровый голос генерала словно мокрой тряпкой стер с лица ординарца улыбку — юноша вытянулся, щелкнув каблуками:

— Ваше превосходительство! Только сейчас доложили с пристани — наша эскадра зашла на рейд. Прямо перед городом на якоря встали! Монитор под адмиральским флагом!

— Заждались!

Сычев стартовал с места, будто заправский рысак на Петербургском ипподроме, за считанные секунды спустившись с лестницы и оказавшись перед подъездом. Придерживая шашку, атаман чуть сбавил темп, памятуя одну аксиому, хорошо знакомую всем служивым: бегущий генерал в мирное время вызывает смех, а в военное — панику.

Свернув за угол здания и слыша за спиной топот сапог — адъютант и ординарцы уже пристроились следом, — Сычев быстро пошел к реке. Обогнув таможню, генерал увидел синюю гладь Амура, подсвеченную золотистым блеском восходящего солнца.

— Ипать! Ну и силища! Не было полушки, а тут не алтын занюханный, целый червонец кинули!

Ефим Георгиевич испытывал жгучее желание протереть собственные глаза — настолько был поражен долгожданным прибытием подкрепления. Да какого — на речном рейде, напротив города, встала на якоря целая эскадра, расцвеченная колыхающимися на ветру флагами.

Особенно выделялся своими мощными длинноствольными пушками, торчащими из массивных башен, флагманский монитор, пять минут назад салютовавший из них городу. На палубе сновали матросы, спуская на воду катер. На мостики и у носовой башни чинно стояли

флотские офицеры в белых кителях.

— «Шквал»!

Сычев усмехнулся, прочитав название, молча оценив мощь флагмана — восемь пушек 120-миллиметровых в двух орудийных башнях. Мониторы с однопушечными установками количество стволов подменяли качеством — на них были 152-миллиметровые, то есть шестидюймовые, пушки. Атаман не ошибся, определив пять минут назад калибр по звуку, просто морские орудия бьют намного мощнее, чем полевые. Грохота от них больше!

Сычев хорошо знал, что этот бронированный тысячетонный мастодонт не имеет равных на всем протяжении реки. У китайцев только вооруженные пароходы имеются на Сунгари, которые могут быть разбиты в хлам всего одним залпом. Полевая артиллерия совершенно не страшна гигантскому по речным меркам кораблю, ее клыки не прокусят толстую стальную шкуру.

— Теперь партизанам не сладко придется, будут штанишки от страха поддергивать, — с нескрываемым злорадством прошептал генерал, видя, как от монитора отвалил к берегу катер под флагом.

Никак кто-то из большого начальства пожаловал, но кто?

Их было два — командующий флотилией контр-адмирал Федосеев и командир единственной бригады мониторов (корабли «плохой погоды», как шутили, обыгрывая их имена, флотские острословы) контр-адмирал Старк. Местные флотоводцы: всю гражданскую войну первый на Амуре провел, а второй морскими стрелками в армии Колчака командовал. В любом случае, кто бы из них ни прибыл, подчиниться флотский ему обязан. Тут он, генерал-майор Сычев, главный!

Во Владивостоке иные адмиралы бал заправляли, спешно с Черного моря прибыли — тех атаман не знал. Однако гадать по двум кандидатурам перестал — картина расположившейся на реке эскадры поневоле притянула его внимание.

И она того стоила...

Омск

— Ваше высокопревосходительство, — перед Константином Ивановичем вытянулся чиновник в мундире Министерства путей сообщения, в фуражке с красной тульей, с выправкой бывшего офицера.

Хотя слово «бывший» не совсем подходило — просто путейцев правительство полностью военизировало, службу военных сообщений, или ВОСО, как ее привыкли называть, влили отдельным департаментом в МПС, удалив тем самым опасную двойственность управления жизненно важными транспортными артериями. А «красные шапочки» дожили и до конца века — их носят только дежурные по станциям. Впрочем, женщинам в постсоветской России ввели красные пилотки.

— Ваше высокопревосходительство! Литерный «Б» прибывает на второй путь через десять минут!

— Хорошо, — отозвался Арчegov. — Благодарю, вы свободны!

ДПНС приложил ладонь к фуражке, и этот жест ярче всего говорил о его армейской службе. Константин четко козырнул в ответ, ибо хамство в погонах было для него недопустимым делом, хотя иной раз, к великому стыду, приходилось...

Через стекло было видно, что на вокзале жизнь текла в привычном русле — сновали по делам путейцы, суетились пассажиры, дождавшиеся наконец отправления поезда на Читу, да пару раз с безмятежным видом прошли жандармы, демонстрируя всем присутствие власти.

Однако вид их, нарочито спокойный, генерала в заблуждение не ввел — наметанный взгляд как бы независимо, сам по себе, вырывал из толпы людей, что невидимо разбили перрон на сектора.

— Ох, рано встает охрана, — промурлыкал генерал слова знакомой с раннего детства песенки из мультфильма про бременских музыкантов. Он наблюдал через окно за двумя молодыми «шпаками», что как бы невзначай пристроились к служебной двери, что вела на перрон, а потом на дощатую платформу, за которой вытянулся его «литер».

Стояли, горячо обсуждая и тыкая длинными пальцами в развернутую газету. Ни дать ни взять какие-то мелкие чинуши или помощники присяжных поверенных, настолько правдоподобно они выглядели на неискушенный взор какого-нибудь обывателя.

Вот только длинный сюртук одного, не совсем уместный в теплом августе, скрывал что-то длинноствольное и скорострельное, по контурам походившее на «хлыст» с укороченным вполовину рожком; второй «адвокат» был как минимум вооружен, и неплохо, сразу двумя стволами. Причем одним серьезным — или германским маузером, или испанской «астрой».

Судя по всему, царская охрана и местное ГПУ серьезно подготовились к встрече царя, тем паче что его прибытие в Омск было делом чрезвычайно тайным, потому торжественных встреч с оркестрами, почетными караулами и празднично разодетыми подданными на всем пути от Иркутска не было. Зато негласная охрана присутствовала на каждой станции, а литерные поезда сопровождали новые БМВ, хищно уставив по сторонам оружейные стволы и ощерившись пулеметами.

Но тут понятно — кому нужно, тот и ведал...

Константин Иванович заблаговременно выехал из сибирской столицы, опередив императора на два дня, литерным поездом, который специально подготовили для дальней поездки в «белокаменную». Путешествие являлась полуофициальным, так как по пути в Первопрестольную военный министр принимал на ходу доклады атаманов Иркутского, Енисейского, Алтайского и Сибирского казачьих войск о состоянии дел.

Впрочем, работать пришлось крайне серьезно, без шуток, приходилось решать массу проблем, ибо первые три войска были созданы совсем недавно и полгода назад имели численность населения, равную паре-тройке хороших станиц. Зато теперь головной боли навалилось — по тридцать-сорок тысяч инородцев добавилось, чуть ли не в половину численности. И как прикажете к единому знаменателю их всех привести?

— Нужен минимум год, чтобы хоть какую-то реальную силу создать. Пока они «сырые» настолько, что годятся только против партизан, — пожал плечами генерал, решительно открыв дверь. Быстро пересек перрон, миновал по дощатому настилу два пути и встал на пустынной платформе, перед своим собственным вагоном.

Такое положение им выбиралось не случайно — теперь настил попадал посередине между двумя литерными поездами, и таким образом возможная угроза покушения существенно уменьшалась, падала чуть ли не до нуля. Если, конечно, гипотетические злоумышленники не рассчитали с помощью телепатии и не поместили под настил пудов десять динамита или тротила.

Кто их знает, этих заморских затейников?!

Царский экспресс приближался, уже сбрасывая ход и протягивая вагоны вдоль платформы. Мимо Константина, дав гудок, проскрежетал паровоз, за ним медленно потянулась длинная цепочка вагонов. Искомый, седьмой, встал почти рядом с генералом — то ли невероятная случайность, то ли машинист экстра-класса постарался.

Дверь вагона тут же отворилась.

— Здравия желаю, ваше высокопревосходительство, — поприветствовал военного министра свитский офицер с цепким взглядом сторожевого пса. — Государь вас давно ожидает!

Арчegov быстро поднялся в тамбур — внутренняя дверь была открыта, за ней стоял вооруженный автоматом казак лейб-конвоя с белой португеей. Генерал целеустремленно, мимо купейных дверей, пошел прямо в салон, что служил монарху в дороге рабочим кабинетом.

— Рад тебя видеть, Костя.

Михаил Александрович с серым, чуть землистым от усталости и бессонных ночей лицом, с припухшими и красными глазами встретил его у стола, протянув руку. Арчegovу хватило мимолетного взгляда, чтобы все понять — на столе распласталась набитая окурками пепельница, да и густой табачный дым, пропитавший воздух, о многом говорил.

— Я тоже рад тебя зреть, Мики. — Рукопожатие было крепким, и генерал кивком показал на стол.

— Вижу, что эти четыре дня пути ты провел в мучительных раздумьях. Надеюсь...

— Я подписал все указы, Костя. — Монарх вытер платком широкий лоб, покрытый мелкими капельками пота. И вымученно улыбнулся: — Хотя мне далось это нелегко.

— В нашей жизни трудно принимать решения, которые зачастую опрокидывают старые представления и служат сильным давлением на совесть. — Арчegov вымученно усмехнулся, но не обидно, а очень устало. — Одно может тебя успокоить — раз к прошлому возврата нет и не будет, то, по крайней мере, нужно сделать все возможное и невозможное, чтобы наше будущее было намного лучше прежней жизни.

— Я тоже так подумал.

Михаил уселся за стол и подтолкнул к генералу толстую сафьянную папку с золотым императорским орлом.

— Мне она ни к чему, государь, — вымученно улыбнулся Константин — эти несколько дней он не находил себе места, гадая про себя, подпишет ли Мики судьбоносные для будущего бумаги. Он не был в том полностью уверен — недаром Михаил Александрович пожелал поехать другим литерным поездом, взяв время на раздумья. И генерал дважды нажал красную кнопку на тумбе массивного письменного стола, накрытого зеленым казенным сукном.

— Пригласите чиновника из управления делами, — коротко приказал Арчegov флигель-адъютанту, и тот, видя, что монарх сидит молча и даже смотрит в другую сторону, принял приказ молодого генерал-адъютанта, а в таком случае тот становился для него прямым и непосредственным начальством, к немедленному исполнению.

Прошло несколько минут, как дверь в салон отворилась и зашел секретарь в мундире правительственной канцелярии. Константин Иванович протянул ему толстую папку:

— Здесь указы его величества. Через два часа отправляется скорый поезд до Иркутска — вам и охране отведен первый вагон. Документы передадите лично в руки Петру Васильевичу. Идите!

Отправив чиновника, Арчegov только сейчас разрешил себе закурить длинную папиросу, с немалым облегчением затягиваясь душистым дымком. Искоса глянул на отрешенное лицо Михаила Александровича — с этого часа будущее России стало немного проглядывать сквозь грязную, мутную пленку печального настоящего...

Благовещенск

Чуть левее и впереди флагманского монитора застыла на синей речной глади канонерская лодка «Бурят». Таких канонерок было построено на Амуре десять, на две больше, чем речных линкоров. Водоизмещением раза в четыре меньше, а потому и слабее — всего две пушки в 75 миллиметров, но с броневыми щитами. Защиту из стальных листов имели рубка и машинное отделение, а десяток пулеметов делали этот корабль смертельно опасным для любого

противника, не имеющего под рукою артиллерии.

Вот только мало осталось в строю «инородцев» (названия давались по именам населяющих Сибирь туземных народов), добрая половина которых пока неподвижно осела на главной базе флотилии в Осиповском затоне у Хабаровска, а «Орочанин» затопили красные в 1918 году.

Рядом с канонеркой, почти теряясь на ее фоне, стояли три маленьких бронекатера — на носу круглая пулеметная башенка, похожая на шайбу, на корме мелкокалиберная пушка Гочкиса на тумбе — такие вещи генерал Сычев видел сразу, ведь глаз был натренирован видеть это долгой службой. И тут атаман усмехнулся — увиденная картина чуть всколыхнула память. Он негромко пробормотал:

— Словно кошка с котятками на синем половичке.

На середине широкой реки маневрировали катера большего размера. Три незнакомых, с такой же не очень серьезной артиллерией, а вот третий генерал узнал с ходу — бронированное посыльное судно с горной пушкой со щитом на тумбе да два пулемета в качестве десерта. Серьезный кораблик, несмотря на столь малые размеры и водоизмещение в 30 тонн, способный обратить в бегство хоть батальон повстанцев — пулеметы и винтовки последних не могли причинить ему существенного вреда.

Столь солидный боевой эскорт сопровождал настоящий транспортный караван, какой генералу не приходилось еще видеть в жизни — два десятка пароходов, буксиров и барж, на палубах которых разминали ноги, в ожидании схода по вываленным на берег трапам, сотни молчаливых и крепких солдат в трехцветных маскировочных халатах.

— Лейб-егеря, — прошептал Ефим Георгиевич, моментально опознав форму по описаниям — видеть новую императорскую гвардию атаману еще не приходилось. Но слухами земля полнится...

Набережная наполнялась народом, радостно галдящим, как гуси на лугу. Впору было удивляться, откуда набежало столько обывателей в столь ранний час. Все ликовали, лишь Сычев, горделиво встав в позу Наполеона (должен же он показать адмиралу, кто в этих краях хозяин) у старого бревенчатого пирса, к которому рыбаки привязывали свои дощатые баркасы, жадно поглощал глазами прибывшие подкрепления.

— Однако, — только и вымолвил генерал, всем существом чувствуя, что дела вскоре начнутся крайне серьезные. Егерей было много, никак не меньше восьми сотен, полный батальон. Да еще три сотни морских пехотинцев, вооруженных новыми «хлыстами». Несколько таких автоматов было в гарнизоне города, но тут счет шел на десятки, если не сотни, с учетом егерей.

Еще он увидел два погруженных на баржи броневики с парой круглых пулеметных башенок, взвод из двух короткоствольных 48-мм линейных гаубиц да целую батарею из четырех горных орудий. На пологом берегу уже копошились саперы да неспешно строились в ротные колонны уверенные в себе гвардейцы.

— Иптыть! Никак арчegovский дружок пожаловал?!

Сычев от удивления потряс головою — нет, не померещилось, не поблазилось, так оно и есть. Прямо к нему ходко шел по речной волне катер с вице-адмиралом Смирновым, бывшим морским министром при Колчаке, а ныне командующим военно-морскими силами и помощником военного министра генерал-адъютанта Арчегова.

Ефим Георгиевич проворно спустился на пирс, приготовившись встречать Смирнова. Деваться было некуда, приходилось придерживаться субординации. И недовольство свое прятать подальше, натянув на лицо самую любезную улыбку. Этот морской выскочка генеральские склоки пресекал железной рукою, намертво вышибая «местничество». А делаться «сычем» Ефим Георгиевич очень не хотел, памятуя о тех днях в Иркутске, когда сам управлял

военным министерством.

— Какой же я дурак! Собственными руками карьеру им сделал. Эх, знать бы раньше...

Омск

— Вы, Владимир Оскарович, в отличие от меня, грешного, академию Генштаба закончили. — Арчegov мысленно усмехнулся, глядя на несколько удивленное лицо командующего 4-м Сибирским армейским корпусом генерал-лейтенанта Каппеля. Тот, словно хорошая охотничья собака, тут же насторожился, чувствуя подвох со стороны военного министра. И взгляд стал нехорошим, оценивающим. Потому таких недоверчивых генералов нужно сразу огорошивать.

— Вы помните, как начиналась прошлая война с германцами? Поэтапно для нас.

— Конечно, Константин Иванович! Началась с объявления мобилизации, через неделю началась переброска войск, к концу месяца и мобилизация, и перевозки основной массы были закончены! Вот и все...

— Заодно и проиграли войну, — усмехнулся Арчegov.

— Это почему же, Константин Иванович?

— Да потому что, начиная ее, нужно с первых же часов нанести страшный упреждающий удар по противнику, не дать ему не то что провести развертывание, вообще сорвать всю мобилизацию! Углубившись на сотню верст вглубь за неделю!

— Константин Иванович, нашими скудными силами всего в пятнадцать кавалерийских и казачьих дивизий сорвать мобилизацию в приграничной полосе у германцев и австрийцев тогда было невозможно...

— Разве я говорил о кавалерии, Владимир Оскарович? Я имел в виду пехоту — царицу полей!

— Позвольте, Константин Иванович, сказать, — усмехнулся Каппель. — Наши дивизии имели треть от штатного состава, едва усиленный полк. Он бы просто растаял в первые дни, и вливать запасных было бы некуда.

— Позвольте мне говорить с вами откровенно, Владимир Оскарович, предельно даже откровенно?! Без чинов, как положено говорить двум старым сослуживцам, если не по полку, то по дивизии.

— Конечно, Константин Иванович.

Арчegov наклонился над столом, положил на него ладони и, пристально глядя в глаза собеседника, заговорил:

— Вот смотрите, какая вырисовывается картина: о том, что представляет из себя германская боевая машина, о ее способности к быстрой мобилизации в нашем Генштабе было хорошо известно. И давно. Об этом знали все: от последнего юнкера до маститых генералов, что по ветхости своей помнили рассказы чуть ли не со времен Очакова и покорения Крыма. А потому начали то самое злосчастное наступление в Восточной Пруссии раньше окончания мобилизации, дабы спасти Францию от разгрома.

— Все это так, Константин Иванович, — генерал Каппель согласился, но некую осторожность Арчegov уловил сразу — его собеседник не спешил высказывать собственные мысли. И потому он решил заставить Владимира Оскаровича заговорить начистоту.

— Я еще прошлой осенью думал на досуге и решил, что у нас была неправильная военная организация. В империи в мирное время было под ружьем полтора миллиона человек, порядка 70 дивизий и 20 бригад, не считая кавалерии. Еще три миллиона отмобилизовали, укомплектовали войска до полного штата и развернули из запасных еще четыре десятка дивизий

в течение трех месяцев. Чудовищная сила! Вот только в этом и было наше бессилие. Сейчас я вам постараюсь обосновать свою точку зрения.

— Для меня будет интересно ее выслушать. — Голос Каппеля был сдержан, без насмешки, глаза смотрели серьезно.

— В каждой нашей дивизии было 48 орудий, 6 батарей против 12 германских. Что наши имели на 2 пушки больше, роли не играет. Против наших 16 батальонов германская дивизия имела 12. Вывод таков — наши солдаты превращались в пушечное мясо для немецких пушек!

— Но это аксиома для всех, и для меня тоже. К семнадцатому мы перешли тоже на 12 батальонов, хотя германцы уже имели по 9 на дивизию.

— Нашим стратегам потребовалось два с половиной года мясорубки, чтобы уяснить это?! Хотя достаточно взглянуть на предвоенное штатное расписание. А ведь выход был — я бы оставил именно такую организацию нашей дивизии, установив только двойной комплект офицеров и унтер-офицеров, сверхсрочно служащих, и уполовинив батареи — тогда бы их было 12 4-орудийных супротив такого числа германских, но 6-орудийных.

— Я вас не понимаю, Константин Иванович. — Только сейчас Арчegov увидел, что Каппеля, что называется, «забрало». — То у вас много «пушечного мяса» имелось в дивизиях, то теперь вы предложили вообще его увеличить, пусть и за счет офицеров и унтеров?!

— Здесь нет противоречия, Владимир Оскарович, я имел в виду только мирное время. Каждый четвертый батальон пехотного полка находился бы в местах территориального комплектования, выполняя учебные функции. Нет, нет, вы не ослышались — именно территориального, чего наши генералы из ОМУ Генштаба боялись, как бесы ладана. Московский полк состоял бы из жителей Первопрестольной, Тамбовский из местных селян, да хоть Буркало-Гадюкинский, если бы такой имелся.

— Эта система сейчас введена в Сибирской армии.

— И чем она плоха? — ядовито осведомился Арчegov. — Казаки по ней поколениями служат и очень даже неплохо воюют.

— Я не говорил вам, что она плоха, Константин Иванович!

— Все дивизии, а их число нужно было сократить до четырех десятков, можно и нужно было довести до полного штата. Плюс гренaдеры, гвардия да стрелковые бригады. Как раз миллион бы и вышел. Все остальное отложим на кавалерию, казаков, саперов и прочих. С началом войны второй комплект офицеров и унтеров пошел бы на формирование резервных корпусов — каждая дивизия выставила бы дублера.

— Не новость. Это германский порядок, — усмехнулся Каппель, — тут нет ничего нового. Но что бы это дало? Ведь в таком случае все наши резервные корпуса состояли бы целиком из запасных. А по войне я знаю, что наши второочередные дивизии воевали в августе — сентябре четырнадцатого года намного хуже первоочередных.

— Еще бы им не быть хуже, если комплектовались с бору по сосенке, при половинном офицерском составе, кадровом, да бросались сразу в бой, не пройдя должного сколачивания.

— Но ваши резервные корпуса, — в голосе Каппеля прозвучала скрытая издевка, — вряд ли были бы лучше.

— Ошибочная точка зрения, — мягко парировал Арчegov. — Офицеры и запасные служили раньше вместе, комплектование ведь территориальное, вы не забыли? А потому знают друг друга, а месяца достаточно, чтобы они превратились в единый боевой механизм, ничем не хуже первоочередных корпусов. Но дело не в этом...

— А в чем же? — Каппель хмыкнул, но уже с явственным интересом, размышляя.

— А в том, что наши армии перешли бы в наступление всеми кадровыми корпусами с первого дня войны. Выиграв драгоценную неделю...

— Всеми? С Сибири и Кавказа тоже? Из Туркестана? — В голосе Каппеля как бы просквозило — «ты заигрался и не видишь очевидного».

— Ответьте мне — а зачем там держать полностью укомплектованные корпуса? Туземцев гонять? Тем паче Япония воевать с нами не собиралась — союзник наш, иппыть. А турки только к ноябрю на войну решились. Да и в горах войска быстро не сосредоточишь. На все эти округа хватило бы в мирное время и стрелковых бригад. Дивизии там совсем ни к чему держать, все равно дробить на отряды приходится.

— Что-то в этом есть, Константин Иванович, — несколько смущенно пробормотал Каппель.

— Заслон против Восточной Пруссии — гвардия и гренадеры, ну, пара корпусов еще. «Польский балкон» с севера защищали крепости Осовец и Новогеоргиевск. Этого хватало с избытком, чтобы удержать 8-ю германскую армию, вздумай она наступать на Брест и выйти нам в тыл.

— Пожалуй, здесь вы правы, — после секундной заминки согласился Каппель и вынес собственное решение: — Всеми 18 корпусами нужно было нанести решительный удар по австро-венгерским армиям!

— Ни в коем случае! Зачем в пустоту всей силою бить!

— Но как же так?

— А вот так, Владимир Оскарович. В юго-западной части «балкона» сосредоточить две армии, то есть восемь корпусов. Ударить ими по Силезии — там был только германский ландверный корпус Войрша да три пехотных дивизии австрийцев у Кракова. У нас был бы более чем трехкратный перевес — размолотили бы немчуру вдребезги. На этом бы война и окончилась...

— Поражением пяти дивизий неприятеля? — генерал Каппель посмотрел на военного министра, как на умалишенного, и того это взгляд взбесил.

— Войска — тьфу! Главное здесь заводы, что треть военной продукции Германии за всю войну произвели. За неделю их можно было в развалины превратить, взорвать, от фабрик до мостов. Заодно все склады германской армии в пепел превратить, вывезя, конечно, самое ценное. Немцы же через полтора месяца блицкрига начало переброски войск из Франции на восток готовили, и пополнять запасы они должны были именно на Одере. А тут амба — ни складов, ни заводов, ни железнодорожных мостов. Какие, на хрен, наступательные действия!

Каппель каким-то пришибленным и странным взглядом посмотрел на Арчегова, сглотнул, но ничего не сказал, а тот, словно не заметив этого, продолжал горячо напирать:

— Вот о чем наш Генштаб должен был думать, а не в солдатики играть и не о вражеских территориях вожделеть! Старые дрожжи в лампасах, им бы только с хоругвями ходить на парадах, а более ничего они не могут. Неужели было трудно немного подумать и тщательно все просчитать?! Пошевелить застывшими извилинами?! Ибо германцы дальше воевали бы с нами, имея всего на одну треть меньше — от пулеметов и пушек до снарядов. Представляете? На треть меньше всадили бы в нас свинца и стали! Это сколько же русских солдат живыми бы остались?! Вы генштабист, Владимир Оскарович, так что параметры сами подсчитать сможете!

Арчегов встал из-за стола, прошелся по салону, закурил папиросу и жадно, в несколько затяжек, ее выкурил. Затем снова уселся в кресло — все это время Каппель молчал, продолжая сверлить военного министра все тем же странным взглядом...

Демблин

— Хорошо пошли, хорошо!

— Щас панам дадут!

— По самые гланды! Ха-ха!

Бойцы, ерзая от нетерпения в седлах, громко переговаривались, весело скаля зубы. И это было хорошо — недельного отдыха хватило, и теперь можно было идти дальше, ломать хребет мировой буржуазии и победно устанавливать красные знамена.

Далеко впереди вздымались густые клубы взрывов. Артиллеристы снарядов не жалели, батареи надрывно гремели. Да и красноармейцы, что сейчас шли в атаку со штыками наперевес далеко впереди, были свежие, в не обмятом еще обмундировании. Эти стрелки только что прибыли из-под Уральских гор, легендарной Краснознаменной и Почетного Революционного Знамени дивизии Путны. Они стяжали себе громкую славу этой минувшей зимой, одни отступая под напором Сибирской армии от Оби до Иртыша, сдерживая многократно превосходящего противника. Очень сильная дивизия, крепкая, все дружно пошли в атаку.

Молодой командир 27-го кавалерийского полка 1-й Конной армии Константин Рокоссовский вздохнул с завистью, вспоминая, какими ровными шеренгами пехота шла через переправу три дня тому назад. Стрелки были прекрасно экипированы и вооружены, имели в изобилии патроны, всяческие припасы. Все это им предоставила Сибирская армия — недавний противник в гражданской войне.

— Но они ведь тоже наши...

Рокоссовский еле слышно пробормотал и подумал, что хорошо вышло так: отказавшись от взаимного братоубийства, свести счеты со старым врагом русского народа. Теперь, когда с Востока стали прибывать новые дивизии на смену уставшим и поредевшим, Константин Константинович полностью уверился, что приказ командующего Западным фронтом товарища Тухачевского не просто может быть выполнен, а будет: пройти на одном дыхании от Вислы до Одера.

— Товарищ командир! Соседи пошли!

Рокоссовский поднес к глазам бинокль: за кромкой дальнего леса показалась идущая шагом в колоннах кавалерия: то в пробитую стрелками дыру в польской обороне двинулась 2-я бригада его 10-й дивизии. Полк Рокоссовского был головным в 1-й бригаде, потому и выступать должен был первым. Сам он ждал удобного момента: рано двинешь конников, когда оборона кичливых ляхов еще не сломлена и проход узкий, — выкосят на хрен из пулеметов фланговым огнем или попадешь под шрапнель. Запоздаешь с атакой — поляки смогут опомниться, откинуть пехоту и организовать впереди оборону. Опять напрасные потери, топтание на месте и, главное, невыполнение боевой задачи.

Ведь за его бригадой приданный дивизии свежий стрелковый полк стоит — три батальона молодых и обученных парней на конфискованных у панов подводах, конно-саперный эскадрон, обозные повозки. Им следом идти, в прорыв углубляться нужно всей массой. А следом и другие дивизии пойдут 1-й Конной армии. Его уже армии, так как дивизия отдана в подчинение товарищу Буденному.

Рокоссовский вздохнул и решился. Он привстал в стременах и громко скомандовал, обращаясь к головному эскадрону, красноармейцы которого в нетерпении ерзали в седлах:

— Полк! Слушай мою команду! Пики к бою, шашки вон! Поэскадронно, рысью, марш-марш!

Омск

— Ладно, что было, то не вернешь! Нам о дне насущном думать нужно. — Арчegov улыбнулся. Разговор с генералом Каппелем получился у него весьма содержательным, и он про

себя решил, что Владимир Оскарович как раз тот, который и нужен. Молод, умен, не чужд новым веяниям, любит воинское ремесло — а главное, имеет богатый командный опыт в условиях маневренной гражданской войны. То, что нужно!

— Ваши три стрелковые бригады при поддержке кавалерийской дивизии должны наступать на фронте от Челябинска до Екатеринбурга. Предвижу, что вы мне скажете, что выполнить эту задачу невозможно, имея на таком обширном фронте всего три усиленных пехотных полка по старым нормам. Ведь так, Владимир Оскарович?

— Совершенно верно, Константин Иванович, вы читаете мои мысли. — Генерал не скрывал улыбки.

— Так это если старым аршином продолжать мерить, а времена для нас всех новые наступили. Знаете такую мысль — все генералы готовятся к той войне, что была, и извлекают опыт для прошлого, но не будущего?

— Мне знакомо это изречение, и могу сам засвидетельствовать, что к войне с немцами мы готовились, как к новой схватке с японцами. Учитывали то, что тогда три четверти потерь были от стрелкового огня, остальное пришлось на артиллерию. К сожалению, в мировой войне все вышло наоборот, и мы поплатились и за небольшой запас снарядов, и за отсутствие траншейной артиллерии и малое число гаубиц...

— Мы о том уже говорили, Владимир Оскарович. Давайте поговорим о будущей войне. Вначале давайте мы с вами определимся с политической составляющей. С великими державами нам не тягаться, но и воевать с ними не придется. Про Антанту я не говорю, Япония войну не начнет, с ней завсегда можно договориться. Соседи? Они слишком слабы и не захотят на нас нападать. Китай? Амур разделяет, да там у нас мониторы еще, и японцы помогут. Кто остается в таком случае?

— Только один враг — большевики.

— Совершенно верно. А потому, как придет нужное время, надо нанести по ним согласованный и сильный удар уже полностью отмобилизованной армией. Причем с использованием фактора внезапности, нарушив условия годичного перемирия, по не развернувшемуся и пока не готовому к войне противнику.

— Перемирие они сами нарушить готовы, как только это им выгодно будет. Но что касается мобилизации и соблюдения при этом внезапности... Нет, такое не утаить!

— Отнюдь. Смотрите — у вас в корпусе три слабые бригады по четыре батальона. Нам нужно утроить число, превратив бригаду в сильную дивизию. При этом не встревожив красных, то есть проведя скрытое развертывание и дезинформировав врага. Что мы сделаем? Вливаем в бригады вначале подготовленных новобранцев из учебных полков, притом задерживаем старший срок. Обычное дело для любой армии, не вызовет никаких подозрений. При соответствующих мероприятиях, конечно. — Арчegov остановился, перевел дух, его глаза блеснули лукавством. — Затем потихоньку выдергиваем отпускных, без огласки призываем на переподготовку офицеров и сержантов. Тоже весьма привычное, даже житейское дело в каждом государстве. В газетах и обыденной жизни никаких тревог и ни капельки истины. И в конечном результате приурочиваем это дело к проведению учебных сборов для запасных. Все это должно находиться в особом пакете, что будет в самое ближайшее время передан всем командующим корпусами и дивизиями нашей армии.

— Они подготовлены? — с прорвавшимся нетерпением спросил Каппель, чуть приподнявшись с кресла.

— Красные пакеты? Да, уже готовы. Видите, в чем проблема, Владимир Оскарович. В Генштабе резкое омоложение, все офицеры со свежим боевым опытом, идет их ротация, а потому обычная чиновничья работа затягивается. К сожалению, те генералы, кто прекрасно

знает рутину, получив зигзаги на погоны еще при императоре Николае, живут старыми представлениями и совершенно не годятся для новой войны. У них одно слабое место...

— Это же какое, Константин Иванович, позвольте мне осведомиться? — звенящим голосом спросил Каппель.

— Голова, генерал. Они совершенно не желают учиться новому, находя смысл жизни в параграфах давно отживших уложений. А исключение из правил, их подтверждающее, только одно — граф Келлер. Самый старший из наших генералов сейчас полностью погружен в концепцию маневренной войны с использованием массированных ударов эскадрильями аэропланов, открывающим путь бронеавтомобилям, мобильной пехоте и кавалерии. Но это так, к слову. А нам...

— Рад вас видеть, господа, — Михаил Александрович излучал с улыбкой доброжелательность. Генералы тут же поднялись с кресел, но монарх с неким протестом махнул рукою.

— Сидите, сидите, господа. Константин Иванович, вы уже сделали Владимиру Оскаровичу некое предложение?

— Как раз подобрался, ваше величество, но не успел.

— Тогда предоставьте мне, — Михаил Александрович посмотрел на подобравшегося в кресле генерала Каппеля, нервы которого были натянуты как струна. Да и арчegovский «гаф» он воспринял болезненно.

— Правительство, сам Петр Васильевич и наш военный министр, здесь присутствующий, с высочайшего одобрения приняли решение назначить генерал-лейтенанта Каппеля начальником Генерального штаба Сибирской армии. Ваши возражения, если таковые будут, не существенны, ибо время военное и властно нам диктует свои условия. Так что вам надлежит немедленно приступить к исправлению данной должности. — Монарх открыл лежащую на столе папку и протянул ошеломленному генералу лист: — И позвольте поздравить вас со столь высоким назначением. Надеюсь, вы сработаетесь с Константином Ивановичем, ибо дело вам, господа генералы, предстоит общее вершить.

— Поздравляю вас, Владимир Оскарович, — улыбнулся Арчegov. — И позвольте сразу взять быка за рога. Мы с вами говорили об организационно-мобилизационных мероприятиях, хм, скажем так — нового типа, их требуется немедленно подготовить.

— Но вы говорили, Константин Иванович, — Каппель с некоторым изумлением посмотрел на военного министра, — что пакеты уже готовы.

— Готовы, не отрицаю. Давно. Красного цвета, как я даже уточнил. Но вот насчет их содержимого я такого ответа вам не давал. Это же входит в обязанности начальника Генштаба, отнюдь не военного министра. Я только администратор и инспектор, готовить войну будете вы, Владимир Оскарович. — Арчegov с немым извинением поднял руки, и, скосив глазом, увидел, как ему с одобрением подмигнул Мики. Что ж, теперь можно было переходить к главному вопросу, что беспокоил больше всего.

— А раз его величество сам предложил, то давайте, господа, ответим сейчас на самый важный для нас вопрос. Война с большевиками неизбежна — но это дело не нынешнего, а следующего года. Но хорошо бы приложить такие усилия, чтобы без войны добиться нужного результата. Возможность для этого есть — красные начали стремительное продвижение на запад, на Германию, начав экспорт революции. Давайте попробуем определиться, как мы можем использовать этот бросок к своей пользе...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Нет у революции конца...

(27–28 августа 1920 года)

Карамышево

— Ушел Бурлов, Петр Федорович, дальше по Кове ушел!

Хорунжий Скуратов от огорчения чуть не выругался, но сдержался: с командиром говорит, хоть тот ему и двоюродным дядькой приходится. Впрочем, и сам есаул готов был крыть матом всех и всякого. Вроде все было рассчитано, ан нет — вывернулся из западни красный бандит, как мокрый обмылок в жаркой бане. Побросали в сельце обоз, раненых да больных с бабами и детишками и снова ушли в глухую тайгу.

И где их там искать прикажете?!

Тайга ведь большая, на многие сотни верст не то что жилья, зимовья охотничьего не найдешь. Хотя это только на первый взгляд кажется, а на самом деле путей-дорожек у красного атамана не так много. Сотню партизан ведь кормить нужно, да и устали они изрядно — казаки и егеря по Ангаре их уже две недели гоняли, с пароходов из пушек били и в конце концов на ангарский приток загнали, Кову. Отсюда путь один только — на Братск, а там их давно поджидают егеря и маньчжурцы.

Куда еще?

Вправо, к мятежному Тасееву, бывшей столице партизанского края, занятому стражниками, сотни верст через тайгу? Или влево, к сельцу Невону на Ангаре? Но туда идти нельзя — на реке флотилия, выхода совсем не будет. Прижмут к реке, обложат да уничтожат.

Не позавидуешь красному командиру, хотя тот умелый и рискованный вояка, дольше других партизан во всем Приангарье продержался. Но, как говорится, сколько ниточке ни виться, а за кончик все равно ухватятся.

— Ладно, племян, — чисто по-семейному произнес Коршунов, — пойдем дневать, хозяйка стол накрыла.

Офицеры подошли к жестяному рукомойнику, с удовольствием умылись с дороги, вытерлись расшитым рушником, предупредительно повешенным рядом на гвоздик, и чинно уселись за стол, что стоял под навесом у летней кухни. Там степенно суежилась еще статная женщина, хоть из-под платка выбивались седые пряди волос.

Таежное село встретило отряд есаула Коршунова хорошо, с доброй приязнью. Было видно, что партизанщина и война достали местных крестьян до печенок. Оттого и радушие проявили, столь несвойственное по прошлому году.

Офицеры перекрестились, затем Петр Федорович негромко прочитал молитву, и чинно уселись обедать, без спешки — бесконечная гонка по тайге за партизанами, все время всухомятку, а то и вообще на одних сухарях, истерзала бедные желудки. А тут грех не вкусить!

Стол был уставлен чашками, блюдами и плошками с простой таежной пищей. Густая наваристая уха, благо рыбы водилось в местной речушке много, исходила паром и дразнящим запахом. Здоровенный чугунок с дичиной, тушенной с капустными листьями и молодой картошкой, малосольные огурцы из бочонка, жаренные на большой сковороде грибы, рядом моченая брусника и прочие дары тайги, которая никогда и никому не давала не то что умереть с голоду, но даже впроголодь жить, если, конечно, руки где надо пришиты.

Ели офицеры молча, ломая руками пышный, еще горячий каравай белого пшеничного хлеба. Наготовили и напекли съестное красным, что с винтовками прошлись по дворам, требуя их покормить и обогреть. Вот только промашка у «бурловцев» вышла, не дождались они долгожданной трапезы и всем скопом бежали из села, настигнутые преследующим их отрядом.

Ну, а все наготовленное досталось победителям, как всегда на войне происходит. Теперь погоня по тайге намного легче пойдет — сытому, хорошо помывшемуся в бане да отдохнувшему ночку на мягкой постели казаку или егерю гораздо легче в походе приходится, чем голодному, завшивевшему, истерзанному гнусом, плохо спавшему у костра партизану...

— Вашбродь! — Бородатый, нахмуривший густые кустистые брови, с небольшим брюшком, хозяин степенно сел на лавку напротив есаула, что вечерял у двухведерного самовара. — Тут дело такое случилось. С красными проводником Тимоха Волоков пошел, охотником вызвался. Бобыль тут у нас один есть, всю здешнюю тайгу вдоль и поперек прошел, знает ее как свои пять пальцев...

Старик говорил медленно, тягуче, так ведут себя все здешние жители, ибо тайга болтливых не любит, как и спешки, что зачастую горестью одной оборачивается.

Есаул это хорошо знал, потому не перебивал, вопросы не задавал, прекрасно понимая, что важное ему и так потихоньку расскажут. Стоит только терпеливо подождать, тем более что в руке кружка горячего чая с малиной, и можно не торопясь его прихлебывать.

— К вдове одной, значит, Тимоха там ходил, а в прошлое лето ее ссильничали два партизана. Баба руки на себя опосля наложила, ее дурной болезнью оделили. Тимоха-то их и узнал, в отряде они энтот, бурловском...

Старик не торопясь налил себе в кружку чая, щедро сыпанул в кипяток сухой малины. Сделал тягучий глоток, чуть прикрыв отнюдь не старческие, живые, с огнем, глаза. Затем заговорил дальше, но так медленно, будто слова, как гвозди толстые, из себя, как из стены, клещами вытаскивал, налегая всей силою:

— Петлею он их поведет, от реки в сторону уходя, а вы их напрямки достигнете, вашбродь. Место там одно есть, вон туда он их и приведет. К «Чертову кладбищу»...

Ярославль

— А красные наших стрелков с придыханьем слушают, Константин Иванович!

У Пепеляева вырвался короткий смешок, да и сам Арчegov не смог сдержать улыбки. Еще бы — громкий говор отдыхающих сибиряков был хорошо слышен не только в их салоне, окна которого были опущены по причине последних жарких деньков уходящего лета, но и разносились по всей платформе, по которой вытянулось красноармейское оцепление.

Рассуждали сибирские гвардейские стрелки об урожае хлебов, о видах на осень, о том, что их родные и семьи зимовать будут в полном достатке. И о земле, что была получена за службу, и о том золоте, что тонкой струйкой пролилось на крестьянские хозяйства.

— Пусть слушают, может, коммунистический дурман потихоньку с голов и начнет выветриваться, — усмехнулся военный министр.

Сибирская делегация строго выполняла все условия соглашения и никакой антисоветской агитации по пути не вела. Но кто ж запретит простым солдатам на отдыхе, ощущая твердую землю под ногами, а не качающийся пол вагона, вести между собой самые житейские разговоры!

Вот и вели их степенные бородатые сибиряки в военной форме, тем паче Константин Иванович дал на то свое одобрение, негласное, но принятое к немедленному исполнению.

— Не те пошли красноармейцы, совсем не те, — задумчиво пробормотал генерал,

пристально оглядывая платформу: мусора значительно прибавилось по сравнению с прошлым майским проездом, так же, как и газет с плакатами — видно, совсем худо идут дела у большевиков, раз настолько увеличен выпуск средств массовой агитации.

Да и само охранное оцепление сильно отличалось от прежнего, когда стояли вываренные в боях латыши, умелые и опытные солдаты, узнаваемые с первого взгляда профессиональные «ландскнехты революции». Сейчас стояли новобранцы, едва прошедшие четыре-пять недель, а то и меньше, аналога местного КМБ, спешно отобилизованные — и безусые парнишки с испуганными глазами, и степенные мужички лет тридцати-сорока.

Вот только красноармейская форма на них сидела мешком, штыки не просто дрожали, а кое у кого вообще ходуном ходили. Да и переминались с ноги на ногу, наострив уши и с жадностью прислушиваясь к разговорам сибиряков. Впрочем, были и совсем другие солдаты, хлебнувшие военного лиха. В ладно сидящем обмундировании, подтянутые, с хорошей выправкой. Немного имелось, с десятую часть всего, но именно на таких вояках любое подразделение держится, и дай только достаточно времени, как новобранцев будет не узнать — всех приведут, как говорится, к единому знаменателю. А это плохо для белых, очень плохо, ибо ясно, что резервы, причем немалые и подготовленные, у большевиков будут...

— Константин Иванович, сыграйте! — Голос Пепеляева вывел военного министра из размышлений. Тот протягивал ему гитару и умоляющим голосом попросил еще раз:

— Что-нибудь лирическое. У вас очень необычные песни, хочется и хочется слушать. А то поезд скоро тронется, не до музицирования будет, а уж в Москве...

Министр внутренних дел не договорил, огорченно взмахнув рукою. За время дороги он пристрастился к песням неведомой ему эпохи, хорошо «подсел», как наркоман.

— Поиграть? Лирическое? — с задумчивым видом произнес Арчegov и тряхнул головой, улыбнувшись. Действительно, а почему бы ему не спеть сейчас. Благо окна вагона опущены. Песня ведь тоже оружие и прекрасное средство агитации.

Он быстро извлек из памяти одну песню, знакомую по афганской коллекции записей, и решил исполнить именно ее как наиболее подходящую. И, взяв гитару в руки, чуть тронул вначале струны, затем заиграл, запев чуть хриплым и негромким голосом:

И не долго ли, и не коротко,
Там, за Волгой, степь, солончаки,
Бугры и бугорки,
Граненые штыки и ржавые клинки.

Там бурьян на крови разрастается, буйный цвет,
Не найти аромат чабреца,
Черный ворон клюет выражение лица,
И не страшно ему на груди у бойца.

Пепеляев чуть не разинул рот от удивления, недоуменно посмотрел на военного министра — он никак не ожидал услышать от него такой песни, на лирику абсолютно не похожую. А голос генерала значительно окреп, песня зазвучала громче:

С громким криком «Ура!» да за правду с обеих сторон,
Каждый прав и не прав, но у каждого правда своя.
Командир хриплым матом не зря торопил эскадрон,

И лавина рысила, не в силах уже устоять.

Смерть металась, щетинилась сотней штыков,
Жизнь немного отстала в погоне за ней,
Есаул хриплым матом не зря веселил казаков,
И нагайки со свистом ложились на крупы коней.

Там бурьян на крови разрастается, буйный цвет,
Не найти аромат чабреца,
Черный ворон клюет выражение лица,
И не страшно ему на груди у бойца.

Арчegov пел, но в то же время с пронзительной отчетливостью осознал, что за окном установилась гнетущая тишина. Разговоры среди сибиряков затихли, как по мановению волшебной палочки — стрелки с напряженным вниманием слушали песню.

Скосив глазом на ту стороны платформы, Константин Иванович увидел, как красноармейцы с ошарашенным видом вытянули шеи, а некоторые сделали даже шаг вперед, стараясь лучше расслышать *такую* песню. И он сразу добавил в голос силы, запев еще громче, еле не срываясь на крик:

Мужичок с ноготок четверых уложил не со зла,
Все молитву читал, вытворяя клинком чудеса,
Казачок его тело умело рассек пополам,
И душа за молитвою вслед унеслась к небесам.

Молодой офицер, весь в крови, умолял пристрелить,
Умер, бедный, часа через два, землю сжав в кулаке,
Напоследок шептал он: «О Господи, что нам делить?
Мы ругается, мыслим, поем на одном языке!»

Там бурьян на крови разрастается, буйный цвет,
Не найти аромат чабреца,
Черный ворон клюет выражение лица,
И не страшно ему на груди у бойца.^[2]

— Это страшный апофеоз гражданской войны, — тихо сказал Пепеляев. Тишина за окном стояла такая звонкая, что было слышно веселое чириканье воробьев, переживших голодную зиму.

— Это наша общая беда, Виктор Николаевич, — громко ответил министру Арчegov, чуть вибрируя голосом. — Скажите мне, ради чего сибирские и русские мужики должны рвать глотки друг другу? Нужно жать хлеба, растить детей, жить счастливо, в конце концов. На хрена воевать?! Нам делить нечего, чужого и даром не надо, своей земли за глаза хватает. Капиталистов-буржуев у нас нет, все заводы и рудники казенные, жалование у рабочих намного больше, чем в прежние времена. Помещиков отродясь не было, земля вся «миру» принадлежит, селяне ее сами делят, по-честному. Те, чьи хозяйства войной подорваны, от налогов

освобождены. В школах детишек бесплатно учат, в селах фельдшер за здоровьем смотрит. Нет, Виктор Николаевич, война нам на хрен не нужна. Ежели большевики полезут, врежем им так по зубам, что в совок собирать будут.

— Не думаю, что они пойдут войной на нас, господин генерал, — Пепеляев задорно сверкнул стеклами очков — он все понял и стал решительно подыгрывать. — Хватит нам войны, этого братоубийства! Это что такое делается — вначале с немцами воевали, теперь три года сами с собой воюем?! Зачем это нужно?! Кто нас стравливает?! Мы не желаем воевать, так почему же к нам лезут, норовят хлеб и добро отобрать! Нет, таких «гостей» мы выпроводим, ибо жить мирно желаем!

Арчegov посмотрел в окно краем глаза — красноармейская шеренга смешалась, вчерашние мужики чуть ли не к рельсам шажками подошли, пытаясь лучше расслышать громкий разговор в вагоне. Интересно и то, что два подошедших краскома, вместо того чтобы оцепление восстановить и порядок навести, сами слушали с напряженным вниманием.

— Сейчас я еще спою, Виктор Николаевич, — громко произнес Арчegov, улыбнулся министру внутренних дел и подумал, вспомнив наконец еще одну песню: «Такой бойцы не выдержат, батальон или расформируют, или очень долго комиссары мозги мужикам вправлять будут. А разговоры и пересуды в городе не одну неделю идти будут. Стоит постараться и попеть ради такого дела».

Черемхово

Поезд покачивался, тележка грохотала по рельсам. Мимо проплывали знакомые здания и высокие рукотворные горы, и он жадно впивался в них взглядом, чувствуя, что долго их не увидит.

И увидит ли вообще?

Офицер в тужурке броневых частей Российской армии и с погонями капитана на широких плечах достал из кармана тяжелый портсигар, закурил очередную папиросу, внутренне усмехнувшись — видно, так ему и придется ехать до Урала, куря в коридоре и любуясь проплывающими мимо окна пейзажами и только на ночь возвращаясь в свое купе для сна.

А что делать прикажете, если милую девчушку, ставшую попутчицей в комфортабельном, всего на двоих купе, до сих пор трясет от лицезрения его изуродованной ожогами физиономии. Только стоять здесь, молча курить и ждать, когда она хоть чуточку попривыкнет к лицезрению уродца.

— Семен Андреевич, давайте пить чай! — Милый голос вывел Фомина из размышлений, и он повернулся к своей попутнице, ибо нельзя отказывать девушке, цедя слова из-за спины. — Вы немедленно должны пойти со мною и попить чаю, господин капитан. Крайне невежливо для русского офицера вот так относиться к женщине. — Голос девчушки исходил гневом, она цепко схватила его за локоть. — И выбросьте, наконец, папиросу, вы скоро дымом пропитаетесь, как паровоз. Это сколько можно курить?!

— Мария Александровна...

Растерянное блеяние было пресечено гневным ударом каблучка о мягкий ковер — офицера буквально втащили в купе и усадили на мягкий диван. Не юная девица, только гимназию окончившая, а прямо какой-то унтер Пришибеев, решительная, не допускающая возражений, а ведь ей едва семнадцать лет исполнилось.

Оглушенный таким яростным напором, Фомин покорно уселся на удобный кожаный диван, уткнувшись взглядом в накрытый столик. Судя по всему, тут и проводник расстарался, поставив рубиновый чай в серебряных подстаканниках, и сама Маша потрудились — ибо такой выпечки в

поездах нет, обычно обходятся печеньем, крендельками, пряниками. А тут и пирог с мясной начинкой, еще теплый, с румяной корочкой, тонко нарезанная буженина, сыр со слезой, вареные вкрутую яйца с жареной курицей и многое другое, от чего он отвык, находясь на госпитальном довольствии.

Нет, ему грех жаловаться — кормили в палате сытно, но просто, без разносолов, как положено для выздоравливающих. И сам Семен Федотович удивился тому, насколько стремительно произошло выздоровление, которое, правда, стянуло тело и лицо страшными багровыми рубцами. Теперь, в этом новом обличье, его бы и родная мать с отцом не узнали бы!

Мысль об отце, так жестоко подставленном Шмайсером, обожгла ненавистью. Он знал, что остался жив именно для того, чтобы свести счеты с бывшим другом, что оказался хуже любого предателя. Семен Федотович отдавал себе отчет, что к гибели отца, пусть и невольно, приложил руку, задумав злосчастный переворот. Теперь осталось только одно — отомстить, а там и умереть не страшно...

— Вы о чем задумались, Семен Андреевич? — Милый голос выдернул его из забытья. — Давайте кушайте хорошенько и не смейте скромничать за столом. Все пропадет на такой жаре, а вам надо набираться сил, ведь совсем недавно из госпиталя выписались.

— С чего вы так решили, Мария Александровна? — Фомину нравилась эта бесцеремонная забота, он давно забыл, что может быть такое отношение. И девчонка оказалась к тому же глазастая, враз определила. Интересно, как она к этому пришла?

— У вас кожа розовая проглядывает, на руках и на лице, — девушка словно прочтала его мысли. Протянув ладонь, прикоснулась своим тонким пальчиком к шраму. Будто электрический разряд пробил кожу, и Фомин отшатнулся. У Маши в глазах появились капельки влаги.

— Зачем вы так? Если бы мой отец вернулся с войны таким, пусть даже еще более изуродованным, я любила бы его не меньше! Я гордилась бы им! Это величайшая награда — так пострадать за Отечество! Я так бы относилась к любимому человеку, будь он у меня...

— Я не ваш отец и мужем вашим никогда не стану...

— Не говорите ничего... Кто знает? Но любящее сердце будет всегда видеть вашу душу, а не ваши шрамы. Так что, господин капитан, перестаньте меня стесняться. Я все же дочь полковника, а не кисейная барышня. Вы этим только оскорбляете меня. Извольте обедать! Нет, нет, встаньте!

Фомин в недоумении поднялся, а девушка озорно сверкнула глазами, протянув ему руку и пошевелив пальчиками.

— Умыться, вымыть руки и прошу садиться за стол. Но... перекрестив лоб, как станичники всегда делают! Выполнять!

— Есть, ваше высокоблагородие!

Офицер прыснул смехом и пошел к умывальнику — первый раз в жизни в охотку выполнять полученный приказ.

Карамышево

— С незапамятных времен слух ходил, что в старину в здешних местах казаки с тунгусов ясак брали. Но, видно, не по чину раз взяли, вот шаман местный и проклял то место, когда там десятник с казаками своими зимовье заложили, чтоб дань и дальше брать. И разом все сгибли...

— Брехня! — тем же ленивым тоном отозвался Коршунов, хотя в памяти порылся. И что-то такое промелькнуло, вроде кто-то из илимских казаков четверть века тому назад, когда он только в первый раз на службу в сотню вышел, о чем-то подобном рассказывал.

— Можя, и брехня, — тихо промолвил хозяин, — токмо место то никуда не делось, стоит как стоит, поганое все из себя. Там луга хорошие, выпасы — издавна там заимки наши были. Вот только полста годов тому назад решили старики дружно — не селиться там, забыть вообще дорогу в те края. Много людишек, еще больше скотины забрало «Чертово кладбище» своими жертвами кровавыми. Не живут там селяне мои давно, не заходят, и дорогу туда все забыли. Кроме стариков да Тимохи — тот туда частенько набегает, ибо в десяти верстах, за сопками зимуху поставил да собольков по снегу бьет. Шкура у тех соболей добрая, переливается вся — бают, что «загар» получают от того поганого места.

— Как же так? — искренне изумился Коршунов. — Люди гибнут, скотина мрет, а соболя там живут?

— Не там, — усмехнулся старик, — а на отдалении большом. Туда ни зверь не суется, ни птица. Токмо людишки могут по незнанию да скотина по своей дурости залезть, себе на погибель.

— А на что похоже это «Чертово кладбище»?

— Рассказывать долго, лучше увидеть. Я твой отряд туда, вашбродь, сам отведу, благо дорогу не забыл. Вначале через тайгу проберемся, а потом словно стежка пойдет, идти легко станет, ни кусты, ни деревья на ней не растут. Прямоком идет к поляне, у нас ее «чертовой дорожкой» именовали. Думаю, и сейчас она такая...

— Ты там часто был?

— Нет, раза три водили дед и отец по молодости, но дорогу туда не забыл. Да и все приметы до сих пор помню. Вдоль Ковы дня два быстро идти, без роздыха. А там в сторону свернуть, к «стежке» этой. Так что догоним красных, не сомневайся!

— А если прямо?

— Так до Братского селения добраться можно, мы туда частенько скот гоняем. До войны, конечно, было. А там прямо живыми тушами стройщикам Мамырского тракта и продавали. Охотно брали — народа трудилось много, работа трудная, мясо нарахват шло.

— Понятно, — улыбнулся Коршунов и снова налил чаю. Такое уж в Сибири царит чаепитие, самовар за самоваром ставят — долгое, как зимняя ночь, и сытное. Со сладкими заедками, колотым сахаром, вареньем, расстегаями, шаньгами, пирогами да кренделями.

— А с этими что делать будете, вашбродь? На распыл пустим? — деловито спросил старик о судьбе плененных красных, но без отчетливого интереса, так, по-крестьянски обстоятельно.

— У кого руки по локоть в крови, того да. Но после суда в уезде. Тех, кто замаран чуть-чуть, по деревням отправим, пусть там селяне сами решают. А баб с детишками томить не будем — по домам развезем.

— Так это женки головки...

— А при чем бабы-то? Мы с ними не воюем, за чужие грехи лютовать не станем в отместку. А их батюшка сразу разведет, ибо нельзя жить с мужиком, что заповеди Божьи отринул и кровь, словно упырь, льет.

— Добро, — глухо отозвался старик. — То по Божьему закону. Я смотрю, у тебя в отряде наши ковенские мужики да неволонские есть.

— В стражу все записались — пятерка золотом в месяц положена, и каждый свою долю добычи получит, как Бурлова прищучим, лошадьми там, имуществом всяким.

— Ага, — с нескрываемым удовлетворением крикнул хозяин. — Так мы в селе тоже за царя и советскую власть держимся, только много этих партизан было, вот боя и не приняли. А так завсегда помочь власти готовы. Десяток наших мужиков в стражу эту хучь сейчас запишутся. С германцами все воевали, с крестами-медалями, один даже унтер, а сын мой меньшей ефрейтора

при царе Николае получил. Стрелки все призовые, соболя в глаз бьют. Винтовки и обмундировка своя, нам бы только чудную одежду с пятнами получить у тебя, дюже она хорошо в тайге скрадывает. Ты не сомневайся, вашбродь, — прищучим шайку!

Старик сжал свою мосластую ладонь в крепкий кулак, похожий на десятифунтовую гирю.

— Там жандармский офицер, поручик Касатонов, к нему мужиков отправь, он все оформит, — только и сказал Коршунов, глядя на здоровенный кулак. Да, такие мужички-таежники любого партизана прижмут, сдавят, как клопа, так что брызги во все стороны.

— Хорошо, вашбродь, благодарствую!

Старик легко поднялся из-за стола и ушел, а Коршунов взял с блюда расстегай, укусил за угол — вкусно и подумал, что, скажи ему кто в прошлом декабре, что он сам воевать будет «за царя и советскую власть», в жизни бы не поверил. А тут так дело повернулось, что в селах ненавистную земщину отменили и «советы» крестьян приказали спешно собрать, в которых были бы не горлодеры с голодранцами, а крепкие и степенные мужики, такие, как этот хозяин.

Само слово «совет», введенное царем Михаилом Александровичем и Земским собором, отнюдь не тождественно сейчас прежнему «совдепу». А как иначе — старики в станицах всегда «советуются», и прежде при царях Государственный Совет имелся.

Зато против такого лозунга ни один красный отряд не устоял — за полгода всех под корень извели. Остались только мелкие шайки, против которых сами же селяне воевать принялись. А значит, в самые ближайшие дни полученный приказ он выполнит, и отряд Бурлова, наделавший немало бед на Ангаре, будет уничтожен...

Москва

— Лев Давыдович, вы опять за старое принялись? — искусственно недовольным голосом произнес Арчegov, глядя на улыбающегося Троцкого. Будто не было трех месяцев расставания, одни сплошные именины сердца с этим «львом революции».

Взять бы его за ногу да макушкой крепко об пенек вдарить, чтоб мозги землю забрызгали!

Но нельзя, дипломатия, а потому приходилось улыбаться. Впрочем, и сам Троцкий вряд ли испытывал к нему хоть какую-то симпатию, ибо врага можно уважать и побаиваться, но никак не любить.

Это чувство вообще отсутствовало между переговаривающимися сторонами. Но волей-неволей им приходится наступать на горло собственной песне — хочешь или не хочешь, но нужно как-то договариваться, причем на совершенно противоположных интересах.

— Вы на Вислу давно вышли, к Одру уже ваша кавалерия добралась. Вон Польшу советской республикой объявили. А с Царицыном жмотитесь, прежние условия нарушаете. Нехорошо! Воевать мы с вами не будем, ни к чему, но свое заберем, не обижайтесь!

— Это каким же образом, позвольте спросить?

«Да не образом, а чем-то похожим на свечу», — всплыл в голове похабный анекдот, и Арчegov помимо воли ухмыльнулся. Но объяснять Троцкому такое нельзя — не поймет юмора. А потому генерал чуть потянулся, как выпавшийся кот, и заговорил, подпустив медку в голос:

— Врага бояться не нужно — он может только убить. Друга тем паче, ибо предадут только свои. Равнодушных нужно опасаться, ведь с их молчаливого попустительства вершатся злые дела и рушатся карточным домиком великие надежды. А я не хочу молчаливо взирать...

Арчegov замолчал и, выигрывая время, стал неторопливо закуривать папиросу. Троцкий сверлил взглядом, было видно, что нарком по военным делам республики лихорадочно раздумывает над сказанным пассажем.

— И на что вы не хотите молчаливо взирать, господин генерал?

— Да это я так, о девицьем, Лев Давыдович. Потом поймете, когда некие события произойдут.

— Какие странные у вас намеки, дорогой Константин Иванович. Таки очень странные.

— Так наша жизнь странная штука, уважаемый Лев Давыдович. Вы не находите? Чем дальше, тем страньше и страньше. Может быть, вначале обсудим дела наши скорбные и вернемся к Царицыну, через который, кстати, вам нефть по Волге идет.

— Советское правительство придерживается ранее достигнутых с вами договоренностей. А потому Царицын с округом будет передан вам в течение двух недель, — с некоторым пафосом произнес Троцкий, но Арчegov видел, что ему сильно не понравился намек на возможность перекрытия поставок нефти, без которой Советская республика попала бы в жуткий топливный голод, ибо угля почти не было.

«Так бы и давно, а то ломался, как дешевая проститутка, что двойную цену сорвать хочет». Арчegov ответил обаятельной улыбкой:

— Я рад, очень рад. Приказ будет отдан сегодня же — наши войска, как вы знаете, давно готовы к выполнению договоренностей. Да, Лев Давыдович, нужно решить по Каспию еще один вопрос.

— Это какой же?

— Надеюсь, Совет народных комиссаров будет соблюдать соглашение? — От такого невинного «гафа» лицо Троцкого пошло багровыми пятнами, и Арчegov поспешил добавить: — Нет, я не сомневаюсь в этом, как и в том, что в следующем году вы можете захотеть нарушить соглашение с истечением срока давности. А потому мне хотелось бы получить дополнительных гарантий.

— Есть заявление нашего правительства...

— Лев Давыдович, я не гимназистка, чтобы верить заезжему купчику на слово. А то получится, что красавица ему говорит, что он обещал на ней жениться, а ухарь отвечает, что мало ли что он на ней обещал!

— Хм. — Троцкий секунд десять осмысливал сказанное, потом хмыкнул, не сдержав усмешки: — Забавно... Хм...

— Наличие трех эсминцев и двух подводных лодок на Каспии нужно только для войны, дабы прервать наши перевозки от Гурьева. Но сейчас вряд ли... А вот если вы их передадите или продадите, то гарантия искренности ваших намерений будет для нас полная. Тем более что на Астрахань мы не претендуем. Да и не нужна она тогда будет, по большому счету.

— Я думаю, этот вопрос могут решить наши технические специалисты.

— Вот и хорошо, Лев Давыдович, с вами приятно иметь дело. Да, вот еще. И опять по флоту.

— И чем же он вам так приглянулся, Константин Иванович?

— Мало ли что может случиться в самое *ближайшее* время, хотелось бы встретить его во всеоружии. У вас в Николаеве есть подводная лодка типа АГ, да еще три-четыре ее «товарки» на стапелях. Да столько же «эльпидифоров», да полдюжины самоходных «болиндеров». Все в высокой степени готовности, за полгода-год можно в строй ввести. Они не представляют для нас угрозы — флот может наглухо закрыть Бугский лиман минными заграждениями и спалить верфи. Тут дело в другом — мы желаем убедиться в высокой эффективности коммунистического труда.

Троцкий долго молчал, задумчиво глядя на Арчегова, стараясь понять затаенное в словах. От этого пронзительного взгляда военному министру стало зябко, и он постарался скрыть это ощущение словесной завесой:

— Мы оплатим строительство, накормим рабочих до пуза, но корабли нужны нам. Зачем

их зря терять? Ведь не секрет, что на нас сильно *давят*, но мы выдержим. — Арчegov проникновенно посмотрел на Троцкого и тут же развел руками, как бы извиняясь: — А вот некоторые могут того давления не выдержать, да и искушение для них слишком велико.

— Хотите выпить красного вина, Константин Иванович?

От такого предложения Арчegov чуть не поперхнулся, но, взглянув на Троцкого, собрал всю волю в кулак и безмятежно произнес:

— Хорошо бы бессарабского, там просто чудесные виноделы. И вина хорошие, крымским или грузинским почти не уступают.

Троцкий тут же сделал характерный знак порученцу, тот вышел, и не прошло минуты, как на столе стояла пузатая бутылка, оплетенная соломой. Уже открытая, явно ожидавшая продолжения беседы с ее использованием.

«Все он понимает, бестия. Умен! Намеков можно дальше не делать — „льва революции“ теперь не нужно убеждать». Арчegov потянул терпкое вино из бокала, оно было превосходным. Генерал не был ценителем вина как такового, просто любил пропустить стаканчик и потому отказываться от предложения Троцкого не собирался. Зачем это делать, если тот всячески демонстрировал радушие и гостеприимство.

Встречу сибирской делегации на Ярославском вокзале устроили московские большевики по высшему разряду — почетный караул лихо взял «на караул», оркестр играл марши, сновали иностранные корреспонденты. А на перроне поезд встречал сам председатель Реввоенсовета республики в сопровождении многочисленной свиты, в которую входило несколько наркомов.

К великому удивлению Арчegovа, здесь присутствовал даже глава Коминтерна, который сменил свою фамилию, характерную для западных белорусских местечек, на более благозвучную для русского восприятия. Впрочем, так же поступило подавляющее большинство из нынешних властителей России, того же Троцкого-Бронштейна взять.

От такого нарочитого и липкого, как медовая патока, приторного радушия военному министру резко поплохело. Особенно стало худо после торжественного объявления о награждении его орденом Боевого Красного Знамени за проявленную храбрость в майской стычке и спасение жизни председателя Совета министров Сибирского правительства, чуть ли уже не союзного большевикам, как явствовало из слов председателя ВЦИК, будущего «всесоюзного старосты».

Деваться было некуда — принятая на себя роль прокоммунистического деятеля заставляла Арчegovа отвечать на славословия с улыбкой дружеского восхищения. Хотя, представив, как он явится на Военный совет в Крыму с привинченным на китель БКЗ, Константин Иванович хмыкнул. Это был бы самый легкий способ совершения самоубийства.

Впрочем, сейчас Арчegov с пронзительной ясностью понимал, что принес свою жизнь в жертву России. Ну что ж, не он первый, не он последний, одно плохо, что под надетой намертво ненавистной для него *личины* придется погибать...

Ливадия

— Ваше императорское величество, — за спиной раздался тихий голос флигель-адъютанта. — Прибыл адмирал Колчак. Ему назначено.

Михаил Александрович тяжело поднялся с маленького диванчика, в который раз окинув взглядом комнату. Много лет назад это была его детская, здесь он жил и играл, когда семья приезжала сюда, в благословенный Крым, на отдых. Все вместе — папа, могучий гигант в русской косоворотке, и мама, что сейчас на своей родине в Дании, непутевый брат Ники, любимый Гоги...

— Боже мой! Как давно это было... — тихо прошептал Михаил, по щеке которого скатилась одинокая слеза. Воспоминания жгли душу — сейчас он единственный оставшийся в живых мужчина в семье, остальных нет уже в этом мире. Отец и Георгий покинули этот мир много лет тому назад, Николая со всей семьей расстреляли в Екатеринбурге, в подвале ипатьевского дома. Да и он сам должен был давно умереть или затаиться в затерянном в жарких песках ауле — что одно и то же.

Гримаса судьбы — он не только остался живым, но и правит прежней Россией, пусть пока на одну четверть урезанной от отцовского наследия. И не мертвец, как жив и приехавший сейчас к нему адмирал Колчак — а ведь его полгода тому назад должны были расстрелять красные и сбросить в прорубь на Ангаре.

К добру ли, к худу ли, но история изменилась, и если верить генералу Арчegovу, а не доверять ему Михаил Александрович не имел причин, то к лучшему. Прочь от той кровавой участи, уготовленной ее злейшими врагами, что всегда рядились в дружеские одежды!

— Двадцать миллионов...

Вот уже месяц, как он размышлял над этой чудовищной цифрой и все не мог найти на нее ответа. О той войне рассказывал ему Фомин, но что может знать рядовой командир полка, которых на фронте тысячи. А вот изложенное Арчegovым сразило его наповал.

Михаил Александрович хорошо помнил кошмарный год Великого отступления, страшный 1915-й, навсегда оставшийся в памяти. Россия оказалась не готова к войне, да вообще когда она к ней была бы готова за всю свою многовековую историю?

Промышленность только стала разворачиваться, а потому не хватало всего — винтовок, патронов, пушек и, главное, снарядов. Надеялись на помощь союзников, но те отделялись крохами с барского стола, отправляя ненужный им хлам, вроде винтовок времен Седана.

Германцы же бросили свыше ста дивизий да австрияки еще полсотни — три пятых сил их коалиции. Полгода, с весны по октябрь, многочисленные тяжелые батареи поднимали на воздух русские батальоны и полки, не жалели снарядов, перепахивая оборону. Войска под таким чудовищным напором отходили, но не бежали — не то что армии или корпуса, немцам не удалось окружить даже одной дивизии.

Полгода кошмарной бойни, бесконечного отступления — дух был подорван, но вера осталась. И когда осенью германская кавалерия Гарнье прорвала фронт и пошла на Минск, разрыв смогли ликвидировать, а потом долго отлавливали по лесам отощавших от голода прусских и баварских драгун и улан в остроконечных касках.

Что же произошло?!

За полгода кровавых сражений русские оставили Литву, Лифляндию по Двину, большую часть Белоруссии, Волынь и Галицию. За полгода кровавого отступления, почти не имея патронов и снарядов, вооружая прибывающие на фронт пополнения топорами, с одной винтовкой на троих.

Красная армия, вооруженная до зубов, штыков намного больше, чем в императорских войсках, имея танков и бронемашин, аэропланов в сто раз больше, обильно оснащенная пулеметами, оставила эту самую территорию всего за СЕМЬ дней. Одна НЕДЕЛЯ! Это не укладывалось в мозг и походило на какой-то чудовищный розыгрыш!

Пусть внезапное нападение, пусть оно было. Но ведь пешком или на автомобиле больше полсотни верст в день никак врагу не сделать. Да прикажи всей армии просто окопаться, так через несколько часов неодолимая оборона получится. Рек, речушек, ручьев прорва — деревянные мостки разобрать, каменные взорвать. Окопов по берегу нарыть — лопат в любом крестьянском селении набрать можно. Бронированные машины по башни в земли закопать — это как дот будет.

Михаил Александрович видел, что могут творить на фронте пулеметные «Остины» или пушечные «Гарфорды» — несмотря на то что их было мало до прискорбности, крепости на колесах уверенно сдерживали натиск врага и вселяли дух в уставших русских солдат. А здесь в сотню раз больше боевых бронированных машин — чудовищная цифра в 25 тысяч танков и бронеавтомобилей тоже не укладывалась в мозг. Он в нее никак не мог поверить!

Да просто закопай по башню танк или броневи́к у каждой дороги и проселка, так ни один враг, хоть пешком, хоть на коне, хоть на такой же бронетехнике, да ни в жизнь не прорвется.

Какая, твою мать, неделя?!

Да такую пусть наспех сооруженную оборону месяцами грызть придется, и вся германская артиллерия не поможет...

— Почему же солдаты отказались защищать свое Отечество?! Почему прекратили стойко за него сражаться?!

Только такой ответ смог найти для себя Михаил Александрович, и это еще больше доставило ему мучений. Он видел, как яростно дрались и красные, и белые сейчас. Но почему спустя двадцать лет произошло такое?

Михаил оторвался от мучивших его мыслей и с трудом поднялся с дивана. Адмирала он слишком уважал, чтобы заставить ожидать его. Тем более что не только он один мучился подобными вопросами...

Ни́жнеуди́нск

— Вот, посмотрите, Мария Александровна!

Фомин положил на столик блеснувшие золотом и серебром кресты. «Легенду» для него подобрали серьезную и, главное, относительно правдивую. Теперь предстояло пройти первую проверку под внимательным взором этой молоденькой девчушки, что искренне ему симпатизировала.

Эти два дня поездки Семен Федотович блаженствовал на седьмом небе, окруженный заботой и участием. Ему нравилась Маша, Машенька, как он ее мысленно называл, но старый офицер боялся даже мимолетно ей это показать — слишком велика была разница в возрасте, ненадежно его нынешнее положение без кола и двора, да навечно изуродованная физиономия.

Кра-са-вец, прямо слово, только людей пугать!

Однако говорить все это он девушке не стал, а исподволь стал ей выкладывать свою новую биографию. Задействовав первым делом награды, ибо девчушка пристала как репей, требуя показать ей заслуженные кресты. Ведь не могли обойти наградами боевого капитана, тем более бронечастей.

— Меня в тринадцатом в армию отправили, как раз двадцать два года исполнилось, — уверенно начал Фомин излагать «жизненный путь», причем резко измененный. Тут объяснимо — тело непонятным образом омолодилось, так что полтора десятка лет пришлось скинуть или добавить десяток, если от настоящего возраста в этом времени исходить.

— В артиллерию попал, потом во взвод блиндированных автомобилей. Но это уже в пятнадцатом было. Вот кресты за службу и получил, один раз германцы мой броневи́к подбили.

Маша подержала на ладони два солдатских Георгиевских креста, погладила пальчиком черно-оранжевые ленточки. Награды были подлинные — Фомин их получил из рук генерала Каппеля и адмирала Колчака в *той* жизни, в девятнадцатом году. Потому решил носить — честно заслуженные.

Контрразведчик, разрабатывавший ему новую биографию, был с таким подходом полностью согласен, существовала вероятность наткнуться на офицера-сослуживца, а с нижнего

чина какой спрос, да кто их в то время запоминал. Много было, серых и неприметных тружеников войны, честно воевавших и не сверкавших звездочками на погонах.

— А прапорщиком я в семнадцатом стал, при Сашке Керенском. Ох уж времечко было, армия на глазах разваливалась...

— Мне отец рассказывал, он тогда донской казачьей батареей командовал, — тихо сказала Маша и взяла орден Святого Станислава третьей степени с мечами. — Я как этот крест увидела, так сразу поняла, что вы офицером после февраля стали. Орлы между лучами без корон.

— Отобрала революция, — согласился свежее испеченный капитан. Он чувствовал себя уверенно — ему изменили только отчество и фамилию, а имя оставили прежним. В отместку Арчegovу он взял его настоящую фамилию. И к великому удивлению, такая фамилия оказалась у Маши. Невероятнейшее совпадение!

— А «клюквы» у вас нет?

— Была, на кортике знак с темляком носил, как в бронечастях положено, — развел руками Фомин с нарочитым сожалением. Орден Святой Анны четвертой степени, первая офицерская боевая награда «за храбрость», носилась исключительно на холодном оружии.

— Да где-то задевалась, видно, при взрыве броневана. Хорошо, что сам выжил.

— Я вам «пряжку» сама закажу, их сейчас все офицеры на груди носят и георгиевские, и анненские — шашки же отменили.

— Да я сам хотел заказать, да после выписки закрутился, три дня на сборы дали всего...

— А что ж по ранению отпуск не взяли, Семен Андреевич? Отдохнули бы хорошо, поправились. А так из лазарета и прямо в дорогу.

— У меня выбора не было, Мария Александровна. Бронемоторован я под команду только в октябре смог бы получить, а тут вакансия открылась, командиром танкового отряда в самом Крыму. Подполковник по чину, не майорская должность. Грех отказываться. Да и служить на юге, в благодати, чуть ли не курорт, многие завидовали.

— Назначение хорошее. Рядом с вами будем. Я домой еду, не знаю, что с папой и мамой. Писала им...

— Найдем, Мария Александровна. Мне по приезде две недели дадут на отдых, на завершение лечения еще десять дней добавят. Так что обязательно найдем, помогу вам.

— Этот знак вы за Ледяной поход получили, ленточка георгиевская, не бело-зеленая сибирская. — Девушка сглотнула комок и снова вернулась к прерванному разговору о наградах.

Последний знак Фомину нравился больше всего, и он, в отличие от «Стаса», был честно им заслужен в чине генерала. Массивный серебряный венок из дубовых листьев накрывал наискосок золотой меч — награда была очень похожа на знаменитый добровольческий знак Ледяного похода на Кубань в январе-феврале 1918 года, когда маленький отряд белых повел от Ростова генерал Лавр Георгиевич Корнилов.

— Я весь путь проделал, от Омска до Красноярска и обратно. Тяжелый путь, страшный!

— Ужасный, — тихо промолвила девушка, и, словно ей стало зябко, накрыла ладошками плечи.

— Что с вами, Мария Александровна?! Вам плохо? — вскинулся Фомин с дивана.

— Ничего, Семен Андреевич. Просто вспомнила это... Действительно страшно, какой-то кошмар, что будет терзать меня всю жизнь...

Москва

Вечерний парк таил прохладу — легкий ветерок гулял по запущенным аллеям. Генерал Арчegov молча смолил папиросу, удобно устроившись на крепкой скамье со спинкой —

большевики расстарались, обустроивали территорию Сибирского посольства со всей предупредительностью.

За деревьями можно было разглядеть застывшие человеческие фигурки — охрана бдительно стерегла жизнь высокопоставленных гостей, вынеся урок с кровавого майского утра.

— Я рад вас видеть, генерал, — за спиной раздался знакомый до боли скрипучий голос, которому Арчegov не удивился — давно поджидал.

— Ответно, товарищ Мойзес, — поприветствовал чекиста Константин, но руки не подал, благо они по вечернему времени в перчатках были. — Присаживайтесь, поговорим, былое вспомним.

— Благодарю, ваше высокопревосходительство. — Тот чиниться не стал, уселся почти рядышком, достал портсигар. — С днем рождения вас, Константин Иванович, хотя оно, кхе-кхе, в ином времени осталось.

— Спасибо, Лев Маркович, что помните о такой безделице. У вас очень хорошая память.

— Не жалуясь, работа такая. Помнить все нужно. Так что о былом с вами лучше не говорить, а вот о будущем в самый раз.

— Вижу, зело торопитесь. Или Лев Давыдович из моих намеков иные выводы сделал? Или не так понял?

— Все так, особенно по поводу бессарабского вина. — Мойзес тяжело вздохнул и закурил папиросу. — Неужто все-таки плохо?

— Хуже, чем вы предполагаете, — усмехнулся Арчegov. — Румыны начнут войну через четыре недели, это решение Королевского совета. Им же французские денежки, хм, отрабатывать нужно. Как те транспорты, что прибыли в Констанцу, набитые оружием и снаряжением под завязку. Парижу этого добра не жалко — с той войны все склады забиты.

— А вам не предлагают?

— В руки аж суют, но денежку просят. Румыны — те голодранцы известные, кроме кукурузы, у них ничего нет. Там любовь потому чистая, без займов. А у нас с расчетом хотят, и чтоб мы бесплатно заводы их владельцев на юге у вас силою отобрали и им вернули.

— А вы не хотите?!

— А на хрена нам это, Мойзес?! — генерал заговорил зло. — Денег вбухать массу, восстанавливая, и чужому дяде возвращать?! С Махно, от которого вам житья нет, сражения устраивать прикажете? Благодарю покорно! Одна головная боль — и от них, и от вас, и от повстанцев! Царицынские заводы нас устраивают намного больше, тем паче у нас есть Ростов и Луганск. Так что на этом и будем соблюдать статус кво. Вы согласны?

— Всецело, генерал. Тут наши воззрения сходятся. Но все же — вы можете предпринять меры, чтобы румыны не ударили нам в спину? Это, как вы понимаете, беспокоит нас больше всего. Тем более что наша разведка установила сосредоточение их дивизий на той стороне Днестра.

— У нас с ними нет общей границы, а потому проведем только демонстрацию флотом. Надеюсь, это на них подействует. Готовы передать вам и часть вооружения нашей Кавказской армии, но только взаимнообразно и в самое короткое время.

— На каких условиях?

— Вы передадите нам все японские винтовки, что остались от поставок в годы мировой войны. У вас их тысяч семьдесят, еще столько же осело в Эстонии и Латвии. Патронов у прибалтов кот наплакал, так что обменяют стволы с удовольствием. Поартачатся, конечно, торговаться любят. Но если будет нужно, то разницу мы компенсируем, все упирается только во время.

— А вы всю армию, что на юге, что в Сибири, под единый патрон в 2,56 линии вооружите?

То-то Луганский патронный завод под них полностью переводите. Хм. И что вы можете нам дать в обмен?

— Сто тысяч винтовок и две тысячи пулеметов вас устроят? Это для первого раза — до Нового года. Потом по сусекам поскребем и еще столько же передадим, с юга и севера. В Сибири уже почти ничего не осталось. Это и будет нашей дополнительной гарантией взаимного мира. И с вашей стороны, кстати. Вас такое устроит?

— Вполне, — буркнул в ответ Мойзес и, наморщив лоб, надолго задумался, потирая пальцами виски. Арчegov закурил очередную папиросу и сам нарушил молчание, говоря напористо и зло: — У вас только Тульский оружейный завод еще работает — «максимы», «мосинки», наганы дает. Но в малых количествах. Еще вы с новым Ковровским пулеметным заводом возитесь, на выпуск ружей-пулеметов и автоматов Федорова в следующем году перейти. На японский патрон 6,5 миллиметра. Понимаю ваши затруднения. Ну что ж — мы у вас всю продукцию Коврова покупать станем. Или на обмен все пулеметы нашей армии отдадим. Если нужно, на «хлысты» менять будем — на наганный патрон с зауженным горлышком переделать не трудно. Это будет еще одной гарантией, что мы в горло друг другу не вцепимся.

— Мы с вами обмен устроим, а французы с британцами транспорты с оружием отправят. Что тогда?

— Это легко проконтролировать. Но ради пары паршивых транспортов мы не собираемся начинать войну — намного дешевле заполучить у вас все миром. Но гарантии нужны, как вам, так и нам. Вот с этим нам и надо определиться с господином Троцким.

— Я передам Льву Давыдовичу ваши пожелания, Константин Иванович. И думаю, мы придем к взаимному соглашению...

— Тем более это нужно вам. Красная армия, как я знаю, уже вышла на берега Одера. Впереди Германия и мировая революция... Неплохой куш вы сорвете, Лев Маркович.

— Так и вы внакладе не останетесь. Но у меня есть одна просьба, личная. Вы уж песни свои не пойте больше, Константин Иванович. Нет, я не упрекаю вас в агитации, но в Ярославле нам сегодня пришлось разоружить целый батальон, что чуть мятеж не устроил, как в восемнадцатом году. Вас прямо заслушаться можно, нам бы такую пропаганду, давно бы в Берлине были...

— Или нас в Черное море с Байкалом скинули бы!

Ливадия

— Рад вас видеть, Александр Васильевич, — монарх крепко пожал руку и радушным жестом предложил адмиралу усаживаться в кресле. — Надеюсь, ваше общение с английским адмиралом было плодотворным?

— Более чем, ваше величество. — Колчак выглядел несколько не в себе. — Мне было сделано неофициальное предложение адмиралом де Роббеком от лица Адмиралтейства. И если мы его примем, то нас немедленно посетит с дружественным визитом министр иностранных дел лорд Керзон, что сейчас находится в Константинополе.

— Туманный Альбион жаждет начать войну с красными нашими руками, Александр Васильевич?

— Этого вопроса мы не касались, ваше величество, но, судя по всему, именно он более всего тревожит британцев.

— Называйте меня проще, адмирал, прошу вас. Мы не на приеме. И курите, если пожелаете. — Михаил широким жестом предложил душистые турецкие папиросы, раскрытая коробка которых стояла на столике со всеми другими необходимыми принадлежностями —

трубками, небольшими коробками сортового табака для них, коробкой сигар в оберточных упаковках и прочим курительным удовольствием.

— Благодарствую, Михаил Александрович, но вначале о деле. — Колчак действительно выглядел несколько озадаченным, хотя и пытался это скрыть. — А оно таково. Англия желает компенсировать понесенные нами потери в годы войны, как Великой, так и внутренней, а также передать нашему флоту пропорциональную долю, которую мы бы получили при разделе кайзермарине. Но последнее может быть только после согласования с другими союзниками — корабли ведь давно поделены. И признаюсь честно — предложение насколько щедрое, настолько и настораживающее.

— Вы имеете в виду «бесплатный сыр»?

— Да, ваше величество.

— И в чем суть их предложений?

— Все увиденные с Севера и Черного моря наши суда британцы не смогут вернуть, но ту долю, что пришлась на них, готовы немедленно компенсировать кораблями своего Гранд-Флита.

— Дать нам щедро парочку старых броненосцев и броненосных крейсеров, которым давно пора на слом? Вернуть этим глупым русским втридорога? Ведь так?

— Я тоже так подумал, Михаил Александрович, но они сделали нам крайне серьезное предложение. Британцы готовы немедленно передать от трех до пяти турбинных крейсеров довоенной постройки, причем как типа «Каунти», так и быстроходных скаутов типа «Аретуза». Кроме того, де Роббек предложил чуть ли не подарить броненосец береговой обороны, что строились в войну для Норвегии, зная о наших сложностях с этой страной на островах архипелага Шпицбергена и в морских рыбных угодьях. Как вы знаете, государь, норвежцы не дают вести лов нашим рыбакам, зачастую используя для угроз свои малые броненосцы. Иной раз даже к обстрелу наших траулеров прибегают.

— Знаю, — скрипнул зубами монарх. — Мы ослабели настолько, что теперь всякая чухна диктует нам свои условия. Это нестерпимое положение для нашей державы.

— Я полностью согласен с вами, государь, — горячо произнес Колчак, — нам требуется немедленное усиление флота на Севере. Потому столь важное предложение они сделали.

— Что же еще могут нам предложить здесь и на каких условиях? Я не верю в их благотворительность!

— Пару больших башенных мониторов и несколько малых, с небольшой осадкой, для действий на реках и мелководье. Речные канонерки, турбинные эсминцы, транспортные суда. Обещают вернуть ледоколы и траулеры, увиденные из Архангельска. И главное...

Адмирал сделал продолжительную паузу, потянулся за папиросами, неумело пряча растерянность.

— Нам предложили два линкора типа «Темеррер», на котором де Роббек прибыл сюда из Константинополя. Мы сможем купить их по цене 7–8 миллионов рублей, что втрое меньше затраченного при строительстве. Крейсера по три миллиона золотом, хотя свои обошлись бы нам втрое дороже. Это касается всех других кораблей. Компенсация будет сделана в виде продажи по чрезвычайно льготной цене. Причем доставку в наши порты они берут на себя, так же как и необходимый ремонт. Корабли будут поставлены до конца этого года, уже с сентября.

— Однако... — только и нашелся что сказать Михаил Александрович на столь шокирующее предложение, ввернув любимое словцо своего генерал-адъютанта. — И где же собака зарыта?!

— Содержать огромный Гранд-Флит они просто не могут, даже для богатой британской короны это убыточно. Продажа кораблей, пусть и по такой низкой цене, принесет выгоду, чем

если мы просто пустим их на слом. Тем более...

Адмирал надолго задумался, Михаил Александрович не стал ему мешать, принявшись раскуривать папиросу. Наконец Колчак заговорил глухим голосом:

— Передаваемые нам корабли хоть и относятся к новым типам, но уже порядком устарели. Их «города» имеют только палубную броню, с малым ходом, и значительно уступают крейсерам типа «С» с бронированным бортом по скорости. Линкоры первых серий, двенадцатидюймовые, вооружены хуже, чем наш «адмирал» или «севастополи», что остались на Балтике. И намного слабее их же британских «орионов» с орудиями в тринадцать с половиной дюймов.

— И угрозы для английского флота, оказавшись под Андреевским флагом, они представлять не будут. Это вырванная страница прошлой войны, адмирал. Но их покупка и содержание обойдется нам в большую копеечку. — Михаил Александрович нахмурился, постучал пальцами по столу. И, потеряв широкий, с залысинами, лоб платком, глухо продолжил: — Знаете, я сейчас вспомнил одну мысль генерала Арчегова. Который однажды сказал мне, что если хочешь разорить маленькую страну, то стоит подарить ей крейсер. Мы намного больше, а потому британцы пожелали одарить нас сразу парочкой своих линкоров. Благодарю покорно, но кушать такой «сыр» и тем паче принимать такой «данайский дар» я не желаю категорически. Чужого покупать не нужно, свое бы вернуть. Достаточно «Муравьева-Амурского» и трех наших эсминцев германской постройки. На Севере они будут в самый раз, — Михаил Александрович зло улыбнулся. — По сути, нам английские корабли здесь не нужны, на свои экипажей не хватает. Но с паршивой собаки хоть шерсти клок. Покупать линкоры и крейсера не станем, с остальными решать только вам, адмирал, вы намного более компетентны в деле. Вам и карты в руки...

ГЛАВА ПЯТАЯ

От судьбы приняв такой удел...

(29–30 августа 1920 года)

Горки

— Владимир Ильич вас давно ждет, Лев Давыдович, вы сейчас для него единственная отрада!

Полная женщина с крестьянским лицом и седоватыми волосами приветливо встретила Троцкого. Тот ответил Крупской не менее любезной улыбкой, подумав, что жена Ленина очень сильно постарела за это время, полностью потеряв остатки былой привлекательности.

— Я рад, Надежда Константиновна, — Председатель РВС победно задрал бородку и прыгающим шагом зашел в кабинет. Льву Давыдовичу хватило одного взгляда, чтобы с ходу оценить обстановку: болезнь в очередной раз скрутила «Старика» приступом — он сидел в кресле с накинутым на колени пледом. И это пусть в августе, но погода стоит еще теплая.

— Чем обрадуете, Лев Давыдович?

Тихий голос вождя сразу вернул Троцкого в деловое русло, заставив оторваться от ласкающего душу зрелища. Еще бы — сейчас он ощущал себя преемником великого дела пролетарской революции, ибо никто из членов Политбюро не имел в партии такого веса, как он — создатель непобедимой Рабоче-крестьянской Красной армии.

— Командзап Тухачевский докладывает, что панская Польша полностью разгромлена. Наши части выходят к Одеру...

— Так это просто замечательно, батенька. Теперь на очереди Германия, нужно всемерно раздувать пожар мировой революции!

Ленин оживился, отбросил лежащие на коленях бумаги, которые просматривал, и даже не поправил сползший с них плед. На бледных щеках проступили пятнышки румянца.

— У нас нет резервов, Владимир Ильич. Не хватает патронов и снарядов, мало пулеметов...

— Все это ерунда, Лев Давыдович! Пустые отговорки, батенька! Да-да, полная архичепуха! Германия очень сильна промышленностью, немецкий пролетариат пополнит нашу Красную армию, а также вооружит ее! Вот что архиважно!

— Но время, время, Владимир Ильич! На это нужно время! Германия разоружилась по условиям Версальского мира, уничтожила или передала Антанте все свои запасы. Нам придется вооружать германский пролетариат первое время, пока их заводы не заработают на мировую революцию.

— Наступать, только наступать, батенька! Один хороший натиск сломит озверелое сопротивление буржуазии! Нужно поставить всех под ружье, еще раз мобилизовать пролетариев и партийцев! Бросить на запад резервы! Собрать, где только возможно!

— Да нет их у нас, Владимир Ильич, — раздраженно бросил Троцкий, не поддавшись горячечным словам вождя. Но разве докажешь, что иной раз важнее не политические заклинания, а десяток свежих дивизий. — Окончились резервы, все брошено в бой. Наоборот, на юг нужно войска перебрасывать, и срочно, без промедления.

— Белые недобитки зашевелились?! — моментально ощерился вождь мировой революции. — Не думаю, что они сейчас...

— Если бы! — в сердцах бросил Троцкий. — Румыны свои дивизии к Днестру стягивают,

транспорты с оружием один за другим из Франции идут! Нападение через три-четыре недели произойдет, как раз когда Юго-Западный фронт чешскую оборону в Карпатах прорывать будет. И тогда произойдет катастрофа, Владимир Ильич. А я не знаю, как ее предотвратить!

— Империалисты поняли, что обречены, вот и стараются втянуть против нас в войну кого только можно!

Ленина буквально затрясло от дикого бешенства. Троцкий его хорошо понимал — сам два дня тому назад пережил подобный шок. Ему казалось, и сейчас он испытывал ту же надежду, что победа рядом, Германия и Венгрия близки, один рывок — и победа!

А тут такой коварный удар по несбывшимся надеждам...

— Нужно что-то делать, Лев Давыдович! — Ленин, позабыв про болезнь, вскочил с кресла и подбежал к председателю РВС, крепко схватив его за локоть — тот незаметно поморщился от неприятного ощущения.

— Сколько у нас дивизий на юге?! Перебрось их все на румынских бояр! Белые вряд ли будут воевать с нами, им сейчас мир намного важнее, брюхо свое набить!

— В Полевом штабе уже рассматривали все возможности. У нас в Одессе одна дивизия, другая в Тирасполе. Можем перебросить из Киева и Николаева еще две дивизии, но они нужны до крайности — в Херсонщине рыскают недобитые банды «григорьевцев». На Екатеринославщине выступил Махно, борьбой с ним заняты две стрелковые и кавалерийская дивизии. Еще три дивизии и бригады ВОХР заняты на Тамбовщине — «антоновщина» там набирает силу, Владимир Ильич. Если мы отведем оттуда части, то весь юг полыхнет кулацкими мятежами.

Троцкий знал, что говорил — почти весь юг, бывшая Новороссия, пылал в жарком огне многочисленных крестьянских восстаний. В прошлом году изменивший атаман Григорьев сорвал наступление на помощь советской Венгрии. А сейчас там десятки «Григорьевых», самый опасный из которых Нестор Махно, что в прошлом году своими подлыми действиями позволил белым прорваться к Харькову. Правда, этот анархист уже осенью ударил в спину Деникина, чем косвенно повлиял на победу над ним, хотя тот уже дошел до Тулы. И тут же откатился обратно...

— У нас нет на юге войск, Владимир Ильич. Нужно снять с венгерского и германского направлений не менее десяти дивизий и перебросить их на Днестр. Это единственный выход...

— Нет!!! Это предательство мировой революции!!!

Отчаянный, дикий визг Ильича оглушил и ошарашил Троцкого, и он отшатнулся. А вождь подбежал к нему с горящими глазами и скрюченными пальцами крепко ухватился за френч, с недюжинной силой встряхнув председателя РВС и наркома по военным делам.

— Я тебе не позволю погубить мировую революцию, иудушка! Выход есть, есть!

Москва

На душе Константина Ивановича царило паскудство, как никогда еще не было. Сплошное амбре стояло, если быть честным перед самим собой. И ничто не помогало, хотя сегодня он отстоял заутреню и сходил на исповедь.

Батюшка в посольской церкви служил тот же — а потому о грехах, связанных с делами государственными, и речи быть не могло. Зато семейные давили душу пудовым камнем. С приездом тещи налаженная жизнь пошла кувырком.

Константина так и подмывало достать плетень и отходить «маменьку» по филейным частям, ибо она за эти два месяца, фигурально выражаясь, выела ему всю печенку. Нет, свет-теща блюла определенную дистанцию, все же молодой зять был военным министром и генерал-адъютантом,

а это и грело бабью гордыню. Но определяющим для себя значением здесь женщина считала «молодого», потому действовала исподволь через беременную жену, считая, что любящий ее Арчевов отказать никак не сможет.

Не знала она его — еще как смог, да поговорил резко, указывая «маман» ее место. С того дня и полетело все кувырком — жена дулась, теща скользила по дому бесплотным духом, стараясь не попадаться ему на глаза, а он сутками пропадал на службе. Иной раз приходила в голову мысль устроить теще какую-нибудь автокатастрофу — то был плод бессильной злости и безнадёжного отчаяния.

Одни хлопоты начались — кое-как заставил дуру передать буквально все содержимое дарованных чекистами вагонов, включая любимые фикусы, в сиропитательный дом, а оружие и все немалые ценности, «подарок» от любезных «товарищей», в государственную казну.

Вологодский сие дело сразу одобрил, но публиковать в печати о таком щедром даре запретил, заметив, что лучше подождать порочащих слухов. Как в воду глядел старик — шепотки уже в июле пошли, слишком многие депортированные видели злополучные вагоны и пресмыкательство чекистов, которое окончательно выбило из «любимой» тещи остатки здравого смысла. Хоть волком вой!

А эта торжественная встреча, что устроили ему большевики?! Литавры и речи, что были произнесены на перроне, с восхвалением до небес успехов молодой «сибирской демократии» и лично его как военного министра. Он прекрасно понимал подоплеку и нарочитое радушие московских хозяев — стравить белых между собой, вызвать ненависть «южан» к запродавшимся сибирякам, «самостийность» супротив «единой и неделимой». Тем паче сибирское золото связало первым руки, и теперь они лишены возможности продолжить безнадёжное дело гражданской войны.

— Я этого добился, — прошептал военный министр и прижался спиной к дубовой спинке скамьи. Константин Иванович действительно был доволен — новой вспышки войны между белыми и красными можно было теперь не опасаться.

Вся разрушающая энергия последних направлена на запад. Конечно, если экспорт революции не удастся, то предстоит новая схватка, к которой белые, получив желанную передышку, смогут лучше подготовиться. Но по-человечески было обидно, когда самым ласкательным словом в устах оппонентов для него было «красная подстилка».

Но что жалиться?!

Сам выбрал этот путь, никто не толкал. И в жертву будет принесено не только имя, сама его жизнь. Такого поворота событий Антанта ему никогда не простит и будет всеми силами стараться «убрать». Как и Вологодского, Пепеляева и других, что отказались принимать навязываемые им правила политической игры. Пристрелят — и точка, просто и надёжно!

Хотя, опять же, большевики правы, говоря об межимпериалистических противоречиях. Британцам идея независимой Сибири просто греет сердце, не даром они такие предупредительные. В Сити быстро сообразили, что выбить царские долги из сибиряков — занятие муторное и бесперспективное, потому занять определенное положение в столь богатом регионе — дело очень нужное, особенно если заполучить прибыльные концессии, как в начале века на Витимских золотых приисках.

Именно хищническая политика англичан, совладельцев данных мест золотодобычи, и привела к известному Ленскому расстрелу. Но теперь номер не проходил — Сибирское правительство Вологодского, давая привилегии североамериканцам и японцам, увязывало их предоставление британцам в «общем пакете» со всеми старыми, данными еще при царе Николае, обязательствами. Джентльмены выводы сделали быстро и охотно пошли на соглашение, вот только упертость Франции служила здесь преградой.

Французы, вставшие перед малоприятной перспективой лишиться не только процентов по царским займам, но и всех обязательств по этим долгам, пришли в ярость, ибо нет ничего страшнее для капиталистов, чем удар по их карманам. Вот только возможности у них резко ограничились — «бояр-рюсс» перестали таскаться в Париж на отдых, прежних властителей, великих князей и прочую сволочь новая Россия, что красная, что белая, сама безжалостно вышвырнула на свалку истории. А последняя свой иск еще галлам вчинила, да существенный, намного перекрывающий пресловутые царские займы.

Подсчитали все — и награбленное интервентами, и кровь, пролитую за спасение Франции, предательство союзниками России в страшном 1915 году. Тут имелась и русская доля в дележе кайзеровского флота и германских контрибуциях, и многое, многое другое, включая более трехсот миллионов золотых рублей, что были отданы большевиками кайзеру по Брестскому миру и, в свою очередь, отобранные французами у немцев.

Именно данное золото вызвало рождение стойкой взаимной ненависти — французы считали его законным трофеем, а русские официально называли их очень нехорошим словом, которое относится к владельцам краденого. Потому, получив категорический отказ признать усилия страны и пролитую ею кровь, все три русских правительства две недели тому назад объявили, что раз союзники купно не выполняют своих перед ней обязательств, то и Россия автоматически освобождает себя от их выполнения!

А дальнейшие соглашения будут вестись только на двусторонней основе со всеми заинтересованными государствами. Именно это решение Вологодский и он выбивали все время от Михаила Александровича, так же как и декларацию о принципах будущего устройства освобожденных от большевиков территорий. Уломали все-таки, и монарх под таким давлением был вынужден подписать и обнародовать эти решения!

Бомба взорвалась, и ее последствия оказались чудовищной силы, судя по той лавине зашифрованных телеграмм, что Арчegov ежечасно получал из белых анклавов и восторженной московской прессы. Большевики не скупилась на похвалу, потому и устроили столь торжественную встречу. Хотя тут сыграли свою роль и другие соображения...

Франция и Бельгия, основные заимодавцы царской России, встретили эту новость бешеным завыванием всех без исключения газет. К этому хору присоединилась и Италия, которая предпочла забыть свое спасение русскими в мае 1916 года. Итальянцы вообще оказались редкостными сволочами — хуже них к русским последние годы никто не относился, даже побежденная и униженная Германия.

В Англии возмущались, но как-то вяловато. Кое-где, даже в солидных изданиях, вообще проскальзывала мысль, что цель достигнута, русский монстр развалился на несколько кусков, а раз так, то стоит отказаться от долгов и попытаться выторговать новые прибыли.

Весьма разумная, циничная и расчетливая позиция! Ибо первый, кто договориться сможет, снимет сливки, остальным же останутся обглоданные кости. В САСШ, сказочно обогатившихся за годы войны, в том числе на русских заказах, щедро и заранее оплаченных (выполненных наполовину — но уплаченное авансом золото, понятное дело, возвращать назад никто не собирался), не возмущались (с чего бы?), а откровенно злорадствовали над европейскими союзниками.

Программа президента Вильсона по отношению к России выполнена, народы получили самоопределение, а снимать барыши от взаимовыгодных дел с той же Сибирью не мешали, за исключением узкоглазых островитян. Американцы сразу заняли нейтральную, почти благожелательную позицию к русскому заявлению. Да еще обида их грызла — прожженные европейские политики в Версале обвели вокруг пальца наивного Вильсона, оставив грубоватых янки с носом — те искренне посчитали, что раз они платят, то должны заказывать

музыку. Как бы не так!

Еще в марте Константин разговаривал с Вологодским касательно отказа от уплаты царских долгов. Ситуация была безвыходной. Платить было нечем, вся страна полностью разорена затяжной шестилетней войной. Затянуть пояса?!

И получить всеобщее обнищание с восстаниями!

На сотню лет страна превращалась в колонию Запада, опутанная по рукам и ногам долгами. Хуже, чем при Ельцине, намного, стократно хуже! Даже «банановой республикой» не назовешь!

Причем по своим данным обязательствам союзники категорически отказывались уплачивать, представляя это одним лишь русским. Двойные стандарты во всей красе — как тут не понять большевиков в *той* истории, что категорически отказались от навязываемой кабалы!

— Обязательства были взаимными, и отказ от их выполнения одной стороной освобождает и другую страну, — пробормотал Арчegov строки из декларации и усмехнулся.

В помощи Франции сейчас не было никакой надобности, тем более что имелась масса других вариантов и наклеывались новые — британцы не зря в последние дни проявляли удивительную даже для себя настойчивость и благожелательность. Действительно, у Англии нет вечных друзей, врагов и союзников, а есть вечные интересы!

Сейчас сложилась неповторимая ситуация — гражданской войны нет, мир с большевиками будет длиться еще полгода, если не больше. И главное — Москва начала мировую революцию, первой на этом пути оказалась панская Польша, уже списанная со счетов и выброшенная большевиками на свалку.

Следующий на очереди Берлин, после которого борзота заклятых друзей по «сердечному согласию» сменится животной паникой и нарастающим ужасом. У галлов богатое воображение, гильотину они хорошо помнят, так что во всей красе представят черный зев расстрельных подвалов ЧК. Вот тогда станут намного сговорчивей и уступчивей!

Лишь бы натиск большевиков продолжался! Любой ценой!

Разговор с Мойзесом был ни о чем, так, прощупывали. Но возможность румынской агрессии серьезно беспокоила коммунистов. Как остановить обнаглевших мамалыжников?

Вот в чем для них главный вопрос, и для красных, и для белых! Демонстрация флотом бесполезна — ведь могут влезть англичане, а бодаться с ними невозможно. Помочь военной силой красным? Так нет ее, этой силы, вся в Закавказье ушла, турок за пределы империи вышибать.

Вот он, извечный русский вопрос!

— Что делать? — пробормотал Арчegov и встал со скамейки. Нужно было идти в посольство, разбирать бумажный завал — и думать...

Краков

— Пся крев!

«Начальник» Польского государства Юзеф Пилсудский передернул затвор винтовки, досылая патрон. Страх перед смертью он не испытывал совершенно, ощущая только бурлящую внутри ненависть и отчаяние. Причем первое относилось не к маячившим на отдалении красным всадникам, что преследовали отряд от самого города, а к панам из сейма, большинство которых, громкими речами побуждая других к защите родины, сами трусливо и позорно бежали из Польши.

— Крысы! — сквозь зубы выплюнул свое презрение Пилсудский, поднял винтовку и прижал приклад к плечу. Совместил целик с мушкой на еле видимую в предрассветном

мерцании расплывчатую конную фигурку и плавно потянул на спуск. Винтовка рывкнула, приклад толкнул в плечо.

— Матка Бозка! Вы попали!

Молоденький гимназист восторженно посмотрел на Пилсудского, чуть не визжа от восторга. Тот сам в удивлении похлопал веками — всадника снесло с седла, а его конь, смешно взбрыкивая, унесся вскачь.

— Вот так надо...

«Начальник государства» не договорил вслух свою мысль, но бывшие рядом с ним офицеры прекрасно поняли своего главнокомандующего. Действительно, сеймскую сволочь, позабывшую о долге перед родиной, нужно было перестрелять, как шелудивых и трусливых собак. Вот только поздно сообразили избавиться от этих мерзавцев и предателей — почти вся Польша захлестнута идущей с востока красной лавиной.

Ситуация сейчас сложилась намного хуже, чем при поражении Костюшко в 1793 году, отчаянней, чем во вдребезги проигранной войне 1831 года, намного безнадежней, чем для повстанцев славного и трагического 1863 года. Если называть вещи своими именами — такой катастрофы Польша не знала даже в самые черные страницы своей истории.

И при том, что полгода назад имелось все — чуть ли не полумиллионная армия, хорошо обученная и вооруженная, техническая помощь союзников. Французские генералы и офицеры, победители ненавистных тевтонов, самоотверженно учили поляков воевать, американские летчики победно сражались в небе.

Почему же так случилось?!

Пилсудский давал отчет о сделанных им как главнокомандующим ошибках. Простые жолнежи и панове-офицеры давно сделали однозначный для себя вывод — Польшу предали!

А как иначе — солдаты размышляли просто. Вместо того чтобы помочь совместно сокрушить большевиков, русские белые, наоборот, заключили с последними перемирие. И хуже того, стали из-под полы вооружать Красную армию и отправили в нее своих добровольцев и аэропланы с летчиками. И как такое назвать прикажете?!

Пшекленты москали сговорились и решили погубить обретшую независимость Польшу, которая только старалась вернуть границы полуторавековой давности. Ибо поляки есть самый культурный народ на востоке, защищающий Европу от дикой и варварской Московии, которая постоянно пыталась захватить исконные польские земли, от Смоленска до Киева.

Соседи оказались мерзавцами и пакостниками! Поганые псы, курва маць, тоже алчно жаждали оторвать свои куски от несчастной Польши. Эти недоноски, недославяне, онемеченные чехи и словаки, хищным зверем накинулись на южное подбрюшье, оторвав Тешинскую Силезию. Да, чехов там намного больше, но это тоже исконные польские земли!

Про немцев поляки выражались еще более непримиримо. Ибо Познань и Поморье всегда оставались ляшскими землями, несмотря на полтора века оккупации их западным соседом. А раз так, то подлые тевтоны должны убратся оттуда — и за два года независимости поляки приложили к этому делу немало усилий. Только германцы имели совершенно противоположное мнение и для защиты организовали «черный рейхсвер». Но сила-то солому завсегда ломит! До недавнего времени...

— Пся крев!

Пилсудский снова выругался. Три недели назад поляки оставили Варшаву, а сейчас и вторую, первую и древнюю столицу Польши. И с запада в Силезию вторглись немецкие батальоны, что тайком, в обход условий Версальского мира, там сосредоточились.

Именно туда и направлялся сейчас маленький отряд, что остался под командованием Пилсудского от всей польской армии, прикрывая отход многих тысяч беженцев. Ведь лучше

попасть под защиту кинжальных германских штыков, чем унижаться перед наглыми чешскими легионерами или сгинуть в красной неволе...

Горки

— Противоречия между империалистами, Лев Давыдович, вам не фунт изюма! Их надо использовать!

— Но, Владимир Ильич...

— Не спорьте со мною, батенька. Мы с вами коммунисты, потому должны владеть диалектикой. А если большевик не может стать на карачки и есть дерьмо, когда этого требуют интересы революции, то он не большевик, а прихвостень, и его нужно гнать в шею из партии! Иной мерзавец потому-то и ценен, что он мерзавец!

Ленин пробежался по кабинету, уже полностью забыв про болезненное состояние. Троцкий, до сих пор потрясенный гневной вспышкой вождя, не мог прийти в себя, но видел, что «Старик» уже нашел какой-то выход из положения, раз так радостно забегал, потирая руки. Характерная примета того, что Ильич задумал какую-то гадость.

— Мы уже сравнили Антанту с белыми, которые заключили с нами похабный мир. Да-да, похабный для них! Ибо мы получили возможность делать мировую революцию. И ее нужно совершить, иначе мы не выстоим в империалистическом окружении! Сравнить, обязательно сравнить белых с румынами — вот залог нашей победы в Германии!

— Но у них нет общей границы, Владимир Ильич. Как же мы их сможем сравнить? Это невозможно, — кое-как проблеял Троцкий, но был остановлен уничижающим смехом вождя.

— Нет? Так будет! Мы же с вами, батенька, настоящие большевики! Без поддержки мирового пролетариата, без его всеобщего восстания мы не сможем уничтожить старый мир! У пролетариев нет отечества, им нечего терять, кроме собственных цепей. А любое крестьянство мелкобуржуазно по своей гнилой стихии. Коровенка и клочок земли всегда потянет его в это болото! Потому оно контрреволюционно, отвечает на наши меры бешеным сопротивлением, срывая подразверстку и поднимая восстания! Посмотрите, что творится на юге — Махно, Антонов, Григорьев и целый сонм всякой прочей сволочи бьют нас в спину, Вандею устроили! Но мы им покажем!

«Совсем спятил наш „Старик“! Пора его списывать со счетов. Опять на заклинания перешел, ничего дельного предложить не может. Из ума выживает», — Троцкий, натянув на лицо улыбку, смотрел на беснующегося вождя.

— А потому мы должны избавиться от таких попутчиков, отдав их Деникину! Пусть они между собой воюют. Тогда не у нас, а у белых своя Вандея начнется! Вот так-то! Все им отдать — Одессу, Николаев, Херсон, Екатеринослав, даже Харьков отдать! А наши освободившиеся дивизии на помощь германскому пролетариату двинуть!

— Владимир Ильич! — Троцкий дернул себя за бородку — он сообразил, куда вождь клонит. Но опасения остались, и серьезные. И он попробовал их разрешить с ходу: — А не откроем ли мы дорогу белым на Киев и Москву? Как в прошлом году?!

— Умейте мыслить диалектически, батенька! — Издевательский смех вождя не оскорбил, а обрадовал Льва Давыдовича. — У них просто не будет лишних дивизий для наступления! Им нужна Бессарабия, так пусть ее и получают. Надо сделать так, чтобы они вцепились в глотку румынам, тогда нашим врагам станет не до нас! Как вам такая диалектика?! И это с крестьянскими мятежами в тылу! Вы думаете, что они утихомирят Махно?! Ха-ха!

«Гениально! „Старик“ показал себя во всей красе! Ох и рано его списывать со счетов, ох рано! Он гений, тут нет сомнений». — Председатель РВС едва сдерживал мелкую

волнительную дрожь, теперь Лев Давыдович знал, как выполнить этот план.

— Владимир Ильич, у меня нет слов. Это же...

— Я вам не зря, батенька, говорил про межимпериалистические противоречия! Наши враги — интриганы порядочные, но они не умеют мыслить диалектически. В этом их ахиллесова пята! Да, мы потеряем юг России, но так ли нам нужна сейчас тамошняя контрреволюция?! Заводы и шахты? Чепуха! Они давно стоят в разрухе, и потребуется масса сил и средств, чтобы вдохнуть в них жизнь. Так пусть этим делом белые занимаются, а мы...

— А мы подождем, пока Германия станет советской, а потом все заберем обратно и скинем бежавших в Черное море! Утопим их там, как паршивых котят! — Троцкий не смог сдержать ликования. — Это же... Как там — на тебе, боже, что нам не гоже!

— Вот-вот, Лев Давыдович, вы тоже начинаете мыслить диалектически! А то забегали тут — все пропало, революция гибнет, — Ленин сыпал едкими словами, насмехаясь, но Троцкий не обижался — радость переполняла его. — Было хуже, но мы всегда выбирались из трудных положений!

— Владимир Ильич! Вы настоящий вождь мировой революции!

— Россия — крестьянская страна, а революция у нас пролетарская! Без всеобщего восстания трудящихся в Европе нам никак не обойтись, а потому мы должны уметь уступать в непринципиальных вопросах. И сглаживать, обязательно сглаживать наших врагов!

— Я все понял, Владимир Ильич!

— Я надеюсь на вас, Лев Давыдович! Смело снимайте дивизии и бросайте на запад, в Германию. И телеграфируйте Егорову — пусть усилит натиск на чехов, за Карпатами нас ждут венгерские товарищи, а угли их погашенной революции еще можно раздуть в сокрушающее пламя! Нельзя терять времени, оно архиважно! За три месяца мы сокрушили панскую Польшу, за шесть сломили сопротивление германской буржуазии! А впереди Франция, где нас давно ждут пролетарии!

— Я все сделаю, Владимир Ильич!

— Так идите, батенька. Мне работать надо над «очередными задачами мировой революции». Провести конгресс Коминтерна не менее важная задача, чем сокрушить очередное уродливое дитя Версальского мира!

Катовице

— Их с полтысячи, товарищ Рокоссовский! — Командир второго эскадрона Михаил Говоров сверкнул блестящими от возбуждения глазами. — Половина — гимназисты, два десятка улан, остальные опытные вояки...

— Пулеметы есть? Сколько? — Этот вопрос интересовал комполка больше всего — нарваться конной лавой на длинную очередь он не хотел.

— Парочка станковых на повозках. — Говоров ухмыльнулся. — Там беженцев до черта сзади идет, сразу в ход «максимы» не пустят. С рожицы зайти нужно, тогда во фланг ляхов ударим.

Рокоссовский задумался — ситуация для атаки сложилась великолепная. Отходящие от Кракова поляки дали кругалю, пытаясь уйти от конноармейцев, что рассыпались веером полков и эскадронов. Вот только далеко не ушли — верхом, хоть и на порядком заморенных конях, идти намного быстрее, чем шагом под дождем.

Вырубили всех подчистую. Пленных и беженцев сгоняли в гурты, как баранов, — и куда только панская гордость подевалась, хвостами овечьими дрожали. Остался только этот отряд, самый сильный, видно, генерал какой-то управляет. Почти до новой границы с Германией

дошли, вот только вряд ли дальше пройдут.

И нашли их при помощи тех же немцев, что в полной мере испытали на себе и польское высокомерие, и беспримерную алчность с жестокостью. Местное население ляхи силою принуждали бросать дома и имущество и бежать за Одер...

— Будем атаковать, — тряхнул гривой спутавшихся грязных волос Рокоссовский. — Обходи своим эскадронам рощу, поставь тачанки. Как только их отсечешь огнем, мы пройдем ложиной, а там полк разверну в лаву и наяду на хвост. Уйти им некуда — вырубим к ляшской их матери!

— Есть, товарищ комполка! Ни пуха ни пера!

— К черту! — привычно отозвался Рокоссовский и, придерживая шашку левой рукою, быстрым шагом отправился к Контре, что в нетерпении уже бил копытом, сдерживаемый за поводья ординарцем.

Мало осталось шашек в полку, всего по полсотни в каждом из четырех эскадронов, более чем уполовинились они в этом безудержном наступлении от далекой Вислы до близкого уже Одера...

— Даешь!

— Ура!

— Руби их в песи!

Лава неслась, оцетинившись пиками и сверкая шашками. До поляков, что суетились возле повозок, осталась едва сотня метров — атака с тыла застала их врасплох.

— У-й!

— Вперед!

Со стороны повозок пульсировал огонек, но тут же погас — у «шоша» магазин короткий, это тебе не лента «максима».

Жолнежи стреляли вразнобой из винтовок, но остановить лаву такая хаотичная стрельба не могла. Константин пригнулся к гриве, держа клинок на вытянутой вперед руке. Глаза уже выбрали цель — высокий поляк в расшитой золотыми галунами конфедератке, явно из высокого начальства, стоял как влитой, растопылив ноги, но уверенно целясь в него из винтовки.

И выстрелил, подпустив в упор — что-то прошлось по волосам, будто ладонью быстро провели. Контра обрушился на офицера, тот отскочил, но Константин, проносясь мимо, рубанул взад, дернув клинком, — этому хитрому удару его научил старый унтер, ахтырский гусар.

И не посмотрел вслед, почувствовав, что удар достиг цели. Да и не до того было — сразу трое ляхов бесстрашно кинулись на всадника, ощерившись острыми иглами штыков.

Константин вертелся в седле, как уж под вилами, нанося удары шашкой, желая в душе только одного — уберечь злобного, верного Контру. Кое-как отбил, зарубив двоих и стоптав конем третьего. Огляделся и облегченно вздохнул — бой закончился, началась потеха. С повозок летели пух и перья, истерично визжали паненки. Хлопнул револьверный выстрел, затем другой — кто-то из ляхов сводил счеты с жизнью.

— Товарищ командир! — Лицо Говорова сияло, как начищенный солдатский котелок. — Три сотни панычей положили, сотня грабки подняла, остальные разбежались. Лихо!

— Повезло, — устало отозвался Рокоссовский. — Они нас просто с передка не ждали, вот и попались...

— Как кур в ощи, — засмеялся Говоров и добавил уже серьезным тоном: — Пленные гутарят, что отряд сам Пилсудский вел. Может, брехня?

— Не похоже. — Константин вспомнил первого ляха. — Я его вроде по спине обратным ударом рассек.

— Не может быть!

Рокоссовский ничего не ответил, а пошел по траве, на которой вповалку лежали изрубленные жолнежи в шинелях и безусые парнишки в студенческих тужурках. «Последние защитники старого мира», — пронеслась мысль и исчезла. Врагов никогда не стоит жалеть.

И, чеканя шаг, он подошел к одиноко лежащему в стороне телу, в руках которого намертво застыла винтовка с примкнутым штыком. Поляк лежал на груди, шинель на спине располосована ударом, шея раскрыта шашкой — кровь уже запеклась.

Рокоссовский поддел плечо носком сапога и с усилием перевернул труп на спину. Застывший смертным хрипом искривленный рот, в остекленевших глазах отражалось синее небо. И усы, целые усища, направленные в сторону, — он их часто видел на трофейных польских плакатах.

— Напрасно вы, пан Пилсудский, — пробормотал краском и тихо добавил: — Но уважаю, смерть солдата приняли.

Рокоссовский подумал, что теперь третий орден Красного Знамени или Почетное революционное оружие ему обеспечено, надо только в дивизию немедленно сообщить. Эта мысль тотчас пропала, на смену ей пришла другая. Он вспомнил слова приказа и тихо их повторил:

— Через труп панской Польши, вперед, к пожару мировой революции! Даешь Берлин!

Иман

— Ваше превосходительство, вы посмотрите только, кого станичники изловили!

За спиной раздался возбужденный голос молодого офицера, и генерал Семенов, хотевший было поморщиться, стремительно обернулся. Вот уже две недели, как бывший властелин Забайкалья пребывал в самом дурном настроении.

И было от чего горевать!

Назначение на должность командующего Восточным отрядом, сформированным в Хабаровске против амурских партизан, прошло мимо носа — приказ в последние часы был изменен, и во главе поставлен генерал-майор Врангель, прибывший из Крыма. Барон воевал в свое время с японцами, а в гражданскую командовал целой армией, взявшей Царицын, — это и предопределило назначение в его пользу.

Обидно до слез! Такой случай был отличиться, а тут «пронесли» в который раз!

Сам Григорий Михайлович получил приказ взять под охрану границу по реке и самый трудный, северный участок Уссурийской железной дороги, от Имана до Хабаровска. Причем из его бригады выдернули улан, оставив только полк приморских драгун. Однако ему передали в подчинение два батальона государственной стражи, что охраняли железнодорожные станции, мосты и сооружения, да льготных уссурийских казаков, наблюдающих над границей.

Вроде повышение, и войск сейчас больше под командованием, но это только на первый взгляд. Семенов отлично понимал, что штабные генералы его хорошо «задвинули», и теперь предстоит долгая и нудная военная служба в самых захолустных гарнизонах. И в который раз Григорий Михайлович пожалел, что не пошел с дивизией Унгерна в Монголию — вот там бы он чувствовал себя на воле, хоть и под жутким взглядом вечно угрюмого и трезвого барона.

— Кого там еще поймали? — недовольно буркнул Семенов и спросил: — Куда идти-то?

— К депо, ваше превосходительство. Вон паровоз дымит, туда и идти, — молодой хорунжий махнул рукою в ту сторону, и атаман, прищулив глаза, разглядел в сумерках толпящихся казаков. И пошел к ним решительным шагом, придерживая шашку рукою.

— Вот, ваше превосходительство, — к нему подскочил пожилой урядник с пегой бороденкой и злыми красными глазами. — Самого главного упыря поймали. На границу

подался, к китаезам бежать собрался, а мы его словили!

У паровозного тендера лежал связанный за локти молодой мужичонка в потрепанной китайской куртке, которую в этих краях носил каждый третий, если не считать второго.

— И кто это? — поинтересовался атаман.

— Сам Лазо, главный ихний, — пожилой машинист сделал шаг вперед, раздвинув казаков. — Попросил он меня увести. Знаю я его, вот и позвал казаков. Сволота красная!

— Он брата моего в заливе Святой Ольги умучил, — урядник сверкнул злыми глазами и замахнулся — казаки не дали нанести удар, перехватили руку. Тот запричитал, зло выплевывая слова:

— Лампасы на теле резали, погоны гвоздями к плечам прибили... И сожгли с другими в зимовье старом... Живьем в огонь бросили...

Урядник глухо зарыдал, проглатывая слезы. Казаки глухо заворчали, а Семенов наклонился над схваченным большевиком.

— Так вот ты какой, Лазо... — с удивлением в голосе протянул атаман, склоняясь над лютым врагом. В груди закипала ненависть, бурля и клопоча. — А ведь я не забыл, как ты моих казачат два года назад в мае порешил! В пласты нарубили их, по приказу твоему!

— Будто ты наших пряниками кормил?! — огрызнулся Лазо, смотря с вызовом. Страх на лице не было, одна ненависть.

— Так не первым я начал, — с нехорошей улыбкой отозвался атаман. — Когда станцию Маньчжурию взял, я всех ваших отпустил, пусть и в запломбированном вагоне, одного Аргуса расстрелял. А ты со своими антихристами, кои анархисты, живым ни одного казака не брали, всех в Даурии истребляли, и беспомощных, и раненых. По твоему приказу, сволочь!

— Сам ты тварь! Тьфу!

Лазо извернулся и плюнул, попав слюною прямо на китель. Казаки всколыхнулись, протянув руки, но Семенов хоть с трудом, но их остановил, не дал разорвать большевика в клочья. Взял тряпку, что подал ему машинист, старательно вытер плевков. Приказал:

— Забейте ему в глотку, чтоб не орал!

Казаки навалились, запихав кляп, и с яростным нетерпением посмотрели на генерала, ожидая, какое тот примет решение. Семенов недолго помолчал и заговорил глухо, но твердым голосом, вынося свой жестокий приговор, каких он вынес немало за безумные годы гражданской войны:

— Если отправим эту тварь в Хабаровск, то нас наградят, станичники. А его отправят за Урал. Отъестся там, отогреется и обратно вернется, с нас кровя пущать. Любо вам такое?

— Не любо! — дружно заворчали бородатые и степенные казаки, зло выдыхая воздух.

— А потому, — атаман повернулся к щуплому уряднику, — бери эту сволочь, и раз он наших в огне жег, то в топке паровозной его и спали. Как чурку. По вору и мука. Огня хватает?

Вопрос был задан машинисту, и тот утвердительно качнул головой. В глазах не было жалости, одна голимая злоба. И атаман глухо заговорил снова, внушительно цедя слова:

— Не поймали мы никакого Лазо! Не споймали, и точка! Не было его здесь! И не трепитесь. А то все под трибунал за эту сволочь пойдём. И не стойте столбами, тащите его в топку!

Кова

— Кажись, настигли, вашбродь. — Голос старика дрожал от радости. — Как раз на «Чертовом кладбище» и настигли. Тимоха Волоков их сюда привел, как и удумал, стервец.

— А чего утром-то двинулись? В тумане?

— Так не видно его. А при свете ни один человек в здравом уме не пойдет, жуткое оно. Видишь, даже гнуса здесь почти нет...

Впереди грохнул выстрел, раздались отчаянные крики, приглушенные туманом. Коршунов сделал знак рукою, и вперед осторожно пошли местные мужики с винтовками, бесшумно и плавно ступая.

Настоящие таежники!

Впрочем, и егеря с «хлыстами» пошли вперед не хуже, если не лучше, с отточенной кошачьей грацией, со скупыми жестами отборных воинов, прошедших десятки кровопролитных боев и схваток. Такие же таежные жители, староверы.

Мучительно тянулось время, туман потихоньку расползлся, прячась в расщелинах. Светало.

— Вашбродь, — из-за кустов неожиданно вынырнул егерь, в лице ни кровинки. — Там такое...

— Пошли, — решительно шагнул вперед Коршунов, бесцельное стояние на месте его утомило, в груди росло раздражение, смывая страх перед неизвестной опасностью.

Две сотни шагов по «стежке» он прошел на одном дыхании — на этой тропе действительно не росли деревья, что его удивляло. Недаром старик говорил, что такая «удобная» дорога скот приманивала к проклятому месту, ведь известно, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Так и тут, только по земле...

— Твою мать!

— Спаси и сохрани!

— Бог ты мой!

— Иптыть твою налево!

Потрясение было слишком велико, и есаул едва смог выругаться, кое-как протолкнув хульные слова в глотке. Стоящие рядом с ним казаки то экспрессивно выражались, то крестились, а вот староверы-егеря молились, поминая иной раз нечистого.

Тайга раздвинулась, открыв огромную поляну, не менее ста шагов в поперечнике. От нее шел еле видимый глазу пар, и покрыта она была то ли ржавчиной, то ли рыжим каменным мхом. И все — ни травинки, ни кустика, только везде набросаны костяки животных разных, да прямо посерединке вытянулась от края до края зловещая цепочка из человеческих тел и павших лошадей. Никто из заведенных на «Чертово кладбище» не шевелился, все лежали неподвижно, убитые незнамо чем.

— Спаси и сохрани, Господи, — тихо прошептал есаул, непроизвольно шагнул назад, подальше от опасности, и медленно оглянулся.

Стоящие кругом лиственницы были мертвы — ни хвоинки, черные, кора отвалилась целыми пластами. А вот отойди десяток шагов, и высились вполне нормальные деревья, будто и не было рядом этого бледно-кровавого марева.

— Смотрите, вашбродь, — старик показал на лежащие у края поляны трупы. — Трое сообразили, что не туда зашли, или криков испугались, вот назад и побежали. Только зря это — кто хоть на пару шагов на «Чертово кладбище» зашел, все — не жилец! Вона вышли и разом попадали, а внутри мясо все запеклось. Все внутренности...

Коршунов поймал взглядом очумелые глаза стоящих рядом казаков и сделал характерный жест приказному. Тот опомнился разом, потряс головой и, наклонившись, подобрал толстую сухостоину. Подошел к мертвым телам, лежащим на самой кромке, и потащил одного из них подальше от опасной «ржавой» черты.

Ему помогли еще двое станичников, так что тело вскоре лежало на зеленом мху. Казак вытащил из ножен бебут, засунул клинок под одежду и полоснул, разрезая ткань и обнажая

тело. Все столпились рядом, с напряжением глядя за острой сталью, что впиалась в белое тело.

— Твою мать!

— Заживо сварились!

К великому удивлению Коршунова, крови почти не было. Так, чуть-чуть, будто не до конца курицу зажарили на сковородке. Мясо было розовым, словно сваренным в крепком бульоне или тушенным с морковью.

— Живые есть? — только и сказал есаул, отойдя от трупа.

— Никак нет, вашбродь. Все туда шагнули, людишки и лошадки. Почти сто душ разом...

— Пошли отсюда! Мы свое дело сделали!

Офицер решительно повернулся, а правая рука сама перекрестилась. А еще он подумал о нечеловеческой ненависти проводника — это ж какую надо на врага иметь злобу, чтобы вот так спокойно его на смертный путь затянуть, да так, чтобы он ничего и не понял.

И рука разом потянулась сотворить крестное знамение, а губы зашептали молитву, поминая погибшего и оставшегося навечно лежать там, на самом проклятом месте, какое только можно представить воспаленным воображением...

Москва

Константин Иванович еле сдержался, чтобы не потрясти головою, не в силах поверить услышанному. Да и как принять то, чему разум противился — Троцкий не мог предложить такое, если раньше он яростно торговался чуть ли не за каждый паровоз.

Это невозможно! Бородатый Мефистофель, «демон революции», просто издевается над ним!

— Совет народных комиссаров считает, что нужно прекратить с вами гражданскую войну и убрать все те препятствия, что могут послужить причиной конфликта между двумя Российскими государствами в будущем. А потому следует вернуться к тому положению, что существовало год назад, до отдачи генералом Деникиным «Московской директивы». Ну и с учетом интересов РСФСР на юго-востоке, а ваших на севере.

«Это какой-то безумный сон! Надо ущипнуть себя и проснуться. Этот козлобородый вздумал играть со мною?!» Мысли проносились галопом, но какая-то часть разума прямо-таки вопила, что услышанное не шутка или утонченное издевательство, а самая доподлинная реальность.

— Создание на всей территории Новороссии нового буферного образования, пусть и находящегося под вашим управлением и контролем, но с учетом наших интересов, послужит данному делу, как и появление «розового буфера» на Урале в июне этого года и независимых казачьих войск. Не имея общей границы между РСФСР и вами, возможность разрастания конфликтов в будущем полностью исключена. Не этот ли шаг, принятый СНК и СТО советской республики, является самым весомым доказательством наших искренних и абсолютно мирных намерений, ваше высокопревосходительство?

— Ага, — только и сказал Арчegov и в полной растерянности достал из кармана портсигар, хотя по протоколу это был жуткий моветон. Но Троцкий снисходительной улыбкой разрешил ему закурить папиросу. Будто он сейчас добился невероятного триумфа, а не отдал только что четыре южных губернии заклятому врагу.

Табак вывел мозги из состояния полного смятения, и мысль лихорадочно заработала. Отдать территорию от Тамбова, через Харьков и Екатеринослав до Одессы, пусть и с отступлениями в ту или иную сторону, — такое не укладывалось в голову.

«Где собака зарыта? Это же троянский конище невероятных размеров и весь из золота —

Одиссей бы плакал горячими слезами от зависти!» — Арчegov глубоко затянулся, затягивая паузу.

То, что на отдаваемых красными территориях пылали крестьянские мятежи, он хорошо знал — сами белые тайком прикладывали к этому руки, передавая через третьих лиц, в основном контролируемых эсеровскими организациями, винтовки и патроны.

Хотя роли такие поставки не играли — местное крестьянство за эти годы, когда фронты перекачивались, вооружилось до зубов. Оттого и введенная большевиками весной продразверстка в конце концов вызвала всеобщие кровавые мятежи.

— Этот вопрос еще потребует долгого решения, — сделал легкое прощупывание Арчegov, словно иголкой уколов собеседника этим вопросом. Троцкий усмехнулся и ответил так, будто окованной дубинкой, с немалой силой и сноровкой, нанесли сильнейший удар прямо по незащитному, не прикрытому каской, темечку:

— Все необходимые директивы уже подготовлены. В течение сентября из данных губерний будут полностью выведены части Красной армии и органы Советской власти. Останутся только наблюдатели, как договаривались раньше, смотрящие за выполнением всех условий соглашения. Первыми будут очищены за две недели правобережные территории, затем Северная Таврия и Донец, последней Тамбовщина. Мы ожидаем, что и вы примете ускоренные меры по закреплению освобождаемой нами территории, дабы не возникло там непредвиденных случайностей.

«Он гений! Рисковый, но гений, тут нет сомнения. Как же они додумались до такого варианта? Неужто Ленин сообразил? Похоже, явно не сам Троцкий, я с ним достаточно беседовал. Оклемался, значит, наш „вечно живой“, в себя пришел и думать начал. А то он мне прошлый раз показался совсем плохим. Загибается потихоньку от сифилиса, как говорят?! Туда ему и дорога!»

Генерал с улыбкой посмотрел на председателя РВС и внезапно понял, что тот сам еле сдерживает возбуждение. И решил подыграть. Хотя уже понял, какие последствия вызовут принятые советским правительством решения. Не тише, чем опубликованные декларации по царским долгам и союзническим обязательствам.

— Я рад, что теперь полностью предотвращена малейшая возможность раздувания внутреннего российского конфликта. Мы уже перешли к мирной жизни, а потому ваши директивы как нельзя лучше отвечают заветным чаяниям всех слоев населения, независимо от того, каких взглядов на будущее нашей с вами страны они придерживаются.

Арчegov без устали замолол языком, словно на первичном партсобрании в самое застойное время, отделиваясь общими фразами и славословиями в адрес Совета народных комиссаров. А сам лихорадочно размышлял над ситуацией, что стремительно поменялась за этот час, словно картинка в калейдоскопе.

— Мы надеемся, что и вы остановите свои военные приготовления против советской Туркестанской республики, — вкрадчиво произнес Троцкий, но с таким выраженным подтекстом, что Арчegov пожал плечами, как бы заранее соглашаясь. И подкрепил это словами:

— Мы просто желаем освободить земли семиреченского казачества, занятые ташкентскими войсками...

— Указание совнаркому Туркестана уже дано, так что можете обойтись без военных приготовлений, ваше высокопревосходительство. Особенно в Закаспийской области, которая находится от Семиречья в совсем другой стороне. Ведь так?

— Указание будет передано незамедлительно. Но Бухарский эмират находится под нашим покровительством...

— Советская власть на него абсолютно, подчеркиваю это, не претендует, мы ведем

политику благожелательного нейтралитета и не делаем различий между персидским шахом, или бухарским эмиром, или афганскими ханами! — Троцкий довольно резко, что никак не сочеталось с его прежними заявлениями, оборвал Арчегова.

— Я здесь, — генерал выделил слово, — полностью разделяю политику Советского правительства и приветствую ее. Ваши интересы в Туркестане будут полностью соблюдены без ущерба для них.

Генерал скосил глаза в сторону — Пепеляев, в первый раз попавший на столь высокие переговоры, сидел оглушенный щедрыми большевистскими предложениями и за малым чуть не глотал ртом воздух, как рыба. Инструкции и личные наблюдения Вологодского сослужили министру внутренних дел очень плохую службу, и он, «нанеся удар», неожиданно «провалился» от ошеломляющей уступки председателя РВС и до сих пор не мог прийти в себя.

Нарком по иностранным делам РСФСР Глеб Чичерин светился от удовольствия, хитро прищутив глаза, словно татарский баскак при осмотре русской рабыни. Большевики явно согласовали свои роли и от всей души «отлупили» сибиряков, не ожидавших от них столь щедрого «подарка».

«Вот теперь мы лаптем щи похлебаем. До отрыжки нахлебаемся, до блевоты». — Генерал прищурил глаза, понимая, что его сейчас начнут трясти как грушу. И что худо, так то, что придется выполнять эти то ли просьбы, то ли требования. И решил, пока не поздно, проверить Троцкого, насколько далеко тот может пойти в уступках.

— Но, прошу меня извинить, вы, Лев Давыдович, совсем не затронули проблему Архангельска. А ведь мы уступили его в прошлом году лишь под вашим давлением...

— Я просто запамятовал, — Троцкий расплылся в самой любезной улыбке. — В силу международного положения мы не можем пользоваться этим портом, потому передадим его вам, при соблюдении наших интересов. Вплоть до Холмогор, а возможно, и дальше по Двине к устью. Надеюсь, вас полностью устроит это решение по созданию «северного буфера».

— Вполне, — осторожно отозвался Арчегов, с тревогой ожидая очередной «уступки». «Покладистость» большевиков его не просто пугала, она ужасала, и генерал уже не ждал ничего хорошего от продолжения переговоров.

Ведь не может же быть сыр во много раз больше мышеловки!

— Вот и чудненько. С вами приятно вести дело, — Троцкий расплылся в самой обольстительной улыбке. Арчегов внутренне ощерился, ожидая очередной плюхи, и она тут же последовала.

— Сегодня вечером, как мне стало известно, — громким голосом произнес нарком по военным делам, — прибывает министр иностранных дел Южно-Российского правительства господин Милюков.

— Да, ваше высокопревосходительство, — наклонил голову Арчегов. Глава кадетской партии был самым «левым» политиком, если можно так сказать, в правительстве Кривошеина.

Закаленный в политических баталиях Милюков был оптимальной фигурой для ведения переговоров с Троцким. Но наркомвоенмор опередил его приезд, предложив сибирякам намного больше, прямо неимоверно, чем от него ожидали. Так что переговоры уже были не нужны, осталась только возможность поторговаться насчет платы. И Троцкий тут же взял «быка за рога»:

— Советская Россия отчаянно нуждается в поставках хлеба и других видах продовольствия. А также нефти и угля. Надеюсь, что вы с пониманием отнесетесь к нашему положению и, в свою очередь, примете должные меры, способствующие установлению между нами прочных мирных и взаимовыгодных отношений!

Иркутск

Не думал не гадал Джон Смит, что надолго осядет в Сибири. Уже в злосчастном январе, когда начался вывод его 27-го полка из кругобайкальских теснин, он рассчитывал оказаться дома уже в марте или в апреле в крайнем случае. Подальше от этого кровавого безумия, в которое с головою окунулись эти сумасшедшие русские.

Не удалось, и теперь он еще не скоро увидит родимый штат. И все потому, что в декабре он познакомился на станции со сложнопроизносимым названием Слюдянка с русским ротмистром Арчegovым, что спустя несколько недель оказался на посту военного министра правительства новообразованной и независимой Сибири.

И хотя обстоятельства знакомства нельзя было назвать благожелательными, но в Госдепе почему-то решили, что именно Джон Смит наиболее подходит для исправления обязанностей помощника военного атташе, коим стал командир полка подполковник Морроу, тут же повышенный в чине. Да и ему самому сменили два серебряных прямоугольника капитана на золотистый листочек майорской эмблемы, дабы уменьшить огорчение от затянувшегося пребывания в этой заснеженной стране.

Сейчас майор Смит стоял на перроне перед красивым зданием вокзала, щедро покрашенным зеленой и желтой краской, с блестящими, чисто вымытыми стеклами. Ему приказали встретить инспектора из Пентагона, полковника Уильяма Донована, известного в узких кругах специально созданной разведывательной службы, к которой сейчас имел определенное отношение и сам Смит, под кличкой «Бешеный бык».

Высокопоставленный приезжий значился главным специалистом по Сибири, в которой он побывал в прошлом году, наводя контакты с окружением Верховного правителя России адмирала Колчака. И вот теперь новая поездка, на этот раз в свежееиспеченное Сибирское государство, по своим размерам превосходящее любое на планете, включая и Северо-Американские Соединенные Штаты.

Таковы уж размеры бывшей Российской империи, что даже ее осколки впечатляют. Ведь и уцелевшая от красных Южная Россия с Кавказом намного больше любой европейской державы, такой, как Франция или Италия, вместе взятые. Если, конечно, не брать в расчет их колониальные владения.

Смит вышел на платформу и затесался среди небольшой группы встречающих, практически неотличимый от них. За эти полгода он только несколько раз надевал военную форму, которая требовалась при официальных мероприятиях. Сейчас же на нем ладно сидел легкий летний костюм со шляпой и, в нарушение этикета, тряпочные теннисные туфли.

Транссибирский экспресс «Владивосток-Курган» прибыл точно по расписанию, выпуская из трубы клубы дыма. Длинная вереница бело-зеленых, под цвет государственного флага, вагонов вытянулась вдоль перрона. Двери тут же открылись, и степенные кондукторы и проводники в черных мундирах тут же сошли на платформу, предупредительно помогая спускающимся вслед за ними пассажирам, что стремились размять ноги во время короткой, всего с четверть часа, остановки.

Смит пробежал глазами по вагонам, отличие между которыми заключалось в узких синих или желтых вертикальных полосках, свидетельствовавших о классности. Он угадал точно — четвертый вагон с синей полосой остановился почти рядом с ним. Взгляд вырвал почтенного джентльмена, дорогой костюм которого не мог скрыть развернутых плеч кадрового офицера.

Такую горделивую осанку намертво вбивали всем «птенцам Вест-Пойнта», в том числе и ему. А потому он поспешил навстречу, приветственно приподняв шляпу левой рукою над головой:

— Рад вас видеть, сэр! Позвольте спросить, по-доброму ли вы сюда доехали, сэр?

— Здравствуйте, Смит!

Рукопожатие было таким, что майор с трудом скрыл болезненную гримасу — здоровяк полковник обладал неимоверной силою и, что хуже всего, заметил, как поморщился встречающий его офицер, и расплылся в улыбке, демонстрируя великолепные зубы:

— Всю дорогу я смотрел в окно, Смит. И знаете, что вам скажу, — я не узнавал России!

— Это уже Сибирь, сэр! И признаться честно, я ее тоже перестал узнавать, хотя все происходит перед моими глазами.

— Это как собственные дети, которых долго не видел, — гулко засмеялся Донован. — Приедешь и не можешь узнать, настолько они выросли из своих коротких штанишек.

Однако Смит уловил острый взгляд, что полковник бросил по сторонам, и непроизвольно напрягся. Он не опасался русских, но остерегался узкоглазых союзников, что везде имели свою агентуру и наверняка вели его под наблюдением. Ведь приезд такой серьезной фигуры, как Донован, не мог не вызвать их крайнего интереса.

— Оставьте, Смит, расслабьтесь, — полковник усмехнулся, моментально поняв причину неожиданного беспокойства. — Сейчас я не маскируюсь, а оттого не намерен скрывать цели своей миссии. Сейчас мы с этими макаками заинтересованы в одном...

— ...?

— Не удивляйтесь, Смит. Зачастую просто невозможно предугадать, когда диаметрально противоположные интересы сходятся. Но еще труднее найти взаимную выгоду при этом. Да-да, Смит. И этим делом вам тоже предстоит заниматься. А пока везите меня в гостиницу, надеюсь, там есть горячая вода. А то в прошлый приезд я мылся в лохани, как добрая техасская свинья. Только пузыри не пускал!

— Вам сняли комнаты в «Гранд-Отеле», сэр. Там живут все дипломаты. Это лучшая гостиница столицы. Там есть все, включая турецкую баню. И отличная кухня!

— Турецкая баня? Какая дикость! Достаточно одной ванной комнаты! А кухня? — Донован громко засмеялся. — О, я запомнил русскую кухню, она тяжеловата, но напоминает нашу. А я, признаться, за эти девять дней дороги в вагонной камерке изрядно соскучился по хорошей еде. Так что едем, Смит, не будем терять времени. Нам много предстоит сделать...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Перекресток семи дорог...

(31 августа 1920 года)

Шилка

— Ближе, пусть ближе подойдут, — прошептал капитан-лейтенант Тирбах прямо в ухо пулеметчика, надавив молодому ефрейтору на плечо. Тот не отвечал, да и ни к чему это было. И так красные партизаны были перед ним как на ладони, заняв удобные позиции у подножия «лысой» сопки. Вот только у любой палки завсегда два конца бывают...

«А ведь они купились на наши пароходы и совсем не ведают про бронекатера!» Офицер мстительно сжал крепкие зубы, продолжая тихо дышать через раз. Петр Игнатьевич просто боялся ненароком спугнуть удачу, что первый раз щедро улыбнулась во все свои белоснежные зубы.

Пять дней десантники его сводного батальона мучились в тайге, ведомые опытными проводниками. Шли в глубокий обход партизанских позиций на Шилке, что плотно закрывали белой флотилии из Сретенска дорогу на Амур. Да оно и понятно — прорыв кораблей к Благовещенску мог обернуться для красных катастрофой — забайкальские партизаны рассекались этим ударом на две группировки.

Южная, более многочисленная, уже отжималась наступающими бригадами к Аргуни и в скором времени могла быть выдвлена в Китай. Северная попадала между молотом (белой флотилией с десантом) и наковальней, роль которой играли бронепоезда с егерями, шедшие прорывом по железнодорожной магистрали на Амур.

Война вступала в решительную фазу, счет шел на считанные недели. Все прекрасно понимали, что если не удастся до первого снега раздавить или хотя бы раздробить обе крупные партизанские группировки, то от головной боли, которую доставляли повстанцы, на будущий год вряд ли можно будет избавиться. А это несло с собой и большие расходы, и напрасные потери, которые тягостны и абсолютно не нужны.

Потому в уездный город Сретенск, от которого река Шилка могла именоваться судоходной, была срочно доставлена по железной дороге добрая дюжина бронекатеров, в том числе вооруженных горными пушками, а также собраны несколько самоходных понтонов и барж.

В самом городке спешно отобилизовали три ветхих парохода, помнивших чуть ли не первую навигацию на Амуре. Раньше эти лоханки практически не использовали для боевых действий — партизаны бы их утопили на бурной и норовистой Шилке в два счета — одной полной очередью «максима».

Однако вчера одним пароходом белые все-таки пожертвовали. Тирбах в бинокль хорошо видел его полузатопленный корпус у противоположного берега, разрушенный попаданиями снарядов, выпущенных партизанами с убойной дистанции.

Зато командующий флотилией капитан-лейтенант Миллер на этом примере убедился, что красные партизаны не только крепко держат умело выбранные позиции, но и уходить с них не собираются. Даже установили пару пушек, трофеи прошлого года, взятые у потерпевшей поражение и бежавшей казачьей бригады.

Добрую половину красных повстанцев составляли именно казаки малоземельных отделов, попавшие под влияние большевистской пропаганды, да крестьяне с каторжниками, а последним

сам черт был не брат. Правда, за лето ряды партизан уменьшились более чем вдвое — царская амнистия свою роль сыграла. Но зато сейчас остались партизанить самые стойкие, отпетые головушки, которым терять было нечего.

Батальон Тирбаха, пусть из двух полных рот, был заблаговременно высажен на порядочном отдалении и смог пройти в глубокий обход. Сейчас три с половиной сотни опытных и хорошо обученных морских пехотинцев и егерей отсекали красным пути отступления и терпеливо ждали атаку катеров флотилии, чтобы отвлекшиеся на нее партизаны не сообразили защитить себя от внезапного удара в спину...

С реки глухо бухнул выстрел — опытным слухом Тирбах опознал «горняшку». Затем часто замолотили автоматические мелкокалиберные пушки в полтора дюйма, громко захлопали установленные на бронированных понтонах минометы.

Но вот сами корабли пока на середину реки не высовывались, в атаку идти не торопились. Маневрируя на приличном отдалении или стоя на якоре, они предпочитали основательно измочалить укрепленные позиции. Снарядов, патронов и мин белые, в отличие от партизан, не жалели, отчего последним стало совсем худо.

Тирбах хорошо видел в бинокль, как на передовых позициях суетливо заматались повстанцы, там сплошным частоколом взлетали взрывы фугасов. И не выдержали некоторые одиночки, посчитали, что своя рубашка ближе к телу, и начали стремительный отход от береговых позиций, вскоре превратившийся в паническое бегство.

Словно прочувствовав момент, флотилия ринулась вниз по реке — кораблей было много, шли один за другим в кильватер, нескончаемой колонной, непрерывно стреляя из пушек и пулеметов.

— Пора!

Офицер сжал плечо пулеметчика, и тот выпустил длинную, с половину ленты, очередь. «Нагайка» затряслась, заходила на легком станке, трудолюбиво заплесал крохотный огонек на дульном пламегасителе. Рядом зашлись смертоносным лаем два других станковых пулемета, на отдалении негромко стучали короткими очередями новехонькие «плети».

— Так их, так!

Офицер кричал, теперь сдерживать голос не было нужды. Захлопали навинченные на стволы винтовок мортирки — вниз полетели десятки гранат. И если есть при жизни ад, то сейчас он был здесь, на левом берегу Шилки, протянувшись на добрую версту. Шел уже не бой, а избиение, вскоре перешедшее в кровавую бойню.

— Теперь вам конец настал, твари!

И не могло быть иначе, слишком подавляющим стал огонь белых, что на каждый винтовочный выстрел красных отвечали длинными очередями автоматов и пулеметов, а с реки безостановочно, в предельном темпе, били пушки и минометы. Свинцовый шквал полностью накрыл партизанские позиции, превратив их в смертельно опасную ловушку...

Москва

— Три монархии полностью обессилили друг друга, разом покончили самоубийством, — Арчegov отпил горячий кофе из фарфоровой чашечки, любезно предоставленной чекистами из кремлевского дворца, и криво улыбнулся, едко закончив свой короткий монолог: — К великому торжеству западных стран, наших так называемых «союзников», веками добивавшихся такого нужного для себя результата. В конце концов золотой телец сделал свое черное дело!

— Вы имеете в виду предоставленные нам Францией займы?

— Не только это, да и не сколько. Не меньшую роль сыграли великие князья, титулованная

сволочь и толстосумы, что без Парижа не мыслили своего приятного времяпровождения. Тут все взаимосвязано. В том числе и безответственная и недалёковидная деятельность российской либеральной оппозиции, приложившей немало усилий к созданию... Вернее, как показал семнадцатый год, что-либо созидать она неспособна по определению, а может только разрушать. Да и в тонких слабых ручонках, не привыкших к труду, власть не удержишь. А языком болтать... Ну, это мы умеем! Тут нас учить совсем не надо, сами кого угодно поучим! Но как можно отринуть государственные принципы?! Увы, космополитизм и патриотизм взаимно исключают друг друга. Тут нужно выбирать что-то одно. К сожалению, наша интеллигенция исповедовала второе, оттого и властвуют сейчас большевики.

От слов генерала лицо Милюкова пошло пятнами — каждое слово тут пришлось не в бровь, а в глаз, ибо Павел Николаевич сам приложил немало усилий к расшатыванию прежних государственных устоев и, находясь в составе Временного правительства, напрямую подвел страну к катастрофе. Теперь его политическая карьера снова совершила крутой поворот, вынеся наверх в условиях возрождаемой монархии. Если перефразировать известное высказывание, то получится крайне забавно — против чего боролись, на то и напоролись!

— Простите, Константин Иванович, но мне кажется, что вы торопитесь слишком утрировать...

— Ах, Павел Николаевич, я человек военный, служивый, отнюдь не опытный политик или дипломат, а потому говорю грубо. Намного моложе вас, оттого рублю сплеча, как привык, не выбирая выражений.

Арчegov старательно изображал из себя нарочито прямолинейного собеседника, ибо говорить на равных с искушенными политическими играми деятелями, такими, как его собеседник или наркомвоенмор Троцкий, он не мог. Единственным выходом из такой ситуации было стремление заставить собеседника говорить только в таком ключе, выбить из-под него привычную почву формальной логики, круто замешенной на софистике или демагогии и приправленной, как он неоднократно убеждался, интеллигентской болтовней.

— К тому же мы, коих в ваших кругах «солдафонами» или «сапогами» именуют, на самом деле люди весьма осторожные, оттого намертво устава или приказов держимся. Слишком велика цена наших ошибок, ибо кровь и жизнь человеческие дорого стоят. Вы это сами знаете. А политики, наоборот, не дают себе отчета, куда их деятельность привести может! Извините меня, но многие из них с собственными тараканами в голове бороться не могут, что семнадцатый год хорошо показал!

Милюков вздрогнул — завуалированный намек на гибель собственного сына в 1915 году на фронте достиг своей цели. Арчegov сознательно его не щадил — он целиком разделял точку зрения многих русских офицеров, что либеральная оппозиция, жадно рвавшаяся к власти, виновата в раздувании революционного пожара и гражданской войны так же, как и большевики. Если не больше их...

А что Милюков являлся кадетом, ничуть не меняло такого отношения. С эсерами типа Керенского данная партия ведь рука об руку вместе работала над разрушением империи. Да и болтали не меньше, призывая к «войне до победного конца» и при том сознательно разваливая собственную армию. И в процессе этом в первые месяцы играл первую скрипку на какой-нибудь отпетый социалист или большевик, их тогда у государственного кормила и рядом не стояло, а самый махровый октябрист Гучков, представитель крупного капитала, князь Львов, выразитель интересов помещичьих кругов. Вот они и порулили, от души, до тошноты!

— Какая война, Павел Николаевич?! Мы сейчас с красными не способны рати устраивать. Народ впервые миром задышал, хлеб стал сеять — заикнись мы о будущей войне, враз все потеряем, что с таким трудом сохранили и с невероятными тратами и муками заново

возрождаем. Вы же знаете, какие предложения нам большевики вчера сделали? Вот от них и плясать должны, а не от того, нравятся ли нам кремлевские «товарищи» или нет. Учтите — они выражают интересы большей части народа, а потому имеют силу, с которой мы вынуждены считаться!

— Аморальность в политике...

— Очнитесь, Павел Николаевич!

Арчegov сознательно подводил разговор к взрыву, чтобы расставить все точки над «і». То, что министр иностранных дел не отвечал ситуации, а являлся чисто политической фигурой, типа бывшего главы МВД Сибири Яковлева, служащего как для умиротворения «демократической оппозиции», так и «союзников», для него стало ясным — генерал уже два часа язык ломал в бесплодной беседе.

— Ульянов-Ленин жестко сказал, что для большевиков нравственно все, что служит победе революции, как в России, так и во всем мире. А потому возникает вопрос — применима ли нынешняя мораль к такому абсолютно беспринципному режиму?! Далее это касается так называемых «союзников», за добрые отношения с которыми вы так ратуете. Я вам задам только пару вопросов. Можем ли мы назвать их политику по отношению к России, в войну с германцами, предельно эгоистичной, ставящей свои собственные интересы выше союзнических?! И еще — как оценивать их деятельность за прошедшие два года? Они нам помогали или нагнали свои собственные ручонки на нашей междоусобице?

— Позвольте, Константин Иванович...

— Секундочку, Павел Николаевич!

Лицо Арчегова покрылось багровыми пятнами гнева.

— У меня еще несколько вопросов. Вы думаете, что наша уступчивость перед ними заставит их соблюдать заключенные в войну соглашения? О тех же Босфоре и Дарданеллах для примера! Или они оценят нашу пролитую кровь и скостят царские долги? И уже дали нам законную долю репараций с Германии? Или гарантируют границы «единой и неделимой», отказавшись от поддержки ими же вновь образованных здесь государств — Прибалтики там, Финляндии и прочих там грузин. Вы так считаете?!

— Нет, господин генерал, так не считаю. Англия и Франция достаточно показали за два прошедших года свою истинную позицию по отношению к нашей стране...

— Тогда почему мы воду в ступе напрасно толчем, Павел Николаевич? Зачем эти разговоры, если нужно быстро и конкретно определить свою позицию по отношению к большевикам?! Причем не в моральном аспекте, с этим все ясно — для меня они так же омерзительны, как и для вас! А чисто прагматически — как воспользоваться их предложениями, чтобы принести России максимальную выгоду сейчас и неплохие перспективы на будущее? Вот над чем мы должны с вами работать, и быстро.

Арчegov встал с мягкого кресла и, обогнув стол, вплотную подошел к Милюкову, внимательно глядя тому в глаза:

— Простите меня за горячность, я вам в сыновья по возрасту подхожу. Но я страдаю не меньше вас за наше Отечество. Вы должны понять, что ноша, которая неожиданно свалилась мне на плечи, как и вам, чудовищна, она неподъемна. И мы не должны допустить каких-либо ошибок. Ибо плата за них будет одна — кровь! А мне ее хватит, и так по самую макушку залит и купаться в ней не намерен!

Генерал быстро пошел обратно и взял со стола портсигар. Пальцы его дрожали, Милюков это ясно видел — лишь сломав третью спичку, Арчegov закурил, жадно глотая дым.

И это сломало ледок предубеждения: молодой генерал напомнил ему своей горячностью погибшего сына. От тягостного воспоминания запершило в горле. Но Милюков сознательно

молчал, только хмурил брови да тер пальцем переносицу — он прекрасно понимал, что вскоре генерал заговорит с ним начистоту.

И добился своего — мучительная пауза становилась невыносимой, и военный министр первым нарушил ее, задавив дымящийся окуроч в пепельнице решительным движением. Затем снова уселся в кресле, положив руки на стол.

— Позвольте, Павел Николаевич, говорить с вами предельно честно и откровенно. Без малейшей утайки, как на духу!

— Я только буду рад этому, Константин Иванович.

— Видите ли, этой зимой «белое движение» было практически разгромлено и агонизировало. Победить большевиков в чисто военном аспекте мы не могли, да и не может решаться мечом гражданская война. Это, на мой взгляд, столкновение двух идеологий, в котором большевики до последнего времени уверенно нас переигрывали...

— Тут можно полностью согласиться с вами. Только с уточнением, которое касается «последнего времени». Я не уверен в том, что мы до сего дня создали достаточно эффективный пропагандистский аппарат. В отличие от нашего противника!

— Вы правы, вот только я не имел в виду «белую» идеологию в чистом виде. В той же Сибири у нас довольно эффективная агитация, но построенная на идее полностью независимого государства, вплоть до воссоздания единой России. Кстати, практически эта самая концепция господствует во всех казачьих «буферных» образованиях. Не измененная ими с восемнадцатого года. Один Юго-Восточный Союз и идея «Кзакии» чего стоят. И с такой точкой зрения нужно считаться, хотим мы этого или нет. Сибирь — это золото, казаки — хлеб, но главное — это три четверти нашей вооруженной силы, которая сейчас категорически не желает продолжения войны с красными, — Арчегон слегка хлопнул крепкой ладонью по широкому столу. И с нарастающим возбуждением продолжил: — Это не идея «единой и неделимой», но она оказалась намного более жизненной и понятной для населения. Пусть не всей России, об этом не может быть и речи, но в этих регионах мы полностью закрепились. И как только появится более-менее определенная идеология, охотно разделяемая большинством населения страны, вот тогда мы и победим большевиков.

— И когда же она соизволит появиться?! Это процесс долгих лет, а отнюдь не месяцев, господин генерал, к чему многие политики стремятся, — с нескрываеомой иронией спросил Милюков и поразился открытой улыбке генерала. И уверенному взгляду. И был ошеломлен победным смешком.

— Это от большевиков сейчас зависит, но, думаю, в течение года. Как и возможность победы над ними. Вот об этом я и хочу поговорить с вами сейчас, дабы совместно выработать общую позицию по данному вопросу Сибирского и Южно-Российского правительств!

Тешин

— Я их боюсь, Иржи! Они не оставили нас в покое, настигли и здесь. Большевики не успокоятся, пока на весь мир не положат свою кровавую лапищу! Это хуже «испанки», что косила всех без разбора прошлый год. Намного хуже чумы!

От тоскливого, чуть подвывающего шепота Настены Колеру стало не по себе — ледяные мурашки пробежали по коже. Бывший капрал чешских легион помимо воли вздрогнул, и это не укрылось от жены, которую он бережно обнимал, лежа на широкой кровати. Женщина чуть напряглась и сильно сдвинула пальцами его руку. Так сильно, что мужу показалось, что она сейчас проткнет кожу.

— Они придут сюда?! Иржи, ответь?

— Бог знает, — тихо промолвил чех, — но что с поляками покончено, то правда. Силу красные взяли немалую.

Иржи Колер полтора года воевал с большевиками, прошел путь от Байкала до Волги, а потом проделал его в обратном направлении. Умелый враг, с каждым годом набиравший силы. В восемнадцатом году чехи лупили большевиков и в хвост и в гриву. А в декабре девятнадцатого все наоборот пошло: чешские legionеры еле выбрались из рук этих очумевших русских, что набросились на них с двух сторон.

Воевать снова с красными Иржи Колер не хотел всей душою, боялся до жути — слишком страшный противник, памятный по безумным штыковым атакам еще в прошлую войну, когда он сумел дезертировать из рядов австрийской армии.

Но что делать, если красная конница почти подобралась к его Чехии, и не пройдет и седмицы, как он услышит стук ее копыт на улицах своего селения. Война, от которой они с женою так старательно убегали, стучалась к ним в двери.

— О чем с вами сегодня капитан говорил, Иржи?

Жена, как черепаха, извернулась в его руках, с трудом перевалившись на другой бок. Большой живот уткнулся ему в бедро — Настена была на сносях, еще две-три недели, и будут роды, он станет отцом.

Колеру хотелось девочку — и матери подмога, и ему в радость. Да и винтовку в руки брать не придется, проклиная судьбу и до дрожи в коленях прячась в окопе, как довелось ему в этой жизни.

— Что ж ты молчишь, муж мой?

— Завтра мобилизация будет объявлена, — тихо промолвил чех и зажмурил глаза, представляя, каким плачем сейчас разразится жена. Тоскливо ведь любой бабе провожать мужа на войну, с которой тот может не вернуться. Им хорошо, что хоть в отдельном доме, но рядом с родителями живут, те помогут, одну Настену не оставят.

— У тебя же рука плохо гнется, Иржи?

— Зато я вояка добрый, две войны за плечами. Да и в легию не берут, в городе останусь, при школе — новобранцев учить буду!

Он не обманывал для утешения: с таким ранением, как у него, в строю не служат. Но все равно — брать винтовку в руки Колер не желал.

Золота, привезенного из Сибири, хватило, чтоб обстроиться с молодой женой, обзавестись хозяйством и даже маленьким виноградником. И теперь все это добро нужно оставить большевикам на разграбление — такого бывший капрал легий перенести не мог.

— Научу ребят винтовку держать да ботинки шнуровать. Русские вояки добрые, потерь ненужных не хочется. Ты не беспокойся, я рядом с тобой буду, не на казарме, ночевать дома стану.

— Хорошо, — с радостью отозвалась жена и погладила ладошкой по широкой груди мужа. — Ты только наших парней добротнo учи, чтоб домой вернулись. Их же невесты ждать будут. Ладно?

— Да, милая...

Иржи растерянно похлопал веками — тяжело понять иной раз русскую жену, ох как тяжело. Другая бы рыдала, а эта сама служить отправляет, да еще радуется. И любит при этом так горячо, что ни одна чешка и рядом не стояла, нет в них этой поглощающей самоотверженности, себе на уме они, расчетливы.

— Иржи, я просто не хочу, чтобы большевики устроили здесь такое, что у меня дома. Ты сам все видел! А потому буду молиться за тебя, за солдат — не пускайте их сюда!

Москва

— Заключив с нами перемирие в марте, большевики упустили блестящую возможность добить войска генерала Деникина и сбросить их в Черное море. Крым удалось бы удержать, но это большой роли в будущем не сыграло бы. Как и наше Заполярье, впрочем. Вопрос с ними был бы решен в самые ближайшие месяцы.

— А Сибирь?

— В этом году нет, но в следующем сибиряки покатались бы под напором красных до Байкала, а там, возможно, взорвав туннели, удалось бы удержаться. Но вряд ли надолго. Так что мы должны быть благодарны полякам, захватившим Киев, и не только им.

— А кому еще? — с улыбкой, с какой отец смотрит на самоуверенного сына, спросил Милюков.

— Так большевикам, Павел Николаевич, — пожал плечами Арчegov, — кому ж еще. Они нас не добились только потому, что решили поймать журавля в небе, а не держать синицу в руках. Но я их понимаю. Совершить там пролетарскую революцию намного проще, чем в нашей крестьянской России. Так что выбор предопределен.

— Вы имеете в виду поход на Вислу?

— Это первый шаг. Второй будет сделан в Берлине, а третий, на что я очень сильно надеюсь, в Париже. Да-да, Павел Николаевич, не удивляйтесь — я действительно горячо желаю, чтобы экспорт революции завершился именно этим. И приложу максимум сил для достижения сего.

— Вы желаете вызвать всеобщее возмущение в Европе? Зачем вам это безумие?! — удивление Милюкова было искренним. Но он был политиком, а потому быстро оправился и осторожно спросил: — Это ваше желание или...

— Или, Павел Николаевич. Эту идею полностью разделяет Сибирское правительство, а также его величество. Отсюда наши громкие декларации, что позволили нашим «союзникам» по Антанте сделать вывод о том, что мы потворствуем большевикам.

— Но ведь это совсем не так!

— Совершенно верно. Но то в очень отдаленной перспективе. А в ближайшей... Мы выступим если не союзниками большевикам, то, по меньшей мере, благожелательно к ним настроенными соседями. Пока... Вы прекрасно знаете всю подоплеку, с вами ведь говорил перед отъездом премьер-министр вашего правительства Кривошеин.

— Но его позиция разится с вашей. Наше правительство выступает за продление перемирия. И только. Я хорошо понимаю, что воевать мы не в состоянии. Но открытый союз с Лениным? Ладно, пусть тайный, если слепо следовать букве, а не духу. Зачем?!

— Иного просто нет, если мы хотим избавить Россию от них!

— Избавиться посредством союза с ними?! Знаете, молодой человек, я видел различные перипетии в политике, но вот с такой сталкиваюсь впервые в жизни. Извольте объясниться!

— Как вы думаете, какую ошибку делает человек, садясь за карточный стол с опытными шулерами?

— То, что начинает с ними играть, — после короткой паузы ответил Милюков, сверкнув глазами.

— Царская Россия уселась за стол и попыталась играть по их правилам и краплеными картами. Выигрыш, как вы знаете, забрали «союзники». Теперь мы не повторили ошибки и играть с нашими заимодавцами по новой не стали. Но зато уселись за стол большевики...

— И как они играть будут?

— Как русские офицеры, встречаясь с мошенниками. Их во все времена предпочитали

сразу бить подсвечниками по голове. Насмерть бить. То же самое сделали красные — ударили больно, вкладывая всю силу. Почему? Я думаю, они прекрасно понимают, что в нынешней ситуации им нас не победить, как и наоборот, впрочем. А тут шанс нехилый появится, если европейские страны охватит революционный пожар.

— Так тем более не нужно его устраивать себе на погибель! Вместе же гореть будем! — Милюков наклонился над столом, гневно сверля пронзительным взглядом улыбающегося генерала.

— Нет, не сторим. Это на погибель нашим «союзникам» нужно, очень нужно. Жизненно необходимо, иначе они нам шею долговой удавкой пережмут. Вы будете плакать, Павел Николаевич, если большевики в Лондоне и Париже советскую власть устроят, долговые обязательства спалят, а банкиров утопят? Или предпочитаете, во имя очередного их спасения, чтоб такие бесчинства в Иркутске и Симферополе произошли?

— Первый вариант для меня намного предпочтительней, — после долгой и мучительной, словно застывшей во времени, как в густой деревенской сметане, паузы произнес Милюков. — Но поймите меня. Я отнюдь не питаю сочувствия к нашим партнерам по Антанте, Константин Иванович. Просто опасаюсь, и очень серьезно, что, революционизировав Европу, большевики немедленно примутся за нас с удвоенной силой.

— Это еще бабка надвое сказала. В европейских странах большая часть населения состоятельна и очень неохотно отнесется к попытке превратить их в маргиналов. Гражданская война там затянется и сильно обескровит наших противников. Так что союзники пойдут на значительные уступки, чтобы избавиться от красной напасти, а большевики физически не смогут удержать за собою недовольную крестьянскую страну, которая ответит им за провал революционного нашествия мятежами. Они, кстати, сейчас уже занимаются ярким пламенем. Так что...

— Предлагаете подождать естественного хода событий, руководствуясь выгодными сторонами ситуации, когда наши враги сцепились друг с другом? Ну что ж, в таких рассуждениях есть здоровое зерно. Но что вы скажете по поводу вчерашних предложений Троцкого? Признаюсь честно — у меня в голове не укладывается столь странный подарок. Уж не с троянским конем ли мы имеем дело, Константин Иванович?

— Вы правы, Павел Николаевич. Удержать за собою южные губернии Новороссии, охваченные махновским повстанчеством, красные уже не могут чисто физически. А потому предложили их нам, ограбив предварительно подразверсткой. Еще одно обстоятельство принуждает большевиков к столь странной, не похожей для них уступчивости...

— Румыны, горячо подстрекаемые и вооружаемые Францией, в самые ближайшие недели перейдут в наступление. Это приведет к полной катастрофе большевистского Западного фронта и тем самым остановит дальнейшее революционное движение на запад. — Милюков неожиданно для Арчегова заговорил скучным профессорским тоном, которым объясняют нерадивым студентам прописные истины. И, широко улыбнувшись, стал с расстановкой пояснять: — Потому отдачей нам Южной Новороссии большевики добиваются сразу нескольких целей. Во-первых, избегают войны с Румынией. Во-вторых, заставляют нас использовать все наши скудные резервы для борьбы с «махновщиной». В-третьих, отдаваемые территории с крупными металлургическими заводами и шахтами, находящимися ныне в разрухе, потребуют от нас крупных денежных вливаний на их восстановление. И тем самым, как ни парадоксально это звучит, такие отступления значительно ослабят нас и вызовут большие траты сибирского золота. Что неизбежно приведет к серьезным трениям между двумя нашими анклавами. Это главные соображения, хотя есть и другие, не менее значимые.

Арчегов почувствовал себя плохо — давненько его так качественно не «отхаживали».

Расслабился, вот и получил в «обратку», очень грамотно. Вот тебе и интеллигент — все понимает, только не отказал себе в удовольствии поиграть с «сапогом», как кот с мышью.

Но молодой генерал не обиделся, наоборот, обрадовался. И спокойно поинтересовался, сжигаемый любопытством — какие же аспекты он упустил в своих рассуждениях?!

— Павел Николаевич, мне бы хотелось знать иные ваши соображения. Надеюсь, вы как опытный и знающий политик просветите меня о них, я ведь военный и в академиях не обучался.

— Не прибедряйтесь, Константин Иванович, это режет мне слух. Вы с уважаемым Петром Васильевичем Вологодским действительно хорошо проработали оптимальные варианты. Что касается большевиков, то, уступая нам порядочную территорию, они выигрывают время, достаточное для революционизирования Европы. И использования межимпериалистических противоречий, как они любят выражаться. Ведь Франция сделала ставку не на нас, а на Польшу и Румынию. С первой все ясно, большевики оказались сильнее. А второй будем противодействовать мы, ибо бессарабский вопрос, как я понимаю, может быть разрешен только путем войны.

— Румыния ни за что не вернет нам оккупированную территорию...

— На это и надеются в Лондоне. Не удивляйтесь — Британия не меньше нашего желает уменьшить влияние Франции. А потому в противовес ей сейчас делает ставку на нас.

— И каким образом?

— Освобождая от турок захваченную Армению, мы ослабляем османов, давая возможности для реализации британских интересов в Палестине и Месопотамии. Кстати, так же они используют и греков. К тому же наше продвижение в Закавказье приведет к потерям, а это неизбежно сделает нас более восприимчивыми к помощи от Лондона. Французы тоже хорошо это понимают, иначе бы не остановили свои действия против Кемаля. Думаю, что они желают с ним договориться и тем ослабить своего островного соседа и сдержать его притязания в Турции. Ту же цель преследуют и большевики — наша война на Кавказе идет им на руку, ибо дает гарантию от нападения на них здесь. А дополнительной страховкой для красной Москвы станет наша война с Румынией, если начнется.

— А она начнется?

— Думаю, что да, и в скором времени. Слишком заинтересованы в ней многие, от великих держав до большевиков, да и нас самих, грешных. Обидно, что даже румыны с кровью у нас куски территории отрывают. Не говорю уже про самих румын, что хорошо поживились и которым нужно отрабатывать займы и полученные в Версале привилегии. Оттого сейчас британцы с нами и заигрывают.

— Еще бы, — улыбнулся генерал. — Большевики от «великодушного дара» нам только выиграют в будущем. Недаром Троцкий настолько покладист вчера был. До приторности...

— Они все рассчитали, — усмехнулся Милюков, — и неплохо. На полгода связывают нам руки, а взамен получают восстановленные шахты и заводы. Которые «товарищи» просто отберут силой, когда сочтут себя достаточно сильными! И это произойдет сразу же после захвата Европы. Или на самом деле рассчитываете, Константин Иванович, что большевики заключали с нами мир «всерьез и надолго»?

— Конечно же, нет! Сейчас французы и англичане не опасаются, я имею в виду в полном объеме, красной угрозы. Но как только будет взят Берлин, отношение к московским «товарищам» станет совершенно другим. Ведь так, Павел Николаевич?

— Несомненно. Франция вышла победителем в этой войне только благодаря России и Англии. И сильно тревожится, если останется один на один с немцами, что жаждут реванша за версальское унижение. Поражение тогда будет неизбежно — против 40 миллионов французов чуть ли не вдвое больше германцев. Да и еще при помощи красных дивизий и внутренней

смуты, раздуваемой Коминтерном.

— Вот потому и надо помочь большевикам, Павел Николаевич. Вы не находите эту мысль здоровой?

— А вам не жалко русских людей, что бесплодно вот так погибнут? Вы об этом не думали, генерал?

— Размышлял, куда деваться. Красные так и так положат уйму народа. Выбор только за нами — или мы предпочтем пролить свою кровь в прямом противостоянии с ними, или обойдемся за счет наших «друзей» по Антанте. Я предпочитаю второй вариант.

— Если вопрос стоит именно так, а в том у меня нет сомнений, то и мой выбор определен. Ибо, делая вывод из ваших рассуждений, спасая мировую революцию, мы спасаем в первую очередь себя. Как бы это цинично ни звучало. Но политика такова...

— Я рад, что вы почти солидарны с Сибирским правительством, Павел Николаевич. Теперь нужно только обсудить цену, которую мы согласны заплатить за мир, и остаться в стороне от войны.

— Заодно округлив территории, вдвое увеличив население и на порядок прирастив промышленность. По-моему, именно в таком разрезе следует пойти навстречу большевикам.

— Ваши слова да Вологодскому в уши. И казачьим атаманам. Платить ведь придется Сибири да станичникам, ведь хлеб взять можно только там. Но делать нечего, будущее намного дороже.

Арчegov смотрел на Милюкова такими ясными и детскими глазами, что у последнего тут же ворохнулось в душе сомнение — а не обвел ли его этот молодой прохиндей. Уж больно сразу бросились в глаза все выгодные и не очень стороны. Павел Николаевич на такую мысль только вздохнул — если он сам что-то недопонял, то Троцкому придется намного хуже, ибо обмануть союзника нехорошее дело, зато врага — доблесть...

Ижмарская

— Я прошу посмотреть вас одну вещицу, доставшуюся мне от матери. Она наша семейная реликвия, Семен Андреевич.

Девушка расстегнула на платье крючок, потянула цепочку и сняла через голову какое-то украшение. Фомин отвел глаза в сторону — мельком увиденная белоснежная кожа груди смутила его и заставила даже покраснеть. Хотя вряд ли этот стыдливый румянец, совсем несвойственный военным, был различим на его изуродованном лице. И протянул свою раскрытую ладонь вперед.

— Ох ты!

Пальцы словно обожгло едким пламенем — он чуть не уронил зеленое нефритовое кольцо с вплавленным в середину багровым камнем. Но кое-как сдержался, пронзенный внезапной вспышкой в мозгу — память услужливо перевернула свои страницы, напомнив ему, когда он держал в своих ладонях это украшение. Так вот почему Маша вызывала у него смутные...

— Оно вам ведь хорошо знакомо, Семен Федотович, — не сколько спросила, сколько утверждающе произнесла девушка и с силой согнула его пальцы на украшении, сжав кулак. Ладонь опять обожгло, и Фомин смог только судорожно кивнуть.

— Вы его держали здесь, на станции, в конце января. Сняв у меня с груди, думая, что я лежу в беспамятстве от тифа. Почему оно вас тогда заинтересовало, Семен Федотович?

— Вы ошибаетесь, Маш...

— Нет, ваше высокопревосходительство, я не ошибаюсь. Вы даже не обратили внимания, когда я ваше настоящее отчество произнесла. Вас не узнать, совершенно не узнать. Но и меня

тоже — тогда я настолько исхудала от тифа, что сама себя не могла опознать через месяц в зеркале. Мне казалось, что я смотрю на совершенно чужого человека.

Маша тихо говорила, а Фомин, опустив голову и продолжая держать в ладони едкое нефритовое кольцо, лихорадочно размышлял над создавшимся положением. Этого не могло произойти, но слишком невероятное стечение обстоятельств свело их на жизненном пути. Случайно? Так ли?!

Случайное закономерно, а закономерное зачастую выглядит плодом совершенно дикого случая. Как эта дорожная встреча, которой просто не могло быть. Или одна и та же фамилия. Безумие?!

Фомин мотнул головой, отгоняя слишком скоропалительный вывод. Таких совпадений не бывает, это не случайность, а четкая и определенная судьбой закономерность, ибо событиями движет предначертанное свыше. И что делать прикажете?! «Легенда» слетела одним махом, осталось либо лгать и изворачиваться, либо...

— Семен Федотович, только не нужно меня обманывать, это ни к чему, — девушка положила свою узкую ладошку на его руку. — Я понимаю, что разговор вам неприятен, а потому больше не буду вас спрашивать. И спасибо вам большое...

— За что?!

— Меня нашел на этой станции фон Шмайсер, он же приказал врачам. Но перевели меня в санитарный поезд по вашему приказу и выходили тоже, когда другие рядом со мною умирали без должной опеки. А меня лечили, давали лекарства, заботились днем и ночью. Я ведь слышала, что вы тогда говорили и приказывали. Слышала...

— Не стоит благодарности, Маша. Я обязан был сделать это. И знаете почему? — Фомин усмехнулся, глядя в широко открытые глаза девушки. — Не ради вас, собственно, как человека. Нет, не поймите превратно. А вот ради этого нефрита с камнем. Вы знаете, что это такое?

— Нет. Мама мне ничего не говорила, когда его отдала. Просто сказала, что оно передается от матери к дочери, и его нужно носить только под платьем. Вот и все...

— От матери к дочери, хм... Видно, забыто то, ради чего этот амулет появился, — Фомин ткнул пальцем в лежащий на столе нефрит, но не прикасаясь пальцем к светившемуся кровью камню. И неожиданно спросил, сверкнув глазами: — Когда вы меня узнали?

— Перед Красноярском я полностью уверилась в том. Вас не узнала по лицу, а вот говор, умение держаться... Я же вас здесь видела мельком, а потому побоялась ошибиться. Капитан бронечастей, выслужившийся из нижних чинов, — это одно, а генерал-адъютант его величества, герой ижевского восстания, умерший от ран в прошлом месяце, — совсем другое дело. Ваши обмолвки и то, что раз я вас назвала настоящим отчеством, а вы не заметили и не поправили меня, дало мне уверенность в своих...

— Подозрениях, — закончил за Машу Фомин и усмехнулся: — Вы правы. Любой мужчина счел бы такие аналогии неуместными, а за вас сработала интуиция и вот этот камень.

— Почему вы его избегаете касаться, Семен Федотович? У меня возникло ощущение, что он вас словно обжигает!

— Так и есть. Это ведовская штука, с седой древности. Ей многие сотни лет, если не тысячи. От первых волхвов еще.

— Колдовская?!

Девушка отдернула руку от камня, будто впервые его увидев, и в изумлении захлопала ресницами, чуть ли не засунув маленький кулачок в рот, забыв воспитание и привитые с детства манеры.

— Нет, не колдовская, а ведовская, — поправил ее Фомин. — Это абсолютно разные вещи, хотя определенная схожесть присутствует. Просто люди зачастую путают.

— А вы их отличаете? — Жгучий интерес так плескался в девичьих глазах, что вызвал улыбку.

— С рождения. Мой дед волхв, ведун. И я от него немного набрался. А ваш амулет мне в руки брать нельзя, он жжет.

— Я никогда не чувствовала это жжение. Наоборот, он мне кажется холодным.

— Так многие люди скажут, потому что не чувствуют его силы. Я ощущаю, потому и не желаю брать в руки. Он ваш родовой знак, только от женщины к женщине передается. От ведуний.

— Вы хотите сказать, что в моем роду... были ведьмы?! — Удивление из глаз вымыло, они словно потускнели.

— Я не говорил про ведьм, это искаженное от ведуний, и, соответственно, на ведьм переносятся колдовские способности. Но это не так. Ведать и колдовать, то есть сознательно причинять ущерб, есть совершенно разные вещи. Это очень трудно объяснить...

— У нас масса времени, Семен Федотович, дорога долгая. И я очень прошу вас рассказать об этом.

Маша посмотрела на Фомина таким умоляющим взором, что сердце у того заныло. А потому он плюнул на секретность и свое разоблачение первой встречной (не иначе как судьба, против которой никак не попрешь) и решил ответить на все расспросы...

Шилка

— Такой победой нам не стоит гордиться, Владимир Оттович!

Тирбах тяжело вздохнул, глядя, как плененные партизаны молча, без разговоров, кирками и лопатами роют у расщелины большую братскую могилу под бдительными взглядами вечно угрюмых егерей.

— Это почему, Петр Игнатьевич?

Моряк был в хорошем настроении. Еще бы — потеряв никуда не годную старую лоханку, корабли его отряда проложили путь до Амура. Теперь преград на пути не было, и можно идти хоть до самого Благовещенска, на соединение с главными силами флотилии.

— Мы собрали едва с полтысячи патронов, большинство самодельных, многие снаряжены дымным порохом, — Тирбах усмехнулся. — Это на сотню трупов и семь десятков пленных. Еще с полсотни партизан разбежалось по тайге, у нас не хватило сил перекрыть все сопки. Да, пушки достались целыми, вы не подавили их своим огнем.

— Так пушкарей разогнали!

— Нет, Владимир Оттович, у них оставался ровно десяток снарядов. Его и истратили, а затем разбежались. Пленные в один голос твердят, что здесь с боеприпасами было намного лучше, чем в других отрядах. Собрали все под метелку!

— Дела, — после секундной паузы отозвался Миллер, обдумав слова друга. — Надо сообщить в Читу...

— Они уже знают, наступление ведется по большому фронту, так что информация такая уже есть. Нам с тобою нужно только решить — зачистить только Шилку или рискнуть и пойти к Благовещенску.

— Лучше на Амур, Петр Игнатьевич. В городе наш гарнизон держится, и по плану мы должны оказать им помощь при стечении самых благоприятных обстоятельств. Такая ситуация для нас сложилась, топливо есть, боеприпасов хватает. Так что...

— Пойдем вниз, Владимир Оттович. Завтра поутру и пойдем.

— А с этими что делать? — Миллер кивнул на копошащихся пленных. — На буксирах до

Сретенска отправим? Это сколько бензина истратить придется, вверх по течению идти.

— Нет, — глухо отозвался Тирбах. — Незачем. У меня приказ пленных не брать! И я брать их не буду!

— Они что, сдурели совсем в Чите? Семенова переплюнуть в палаческом ремесле решили?

— Кто хотел уйти из партизан, те давно из отрядов дезертировали и вернулись домой. Здесь самые упертые и непримиримые остались, каторжан половина, вон росписи на руках видны.

— Сволота! Я просто не обратил на них внимания.

— Мои парни их наскоро допросили — всего несколько человек насильно с ними таскались по тайге, остальные как на подбор добровольцы, клейма негде ставить. У каждого руки по локоть в крови — в расстрелах и казнях все участвовали.

— Когда? — Интерес в голосе моряка не слышалось, одна понимающая горчинка — неприятно, но надо, куда деваться.

— Вторым слоем из АК егеря положат, да землицей засыплем поверху. Для моих староверов привычное занятие.

— Да уж, дела пошли такие, грешные, — в тон ему отозвался Миллер. И посмотрел на автоматы: — АК вы «кнуты» именуете?

— Так точно. Сокращенно от автомата «кнут» — так военный министр настоял. Сказал мне, что сия аббревиатура всему миру знакома будет. И еще сказал, что на тридцать лет он опередил свое время.

— Занятная штука. А стоящая? Скажите честно.

— Автомат Федорова перед АК, что кошка супротив бобра. Помучились с ним, но сейчас до кондиции довели. Как и ручной пулемет «плеть» — тот же автомат, только на сошках, ствол толще да приклад иной формы. Одно плохо — длинными очередями в полный рожок стрелять не рекомендую, точность сразу теряется.

— А «нагайка» как? Оценил уже? — Миллер показал в сторону стоящего на треноге станкового пулемета.

— Этот с первого раза на «ура» пошел, доделок практически нет. Так и отпишу в рапорте, — Тирбах сделал ударение на второй слог, как и все моряки, — что в серию запускать без доводки можно и нужно. И по полному весу с лентой он немногим тяжелее «макса» без станка и коробки. Чудо, а не пулемет, «Льюис» рядом не пляшет.

— Это хорошо, такие пулеметы нам очень нужны. Японцы ведь под свой патрон только станкачи поставляют, и то немного.

— Жаль, что выпуск к Новому году только наладят, да и производить в день по штуке смогут, в лучшем случае две, — Тирбах огорченно взмахнул рукою. — В месяц только бригаду вооружить сможем, и то на голодном пайке, в самый обрез.

— Если штука стоящая, то военный министр сделает все, чтобы выпуск увеличить. Отдельные детали ведь за рубежом, да в тех же САСШ заказать можно. Дороговато выйдет, но вовремя. Как раз к следующему лету, ибо не верю я, что мир с красными дольше затянется...

Ижмарская

— Семен Федотович, что произошло? Почему вы так обгорели? Почему объявили о вашей смерти?

Вопросы ударили по нему неожиданно, со всей силы. Именно тогда, когда Фомин их не ожидал, видя, как увлечена Маша его долгим рассказом о потустороннем, «запретном». И пропустил в под-дых, на полуслове.

— И куда делся фон Шмайсер? Ведь если вы живы, то и он, наверное, не погиб от пули

эсеров.

— Не погиб, — глухим, тоскливым голосом ответил Фомин. — Но я собственной рукою пристрелю гада, если встречу. Хотя вряд ли это случится, но я питаю надежду, что смогу в него попасть.

— Что-то случилось? Почему так произошло, что ты сейчас хочешь его убить? Ведь тогда в поезде вы говорили с ним вполне дружески. Я не могу ошибаться, тогда я именно так и посчитала.

— Тогда так и было. Но много воды с февраля утекло. Ты хочешь знать причину, Машенька? А ты знаешь, что кошку сгубило?

Семен Федотович смог справиться со своими расшатанными нервами и пристально посмотрел на девушку, глядя глаза в глаза. Впервые в жизни он чувствовал себя неуверенно, борясь с двумя противоречивыми желаниями — распахнуть перед ней душу или пустить пулю в лоб, чтоб больше ни о чем не думать и не страдать. Боль и усталость от жизни порядком опустошили и выжгли сердце.

— Любопытство и сгубило, — тихо ответила ему в тон девушка, вскинув подбородок, и чуть громче произнесла: — А что, правда опасно?

— Очень, — осторожно сказал Фомин. — Есть такие государственные секреты, что от них нужно держаться подальше. Больно сильно обжечься можно, насмерть. Это моя просьба, Маша, потому что я боюсь за тебя.

— Как тебя обожгло, болью лютой, нестерпимой...

Теплая ладошка девушки погладила его изуродованную щеку, и от этого прикосновения мужчину тряхнуло.

— Я конченный человек, Маша. Ведуну дается пять жизней, я прожил четыре из них. Теперь жду костлявую с косою...

— Разве я похожа на смерть? Я не хочу, чтобы ты умирал! Понимаешь ты это, чурбан с глазами!

Крепкие руки схватили Фомина за китель и встряхнули с такой мужской силою, что у него зубы лязгнули. Пылающий гневом взор полоснул острием кинжала, а голос, столь нежный и добрый раньше, залязгал булатом, неожиданно обдав его холодом.

— Какие жизни прожил ты? Я ведь давно знаю, когда ты говоришь мне неправду. С первого дня!

— Я думаю, что ты научилась отличать истину от лжи еще раньше. С того времени, когда надела на свою шею этот оберег. Да-да, это оберег, не амулет. Он не даст тебе ведовской силы, но его предназначение именно в этом — знать правду. Вернее, не столько знать, а чувствовать, всем нутром чувствовать. Я прав и знаю это. Ведь так?!

— Это так, — после долгого молчания произнесла девушка и посмотрела на него усталыми глазами: — Я действительно хорошо чувствую ложь, но не связывала этот дар с оберегом. До встречи с тобою.

— Хорошо, я отвечу. Хотя то, что тебе расскажу, может быть принято за безумие. Но есть одно лекарство...

Фомин криво улыбнулся и поднялся с дивана. Снял со стены ремень с кобурой, расстегнул клапан. Молча достал наган, сдвинул пальцами барабан и протянул Маше.

— Зачем? У меня свое имеется.

Девушка усмехнулась краешками тонких губ и, протянув руку, раскрыла ридикюль. Достала из него браунинг, и не дамский, а военный, на 9 миллиметров. Маша умело, со сноровкой, дослала патрон в ствол и положила пистолет рядом с наганом.

— Вижу, что умеешь этой игрушкой хорошо пользоваться. Кто научил? Ах, совсем

запамятовал! Зачем задавать столь глупый вопрос, твой отец ведь офицер, полковник.

— В первую очередь он казак, а у нас с детства к оружию привычны. И война многому научила, иначе бы меня несколько раз убили. Но Бог миловал, я успевала выстрелить первой. А одному перерезала глотку, как валуху. Казачки к такому делу завсегда привычны, а курам шеи резать или рубить девочек с детства учат. Так что крови они не боятся.

Маша достала из ридикюля тонкий стилет в ножнах и положила его рядом. Фомин только улыбался — прямо какой-то Шерлок Холмс в юбке, и вооружилась чуть ли не до зубов, ведь наверняка в тайном арсенале еще что-то имеется, кроме острого кинжальчика и бельгийского пистолета. А самое страшное, что в глубине сердца ледяной иглой вонзилась мысль, даже не мысль, а смутная догадка, полутень, что такое с ним уже было.

«Машенька!»

В памяти промелькнули большие дрожащие слезинками синие глаза и русые волосы, испуганно глядевшие на него возле шахты год назад... Тонкий стилет в изящных ножнах на стройном девичьем бедре... Затем те же глаза, только мертвые и остекленевшие, волосы, рассыпавшиеся по плечам и слипшиеся от почти черной крови...

«Марена!»

Фомин почти взвыл, всей душой заново ощутив испепеляющую боль, невыносимой, ослепляющей вспышкой затмившую мозг: «Ты опять пришла за мной!!! Чего же тебе еще надо?! Разве я не расплатился с тобой сполна? Все потерял! Себя самого — погиб я из *этого* мира там, на пермской заставе... Сам я погиб здесь наяву... Отца потерял... Друга единственного...»

Мысль о настоящем Шмайсере заполнила его душу звенящей ледяной пустотой. Фомин внезапно осознал то, о чем он так боялся думать в последнее время. Эту мысль всегда старательно гнал от себя, и вот она захлестнула всего его, заполнив собой каждую клеточку его сознания: «А ведь я же *расплатился*... Я все отдал, включая самого себя, свою душу отдал, которую ты, Марена, терпеливо ждала и дождалась! И Маша, она ведь не зря со мной встретила и там, в Перми, и здесь, в этом поезде... Правда, что ты едина, только лица у тебя разные! Там, у шахты, у этого адского капища Мойзеса, я встретил тебя, маленькая пугливая пичужка, что дрожала у меня в руках... Я еще не все нес тогда, уготованное тобой мне... Я был монстром, чудовищем, упырем, нежитью. *Та* Маша, Марьюшка, Марена пришла за нашими душами, но *забрала* тогда только настоящего Шмайсера, Федора, упокой Господи его душу... ^[3] А недавно и моей души дождалась, не зря огонь для себя выбрал после разговора с Арчegovым! Выгорела там, на койке тюремной, душа моя, из тела моего выгорела, туда, в самую адскую бездну, с огнем отправилась, где Фомину Семену Федотовичу самое место! Нет Фомина больше, словно и не было!

Я другой человек, и не только по документам... Очистился я огнем, а Арчegov, желая того или нет, на самом деле мне новую душу с моей новой... жизнью дал, буквально вложил ее на выжженное место прежней, дав мне второй шанс! Теперь и ты, Марена, мне второй шанс даешь, позволив мне любить! Смерть-то, оказывается, это не только конец и небытие, но и начало, начало новой жизни...»

Словно в лихорадке, трясло его измученное и истрадавшееся тело. Открыв мутные от боли глаза, он увидел испуганное и побелевшее лицо Маши, трясшей его за плечи:

— Сеня! Сенечка! Очнись!

— Где я?

С трудом выговаривая слова, он приходил в себя, ощущая какую-то внезапную легкость, словно сбросив невероятной тяжести оковы, которые он таскал раньше. Даже дышать, казалось, стало легче.

— Сенечка! Ты словно на мгновение потерял сознание! Смотрел на меня, улыбался, потом

раз, и словно пропал куда-то... — Маша обеспокоенно разглядывала и ощупывала его лицо. — Где болит? Как ты себя чувствуешь? Как ты?

Она недоверчиво нахмурила густые брови, прищурилась, недоуменно вглядываясь в его лицо:

— Что с тобой произошло за эти мгновения? Я не узнаю тебя... Словно ты за секунду стал другим...

— Я и стал другим! — Фомин накрыл своими руками ее холодные, дрожащие ладони. — Я стал совсем другим... Для тебя и благодаря тебе...

— Я не понимаю, — она помотала головой, словно прогоняя наваждение. — Почему благодаря мне? Как это — другим?

— Я все тебе расскажу... Я долго, невероятно долго и трудно, мучительно трудно шел к тебе... Длинной и не всегда прямой дорогой шел к тебе, я только сейчас это понял... И заплатил за это страшную цену, очень страшную... Я искал тебя всю жизнь, даже не зная этого, но искал, а ты меня всю жизнь ждала...

Он улыбнулся и, склонившись, поцеловал ее потеплевшие руки.

— Я все тебе расскажу, но обещаю, что поверишь каждому моему слову, какими бы невероятными они ни были...

— Обещаю...

Ливадия

— Канцлер Бисмарк говорил в свое время, что ни одна нация не должна приносить себя в жертву союзникам. — Михаил Александрович говорил глухо, но внятно. — В прошлую войну мы только и занимались тем, что спасали союзников. А они эти наши жертвы воспринимали не как акт доброй воли, а как само собой разумеющееся дело... Обязательное для нас. Отсюда все наши беды! И оттого нам предстоит сейчас, господа, сделать выбор — или служить своему Отечеству, или продолжить служение интересам бывших союзников.

— Ваше величество, — негромко произнес председатель Совета министров Южно-Российского правительства Кривошеин, — свой выбор мы сделали две недели назад, потребовав от союзников по Антанте выполнения прежде заключенных соглашений в полном объеме.

— Сейчас предстоит закрепить, господа. Вы знаете суть предложений, только что сделанных нам большевиками. И Павел Николаевич, и военный министр Сибирского правительства генерал-адъютант Арчegov настаивают на их немедленном принятии. Однако такой шаг чреват для нас конфликтом с Румынией, за которой стоит Франция.

Монарх остановился и посмотрел на военного министра генерала Деникина. Тот правильно понял этот взгляд, хотел было подняться из кресла, но был остановлен решительным жестом.

Михаил Александрович поступил правильно — присутствующие в императорском кабинете глава правительства, военный и морской министры собрались для беседы, а потому излишнее соблюдение ритуала могло сбить участников с делового ритма.

— Мы сможем перебросить корниловскую и дроздовскую дивизии в течение двух недель, если флот выделит транспорты для перевозки. Как и обе туземные конные дивизии. Еще две ударные дивизии, марковскую и алексеевскую, необходимо доукомплектовать. Можем рассчитывать на две донские казачьи дивизии и пластунскую бригаду. Плюс гвардию.

— Этого мало, Антон Иванович, — мягко сказал монарх, — румыны сосредотачивают в Бессарабии, если полученные данные верны, пока до пяти дивизий. А сколько они вообще мобилизовать?

— До двадцати дивизий пехоты и три-четыре дивизии конницы, — тут же отозвался

генерал Деникин. — Но не менее половины из них они выделяют для прикрытия границ в Трансильвании и Южной Добрудже, дабы Венгрия с Болгарией не попытались вернуть эти земли обратно.

— Румынский флот не представляет для нас какой-либо серьезной угрозы, — веско заявил адмирал Колчак. — У них вообще нет современного военного флота. Переброска наших войск транспортом до Одессы из Севастополя и Новороссийска не встретит затруднений. Что касается «союзников»... При благожелательной позиции Англии французская эскадра в Константинополе вряд ли выступит против нас открыто.

— Хорошо, Александр Васильевич. Хотя здесь мы имеем перед Румынией явное превосходство. Господа, я думаю, вы понимаете, что упускать Новороссию нам никак нельзя. Но в то же время следует учитывать незначительность нашей воинской силы в Крыму и на Северном Кавказе. К тому же будет необходимо подавить повстанчество, особенно отряды Махно, оперирующие в Северной Таврии.

— Ваше величество, — Кривошеин поджал губы, — меня беспокоят больше те поставки зерна, которые мы будем должны осуществить с Кубани. У нас нет лишних средств, а потому помощь сибиряков настоятельно необходима. К тому же без чрезвычайных ассигнований на военные нужды будет затруднительно провести частичную мобилизацию армии, а также провести «умиротворение» на присоединяемых территориях...

Михаил Александрович слушал и не слышал Кривошеина. Нет, Александр Васильевич, сподвижник убитого террористом с подачи охраны премьер-министра Столыпина, главноуправляющий землеустройством бывшей империи, тайный советник, кавалер и прочее, находился на своем месте. Но мозг лишь краешком внимал удручающему рассказу о финансах, что на ладан дышали и поддерживались сибирским золотом, которое предстояло выцыганить на новые траты.

«Обрыдло» — он вспомнил Арчегова, который со смертельно усталым взглядом произнес это слово. Действительно, «обрыдло» — как никогда, Михаил Александрович понимал сейчас своего друга.

Именно друга — а кто иной согласится просто так взвалить на плечи чудовищную ношу, осыпавший за это презрением, оскорблениями и клеветой. И сколько он тащит на себе, это Михаил понял только сейчас, перебравшись в Крым, в старое царское имение, в котором он отдыхал еще ребенком.

«Как мне все надоело! Хуже горькой редьки!» — монарх сжал зубы в бессильной злобе. Даже в своих самых худших опасениях он не предполагал, что встретит на юге такое...

И вновь он вспомнил Арчегова, что с кривой улыбкой и ехидным голосом обозвал генеральскую среду «террариумом», сиречь вместилищем змей и прочих пресмыкающихся. И если бы только военных, революция изгнала на юг огромное количество «бывших» — чиновников и аристократию, разорившихся банкиров и помещиков, чьи имения были перезаложены еще до революции, а сейчас отобраны большевиками, чванливых сановников, ставших мелкими спекулянтами, думских краснобаев и земских болтунов и целое множество других «столпов» погибшей империи.

Лица проходили перед мысленным взором сплошной чередой, а просьбы, похожие у всех, как и горести, услужливо подсказывала память. И все униженно просили у него вернуть то положение, что они имели в прошлой жизни. Не столько просили, сколько требовали, искренне считая, что монарх должен это сделать. Даже обязан!

И негодовали, когда получали отказ. Но шли и шли, находя различные протекции, используя связи, и не было им конца. Как выбраться из этого порочного круга?!

Беда в том, что война с германцами, революция и братоубийственная бойня многих ничему

так и не научили. В прошлом все эти люди, пользуясь своим положением, прямо и косвенно, своей алчностью, ленью, тупостью, чванливостью довели страну до краха. И теперь желают снова занять положение, дабы «послужить Отечеству».

Да их поганой метлой гнать нужно! Подальше! А ведь это не кошмарный сон, который схлынет утром, нет, это ужасная явь будет продолжаться бесконечно, пока не найдется сил и средств ее изменить...

— Может быть, нам следует обратить внимание на Грецию с Болгарией? Они наши потенциальные союзники — греки ведут войну против Турции, а болгары могут связать часть румынских сил...

Михаил Александрович тряхнул головой, стараясь прогнать тягостные размышления и настраиваясь на разговор с министрами. Ведь, к его глубокому сожалению, эту ношу нельзя переложить ни на кого другого. Требовалось самому исполнять возложенный на него долг перед страной...

Ижмарская

Сердце бешено колотилось в груди, норовя из нее вырваться. Тело обжигало жаром. В объятиях была *она* — его любовь, та, которую пришлось искать в прожитых жизнях.

Семен крепко сжимал девушку, сплавившись с суженой в одно целое на узком вагонном диванчике, боясь потерять связь с ней хоть на миг. То, что произошло с ними, ошарашило, обдало кипятком. И сейчас он был готов умереть, но уже от счастья, настолько ликующая радость переполняла душу и норовила выплеснуться наружу.

— Я люблю тебя, горе ты мое!

Тихий девичий шепот достучался до разума, и Фомин вернулся с небес на землю. Маша взяла его ладонь и прижалась к ней губами. Кожу обожгли поцелуи, и еще он почувствовал расплавленные капельки слез.

— Почему ты плачешь, девонька моя?

— Счастлива, вот и плачу. Никогда не думала, что встречу свою любовь вот так, и первым нашим брачным ложем станет вагонный диванчик, на котором и одному тесно. А мы с тобой вдвоем уместились...

Фомин сглотнул, его распирало от счастья и гордости, на душе впервые в жизни было легко и спокойно. Маша искренне любила, без расчетливого цинизма, и он это знал. Умел опознать, благо *дар* не подводил.

Теперь он будет с ней рядом всю жизнь, рука об руку, и... Да плевать на все, на положение и чины, ордена и богатства, карьеру — когда есть любовь, все остальное приложится.

— Слушай, Сеня. — Девушка извернулась в его крепких объятиях, и ее лицо уткнулось ему в плечо. Зубы игриво укусили, а пальцы ущипнули. — Нет, нет, ты меня не так понял. Больше не надо. Достаточно для первого раза. А то больно...

Фомин помимо воли зарделся, как мальчишка. Он стал для нее первым и единственным мужчиной. Муж!

Обретение собственной семьи было настолько внезапным, что Семен Федотович пока не мог принять его всем сердцем, но уже мыслил за двоих. И прекрасно понимал, что теперь станет легче, как любому командиру при грамотно обеспеченном тыле.

— Я тебе казаков рожу, сыновей. Уж больно много станичников в землю сырую полегло, оскудел Дон-батюшка.

— Знаю, — он погладил ее по лицу. — Крепеньких ребятишек рожать будешь, настоящих мужичков.

— Казаков! — Голос девушки посуровел. — Это бабы мужиков рожают, а я казачка и тебе токмо казачат дарить буду.

— Так я не казак!

— Будешь им, воин ты лихой, — уверенно сказала девушка и поцеловала его открытую ладонь. — В Омске поезд несколько часов стоять будет, мы успеем в церковь сходить. Не хочу до Новочеркасска тянуть, с тобой хочу быть венчанной. Настоящей женой!

— Батюшка вряд ли сможет нас так быстро обвенчать. — Фомин не возражал против женитьбы. Еще бы возражать, если он сам этого желал. И ему нравилась целеустремленность жены, сильно нравилась. Как и то, что совсем юная девушка не боялась принимать решения.

— Он на тебя только глянет и вопросов задавать не будет, враз к алтарю поведет. В Новочеркасске у нас дом, отец уважением пользуется, так что в станицу тебя без разговоров примут.

— Примаком стану?

— Нет, домовитым казаком. Уважаемым офицером! С углом собственным и красавицей-женой. А то ты как перекаати-поле четверть века катался. Вот так-то. Или ты против?

— Нет, нет! — быстро открестился Фомин и мысленно представил себя в лампасах и в окружении детей. На сердце стало благодно, и он предался мечтаниям, согреваемый жарким телом жены...

— Я хотела тебя спросить об одном. Тогда, зимой, ты сказал этому мерзавцу Шмайсеру, что выходишь меня в любом случае, ибо я являюсь связью с внуком. Хм... Надо же, тогда для тебя я была чьей-то, — она хмыкнула, — бабушкой, хотя женщиной стала только сейчас. А потому будь добр объясниться!

Фомин ждал этого вопроса, прекрасно понимая, что его половина чрезвычайно целеустремленная особа, доводит любое дело до конца и очень не любит неясностей.

— Ты военного министра Арчегова видела?

— Да, один раз в Иркутске. Он соизволил прийти к нам с целой свитой в гимназию на выпускной бал. Молодой, порывистый, но все говорят — жутко талантливый и очень резкий, если не жестокий, генерал. Девочки о нем томно повздыхали, но, увы, увы... Место супруги его высокопревосходительства уже занято.

— Я держал твой оберег в руках. Так вот — Арчегов не есть молодой генерал, а битый жизнью волчара. Он *перенесся* так же, как и я, и он твой внук, в этом я полностью уверен. Хотя, возможно, он не знал, что его родная бабушка была брошена умирать в Ледяном походе...

Маша напряглась и вырвалась из объятий. Уселась на диване, чуть не спихнув Фомина на пол, и уставилась на мужа широко раскрытыми глазами испуганной лани.

— После *твоего* рассказа я уже думала, что меня ничем в жизни не удивишь! Но сейчас... — Она всплеснула руками. — Рассказывай все, Сеня, до мельчайших подробностей...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Пусть загнал я судьбу свою...

(10 сентября 1920 года)

Варшава

— Владимир Ильич постоянно напоминает и требует от наших войск безостановочного движения на запад!

Троцкий гневно сверкнул стеклами очков и чуть не топнул ногою. Председатель РВС республики был недоволен.

Еще бы — Западный фронт настоятельно требовал немедленных подкреплений, войска дошли до границ Германии, а в парках осталось едва до половины боекомплекта, всего на два-три дня боев. Привезти все необходимое можно только по железным дорогам, на которых творится сейчас черт знает что.

— Мне нужно знать, Феликс Эдмундович, когда вы наведете порядок в тылу наступающих фронтов? Когда будет обеспечено бесперебойное питание наших наступающих армий?!

— Мы делаем все возможное, Лев Давыдович!

Высохший, как египетская мумия, глава Польской советской республики производил страшное впечатление. Впавшие воспаленные глаза, красные, как у кролика, от вечного недосыпа, дрожащие пальцы, расширенные зрачки и нервно дергающиеся крылья ноздрей — видно, что Дзержинский был на пределе физических и духовных возможностей.

«Никак снова на кокаин подсел наш Торквемада? Или „балтийский коктейль“ глушит?»

Сам Троцкий наркотиков избегал, да и не нужны они ему были. Нарком по военным делам не изводил себя на работе, предпочитая размеренный ритм и отводя значительное место отдыху.

Кокаин не нужен, если имеется прекрасное вино и коньяк, а в соседнем вагоне его легендарного штабного поезда есть всегда готовые к «товарищеской услуге» красивые секретарши из машинописного бюро. Однако, глядя сейчас на измученного Дзержинского, Лев Давыдович не злорадствовал, хотя повод был — «любимец партии», ее «карающий меч» не может навести в Польше самого элементарного порядка.

Такая покладистость объяснялась просто — ведь без помощи «железного» Феликса «паровой каток» Красной армии остановится через несколько дней, испуская последние черные клубы безвозвратно потраченных усилий и рухнувших надежд, а этого «лев революции» уже сам не мог перенести...

— Мне нужна немедленная помощь в очищении территории от буржуазных банд и остатков польской армии, Лев Давыдович, — со сдержанной неприязнью к собеседнику глухо произнес Дзержинский. — На созданные части Польской красной армии надежды мало — они очень немногочисленны и плохо вооружены...

«И абсолютно ненадежны», — мысленно закончил за своего «заклятого друга» Троцкий.

Две спешно сформированные из поляков стрелковые дивизии реальной силы не представляли, а дезертирство из них стало массовым. Никакой пролетарской и классовой сознательности, даже рабочие Лодзи заявили, что им нужна независимая Польша, а уж потом они сами будут выяснять, какая — красная или панская.

И как с таким националистически упертым пролетариатом мировую революцию совершать прикажете?!

— Принимается, Феликс Эдмундович!

Хорошо подумав над возникшей проблемой, Троцкий пришел к выводу, что решить ее можно только сообщая, тем более что лавры победителя в конце концов останутся за ним.

— Я отдам приказ всем тыловым частям оказывать органам Советской власти и польской ЧК всю необходимую помощь. Кроме того, все батальоны и роты ВОХР, что задействованы в боях, будут немедленно отведены в ваше распоряжение. Окажем помощь оружием и снаряжением, вот только патронов у меня нет, у нас самих на них царит жуткий голод. Здесь вся надежда только на вас, товарищ Дзержинский, — нужно немедленно протолкнуть на запад эшелоны.

— Я сделаю все возможное, — глухо произнес поляк и еще тише добавил: — Приняты меры, и с саботажем будет покончено. Несколько депо уже заработало, воинские эшелоны вчера пошли от Бреста на Люблин.

— Благодарю вас, Феликс Эдмундович!

Слова Троцкого были совершенно искренними, и он нервно потер руки, почувствовав немалое облегчение.

— А что происходит на фронте? — поинтересовался Дзержинский. — Как встречают наших красноармейцев немцы?

— Лучшего не надо желать, — с дробным смешком ответил нарком по военным делам. — Сотни спартакидов вливаются добровольцами, формируются сразу десять батальонов Германской красной армии. Отношение населения в отданных Польше землях самое благожелательное.

— Этого следовало ожидать после оглашения в Варшаве декларации СНК от первого сентября, — задумчиво произнес глава ПССР и советской ВЧК (от этой главной должности Дзержинского в Москве пока никто не освобождал).

Троцкий моментально ощерился, почувствовав в этих словах притязания на его заслуги. Именно он потребовал обращения к германскому народу, в котором объявил, что большевики не признают навязанного немцам грабительского Версальского мира и его границ, обкорнавших поверженный Антантой рейх.

Разделяй и властвуй — эта аксиома известна еще с времен Древнего Рима, и ею было не грех воспользоваться для раздувания гражданской войны. То, что пролетарская революция сметет все границы в мире, так это дело будущих дней, а пока нужно всячески пробуждать ущемленную немецкую гордыню. А уж там можно будет и большевизировать Германию.

Троцкий зловеще усмехнулся — два с половиной года тому назад он обещал чванливым генералам кайзера, что революция придет в их Германию. Они ему не поверили, но через десять месяцев получили всеобщее восстание. Правда, немецкие товарищи слишком культурны, оттого затея провалилась — нужно было уничтожать правящий класс поголовно, а с буржуями переговоры затеяли, в демократию играть задумали.

Даже восставшие в Киле и Вильгельмсхафене матросы не последовали примеру своих кронштадтских «братишек», что истребляли золотопогонное офицерье как бешеных собак — напротив, немцы действовали чинно и благородно, почти без крови, больше уговорами.

И что потом получили в ответ от недобитой контры?!

Нет, больше в такие игры большевики вступать не будут и немецким товарищам не позволят. И он, Лев Давыдович Троцкий, не зря приехал в Варшаву, где разместится Полевой штаб Республики.

Именно отсюда, откуда до Берлина и Праги рукой подать, он лично будет управлять полыхающим пожаром мировой революции, чтобы постоянно держать свои пальцы, словно опытный лекарь, на ее бешено стучащем пульсе...

Севастополь

— Мы отказались от английских предложений, Константин Иванович, — адмирал Колчак усмехнулся. — Да они нам, если честно говорить, совсем без надобностей.

— А что так, Александр Васильевич?

Арчegov поудобнее устроился в мягком кресле, оценивая флотское гостеприимство. Крейсер второго ранга «Алмаз», по своей сути являясь небронированной яхтой, был старым боевым кораблем, единственным из эскадры Рождественского, если не считать двух миноносцев, кто прорвался во Владивосток после злосчастного для русского флота Цусимского боя.

«Алмаз» выполнял функции штабного корабля с возможностью переоборудования его в носителя гидросамолетов. Места для того вполне хватало — в просторном адмиральском салоне на корме можно было спокойно устроить ангар на несколько аэропланов. Только вся штука в том, что поплавковых самолетов, или «летающих лодок», типа русской М-9, на флоте практически не имелось, а те немногочисленные «этажерки», что пока летали, угрожали рассыпаться в воздухе от ветхости.

Так что морской министр и командующий Черноморским флотом рассудил вполне здраво, забрав «Алмаз» своим флагманским кораблем. Да и выбора, по большому счету, у Колчака не имелось — древняя яхта «Лукулл» отбухала на море чуть ли не полвека.

Не менее старый броненосец «Георгий Победоносец» нужно было давно отправлять на слом — выйти в море этот корабль, переоборудованный в мировую войну в штабной, просто не мог...

Сейчас, сидя в удобном кресле, генерал впервые смог оценить флотский комфорт, по сравнению с которым его купе в штабном поезде, когда он командовал дивизионом бронепоездов, выглядело просто убого, жалко, как котомка нищего с хлебными крошками рядом с саквояжем из крокодиловой кожи, набитым денежными знаками. Ведь офицерские каюты на крейсере были намного комфортабельней купе в современных спальнях СВ, галюны вычищены и благоухали хвоей. Экипаж, конечно, живет поплотнее, но матросов кормят до пуза, так что новый «Потемкин» не грозит.

Развалившись в кресле, Константин Иванович потихоньку прикладывался к бокалу хереса, а сидящий напротив Колчак медленно тянул свой любимый коньяк с изображением ласточки на этикетке.

Вот это отдых!

Хорошо на флоте, одно только плохо — не любил Арчegov морской соленой воды. Так ведь боевые корабли погибают не менее редко, чем горят сизым пламенем на поле брани танки и броневики. Но из горящих железных ящиков хоть вылезти можно и к матушке-земле прижаться, ища защиты и спасения, а здесь что делать?! Топориком или утюгом, без всплеска до самого дна, чтоб одни пузыри к поверхности пошли?!

— Британские дредноуты нам не нужны, Константин Иванович. Во-первых, у нас нет просто золота, чтоб их выкупить даже по той низкой цене, а во-вторых, они намного слабее нашего — восемь двенадцатидюймовок в бортовом залпе против дюжины. Да и их «орионы» или «Куин Элизабет» утопят эти «подарки» парой залпов. И главное, на них просто не наберем экипажей — две тысячи матросов нам с неба не упадут.

— А крейсера там, мониторы?

— А зачем, Константин Иванович? Теперь сможем за год достроить на Николаевских верфях «Адмирала Нахимова», плюс старый «Кагул» имеется. Мониторы? Это корабли для войны на мелководье, но их спокойно наши «эльпидифоры» заменят или самоходные баржи

«болиндер». За год-другой мы достроим и два николаевских «Новика», а также усилим подводную флотилию на четыре лодки АГ, одна из которых уже введена большевиками в строй. И канонерки в Николаеве к спуску давно готовы, три единицы вполне достроенных кораблей нам не помешают. Так что обойдемся без этой навязчивой британской помощи!

— Это очень хорошо! Но спускать им тоже нельзя! А то повадились тащить у нас все, что плохо лежало!

— Я потребовал у них немедленно вернуть наш крейсер «Муравьев-Амурский», который итальянцы уже в «Бари» переименовали, и два эсминца русского типа.

— Почему два?! В мае речь шла о трех, насколько я помню!

— По одному взяли Франция и Италия, а третий оказался негодным и пошел на доукомплектование первых двух. Англичане нам клятвенно пообещали, если применимо вообще это слово, что приложат максимум усилий, чтобы вернуть наши корабли. Но, сами понимаете, вырвать их у итальянцев они вряд ли смогут, если только на свой крейсер не поменяют. Тут варианты возможны, будем ждать.

— Будем ждать, — покладисто согласился с адмиралом Арчegov и отхлебнул из бокала хереса, посмаковав. Затем закурил длинную папиросу с пахучим турецким табаком — контрабанда с южным соседом процветала, особенно теми товарами, которых в Южной России не имелось. Тут таможня и пограничная охрана дружно «закрывали» глаза на предприимчивых османов или греков, хотя шедшие из Румынии лайбы перехватывали и, недолго думая, подвергали конфискации.

— Да, кстати, адмирал, совсем забыл. Вы на Каспии уже получили от красных корабли?

— Вчера в Петровск пришли три эсминца типа «Украина» и две подводные лодки, «миноги».

— Вот видите, с большевиками можно иметь дело... Когда им это выгодно. От головной боли избавились, на Каспии нам больше никто не угрожает! Ведь так, Александр Васильевич?

— Ни Персия, ни большевики военным флотом там не обладают. Так что можно быть спокойными — нашим перевозкам с Гурьевом угрозы нет. И с Закаспийской областью. Правда, Константин Иванович, содержать флотилию, у которой нет противника, будет накладно. Все же это две канонерки и три эсминца специальной постройки, две подводные лодки и катера.

— Так перевезите по железной дороге мелочь и подлодки на Черное море, может, там и пригодятся?

— Смысла нет, Константин Иванович. «Миноги» давно пора списывать. Лучше учебный отряд на Каспии сформировать.

— Резонно. Вы морской министр, Александр Васильевич, вам и решать. — Арчegov улыбнулся во весь рот и тут же делано удивился, хлопнув себя ладонью по лбу: — Я совсем забыл. Троцкий в Москве подарок нашему флоту решил сделать. На Севере норвежцы нас донимают, селедку не дают ловить. Шпицберген, наш Грумант, уже своим считают, как вы знаете. На Новую Землю пасть раззявили, рыбку там без лицензии ловят. У нас даже японцы платят, хоть и немного. А потому в Москве... Короче, большевики не против, если мы потомков викингов этой самой сельди самих на корм пустим. Очень даже не против, прямо жаждут!

— Любое ослабление нас во внешних конфликтах и войнах Совнаркому только во благо, потому и не возражают. И что же предложил вам этот демон с козлиной бородкой?

— Вызвал к себе в кабинет военспеца под фамилией Беренс. Бывший морской офицер. Он, случаем, не родственник нашему адмиралу, что корабли во Владивосток привел?

— Родной брат, Константин Иванович. Такое, к сожалению, слишком часто встречается — у красных служат Галлер, Немитц, Белли и многие другие морские офицеры.

— Гражданская война, что ж здесь сделаешь! Так вот, этот Беренс предложил нам забрать

наиболее новые корабли, пока они на ходу, и перевести их на Мурман. У них более-менее пригодными к этому делу являются крейсер «Адмирал Макаров», пара эсминцев типа «Новик» да один или два «Барса». Как только мы отправим в Кронштадт экипажи, нам немедленно их там передадут. Правда, военспец предупредил, что по пути из Балтики корабли необходимо будет отремонтировать в Англии, а то до Севера они просто не дойдут. И заверил, что одного крейсера хватит, чтобы все норвежские броненосцы на дно пустить. Мыслью, что сомнительно...

— По водоизмещению и вооружению крейсер типа «Баян» превосходит пару норвежских броненосцев береговой обороны. Большевики вам предложили лучшее, что они сами имеют. «Адмирала Макарова» строили во Франции, относительно новый крейсер, едва 12 лет в строю. Вооружен прилично — три восьмидюймовки и дюжина пушек в шесть дюймов. Эсминцы и подлодки военной постройки и, думаю, нуждаются в капитальном ремонте.

— Резонно, — понятно кивнул Арчegov, — качество всегда страдает в ущерб срочности. Вот только где мы на них тысячу моряков в экипажи наберем? На Мурмане вполосину меньше моряков сейчас на флотилии насчитывается и все на кораблях и ледоколах расписаны.

— Можно наберечь матросов здесь и на Севере, но нужно золото. Вот только не будут ли наши отношения с Англией к тому времени настолько испорчены, что ремонт у них станет невозможен?

— Какая жалость! — ухмыльнулся Арчegov и моментально стал серьезным, даже бокал с хересом в сторону отставил. — У меня имеется договоренность с Троцким — они отремонтируют нам корабли собственными усилиями, покажут чудеса коммунистических субботников.

— А как они заменят...

— За счет «каннибализма» систершипов.

— Это невозможно! — отрезал Колчак. — После такого ремонта нам потребуется ставить их в док снова. Мы просто выбросим деньги на ветер, Константин Иванович! Я категорически...

— Не торопитесь, Александр Васильевич. Мы отправим своих инженеров и часть матросов, которые примут в этом участие. Более того, я считаю, что такая мощная флотилия на Каспии нам не нужна. А потому эсминцы и канонерские лодки следует провести по Волге и каналам на Ладожское озеро, где у нас напряженные отношения с финнами. Ну, а в навигацию следующего года перевести их на Мурман.

— Позвольте, Константин Иванович, мне решать, где будет нужен флот и в каком составе. На Севере столь мощная флотилия нам просто не нужна, и тем более на Ладоге...

— Александр Васильевич, — искренне взмолился Арчegov, — к навигации наши корабли с экипажами должны быть на Балтике и готовы к переходу на Север. Полностью подготовленными, с укомплектованными по штату экипажами, включая морскую пехоту, и с погруженным боезапасом. Готовы и к походу, и к возможным случайностям, которыми изобилует смутное революционное время...

— Так... — задумчиво протянул Колчак и пристально посмотрел на своего молодого коллегу: — Кладите карты на стол, Константин Иванович. Вскрывайтесь, вижу, что задумали что-то серьезное!

— Видите ли, Александр Васильевич, в той истории в марте будущего года в Кронштадте восстал флот. Под лозунгом «За Советы без коммунистов» выступил. Однако матросский мятеж был преждевременным — большевики атаковали Кронштадт по льду пехотой, линкоры потому не имели хода и не могли стрелять. Восстание было подавлено...

— Так это случилось в той истории, Константин Иванович! Почему вы уверены, что события пойдут по такому же сценарию?!

— Разочарование в Советской власти есть, и оно нарастает, как снежный ком. Если зимой

поход на запад обернется для большевиков крахом, то мятеж неминуем. И будет попозже, как раз к лету.

— И вы хотите иметь в этот момент на Балтике наш отряд? Вам не жалко потерять корабли и полторы тысячи матросов и офицеров?! Большевики прихлопнут их, как назойливую муху!

— Если флот восстанет, то наши экипажи здорово помогут мятежникам. А Кронштадт с линкорами... Это револьвер, приставленный к голове большевистской революции. Надеюсь, вы понимаете это? Как и то, какие перспективы перед нами вырисовываются?!

— Понимаю... — задумчиво произнес адмирал и тихо спросил: — Но если матросы не восстанут?

— То мы отправим отряд на Север. Потому что война с большевиками будет отложена еще на год, и ни они, ни мы не будем заинтересованы в возобновлении боевых действий.

— Для Мурмана это слишком большие силы. Содержание их будет для нашей казны слишком накладно.

— Север стоит пустым, адмирал. Нам нужно его развивать. В устье Енисея богатейшие никелевые и медные руды, разработка их жизненно необходима и даст большую выручку в будущем. Да и ледоколы смогут провести караваны за одну навигацию во Владивосток. Так что эскадру со временем уполовиним. Но Северный морской путь для нас очень важен.

— Вы хотите...

Колчак не договорил, но его глаза засверкали. Он словно питал какую-то надежду, но боялся разрушить ее одним словом.

— Вы знаете Север, Александр Васильевич. И главное то, что вы его любите. Правительство Вологодского будет выделять значительные средства на исследования и экспедиции. А потому ваш долг перед будущим России вернуться туда. Тайны Арктики ждут вас, Александр Васильевич, ведь вы еще молоды, вам нет и пятидесяти лет. И я знаю, что вы справитесь с этим делом, и русский флаг будет развеиваться надо льдами. Мы должны встать там твердою ногою, адмирал. И сделать это сможете только вы!

— Хорошо, — коротко ответил Колчак, в глазах плескалось какое-то детское ликование, — но у меня одна просьба.

— Я выполню ее, обещаю.

— Отряд возглавлю сам. Большевики знают, что я полярный исследователь, а потому это вызовет у них больше доверия. А на Черноморский флот нужно назначить вице-адмирала Кедрова.

— Пусть будет так, я принимаю ваш выбор и разделяю его, — Арчegov пожал плечами и мысленно усмехнулся, скрывая удовлетворение: «Это я с нужной масти зашел. Много ли человеку для полного счастья нужно!»

Иркутск

— За последние дни, Иван Иннокентьевич, — Вологодский зябко подернул плечами — его знобило, председатель Совета министров часто болел летом, простуда постоянно цепляла его, — вы несколько раз беседовали с послами «союзных» нам государств...

— Наиболее активен был «месье», при полном попустительстве к его желаниям «джентльмена» и «мистера». — Серебренников изволил пошутить, что было ему совершенно несвойственно. Тягу к юмору министр экономики Сибири напрочь утратил, когда в декабре прошлого года принял этот чересчур хлопотный и нервный пост.

— Мы не собираемся идти на поводу у кого бы то ни было. — Вологодский закашлялся, приложив платок к губам. — Если от уплаты царских долгов были освобождены Польша,

Финляндия и прибалтийские страны, то и мы не собираемся швырять свое золото. Пока не будут платить другие государства, входившие ранее в империю.

— Петр Васильевич, — Серебренников вытер платком лоб — ему было жарко, — французы настаивают на том, что не определен вклад этих стран в экономику империи. А потому они могут не платить, а, наоборот, будущее правительство России обязано будет возместить им ущерб за годы всего состояния в российском подданстве.

— А шиша они не хотят получить?! — Болезненная бледность на щеках стала окрашиваться багровым румянцем. — Нас хотят заставить отдать золото и еще платить по царским долгам?!

— И по займам Временного правительства!

— Они не получают ничего и могут выбросить бумаги с русскими займами на ближайшую помойку! — Вологодский взъярился, что было чрезвычайным делом. — Мы не Россия, а Сибирь, и золотой запас империи полностью состоит из золота, которое добыли здесь! Если мы начнем определять свою долю, то ляхи и чухна без штанов останутся и будут дальше квакать в своих болотах. Пока они платить не будут, то и мы платить не станем. Надеюсь, что вы, Иван Иннокентьевич, объяснили это «союзникам»?!

— Вполне достаточно, Петр Васильевич, и не уступал их давлению. Хотя господин Гаррис не настаивал, наоборот, он счел мои возражения вполне разумными и достаточными. Как и господин Като, который предложил вообще снять долговые обязательства с Сибири или сделать их прямо пропорциональными доле нашего населения в империи.

— Япония и САСШ стоят на нашей стороне, и этого вполне достаточно, чтобы отвергнуть наглые французские домогательства. — Вологодский устроился удобнее в мягком кресле и поправил лежащий на коленях плед. — В прошлый раз они потребовали платить им по процентам от величины занятой нами территории. Я был бы последним идиотом, если не то что принял, а попытался обсуждать столь возмутительные предложения.

— Я полностью согласен с вами в этом вопросе, Петр Васильевич, — Серебренников улыбнулся краешками губ. Его широкий и большой лоб покрылся мелкими каплями влаги.

— В дальнейшем я категорически откажусь вести какие-либо переговоры по долгам без участия всех заинтересованных сторон, включая и государства Балтийского моря.

— Польшу теперь можно не считать, она стала коммунистической. — Вологодский отпил лечебного настоя из стакана. — На очереди Германия, и недалек тот час, когда англичане с французами заговорят с нами заискивающим тоном... Да, это время очень близко...

Серебренников с молчаливым участием смотрел на больного премьер-министра, откинувшегося на подушку от усталости. После московских событий и полученного ранения Петр Васильевич стал чаще прихварывать, но, к великому удивлению окружения, более энергично работать и чаще занимать бескомпромиссную позицию, с напором отстаивая интересы сибирской государственности.

— Нужно предложить, Иван Иннокентьевич, немедленно собрать в Лондоне международную конференцию по всем проблемам, связанным с распадом Российской империи. На основе равноправного участия всех заинтересованных сторон...

— В таком шаге заинтересован и британский кабинет, Петр Васильевич. И посол тоже предложил Лондон.

— Еще бы им быть в стороне! Это их любимая политика — участие в различных конференциях, дабы лоббировать британские интересы и с общего согласия получить то, что нужно, — Вологодский хмыкнул и с некоторым оживлением потер ладонь об ладонь.

— Но с этим вряд ли согласятся французы. И нам следует опасаться их интриг, в которых они известные мастера. Весь этот поток клеветы, порочащий вас и Константина Ивановича,

профинансирован нашим газетчикам, как мне удалось узнать, именно французскими деньгами.

— Мне это давно известно, Иван Иннокентьевич.

— Так почему вы не ликвидируете эту грязную помойку, в которой наше правительство обвиняют в сговоре с большевиками и получении от последних... крупного вознаграждения, я бы так сказал.

— Взятки? Ведь именно это вы имели в виду? — Вологодский издал смешок. И повеселел: — Эту газетную возню мы можем перекрыть в любой момент, начав судебный процесс и разорив издателей. Требуемые документы у нас есть, да и военный министр, как вы знаете, все... Как это он сказал? — Петр Васильевич пожевал губами. — Проспонсировал! Вот-вот! Проспонсировал детский дом, взяв с них расписку и подписанный уважаемыми профессорами университета полный перечень переданного имущества. Но еще рано прибегать к такой мере.

— Почему? — Серебренников был искренне удивлен такой терпеливостью премьер-министра к клеветникам.

— Не далее как вчера спецпредставитель САСШ полковник Донован предупредил, что на меня возможно покушение группой эсеров, которым заплатил помощник военного агента капитан Жиро, щедро заплатил, не торгуясь. Об этом, кстати, давно знает ГПУ, известно также и полковнику Фукуде, который тоже выступил с предупреждением.

— Вы приняли меры?

— Конечно, панцирь под одеждой давно ношу, с июня. И с вас требую того же. Покушение не опасно — убийцы будут схвачены на днях, вместе с заказчиком, этим французским капитаном. Мы их поймаем на горячем, схватив за руку. И предадим суду!

— Офицер имеет дипломатическую неприкосновенность. Это вызовет серьезное осложнение в наших отношениях с Францией.

— Плевать! — Вологодский приподнялся, глаза гневно засверкали. — Они до сих пор не признали нас де-юре, не приняли нашего посла, но своего здесь держат да еще долги с нас требуют. А теперь еще и покушение на меня готовят чужими руками, дабы войну с красными вызвать. Не удивлюсь, если и в Константина Ивановича, и в вас тоже начнут пулять! С этим нужно покончить раз и навсегда! Хватит нас за совсем безмозглых держать! Мы их выпнем отсюда, чтоб духа лягушатников здесь не было!

Серебренников наклонил голову, как бы соглашаясь, но пряча неуместную улыбку. Теперь он полностью уверился, что гарантии от трех великих держав получены и предпринятые меры будут одобрены. Ну что ж, они свою выгоду блюдут — такой сытный пирог, каким является Сибирь, гораздо лучше делить на троих, чем на четверых.

Но и генерал Арчegov в который раз оказался прав, предвосхитив события и сказав однажды, что в конце концов останется только один всадник, ибо Боливар двоих не вывезет, не говоря о четверых. И вряд ли этим седоком будет тот, кто говорит на непонятном сибирякам языке...

Тешин

— Не бойся, ничего не бойся. Я с тобою!

Иржи Колер прижал к себе жену, глядя ее по волосам, а сам смотрел в окно, прикрытое занавеской, — в щель были хорошо видны идущие по улицам городка красноармейцы.

Это была настоящая армия, не та, которую он видел весной прошлого года, как раз перед тем, как чехословацкие полки покинули фронт и были отведены на охрану Транссиба: солдаты были неплохо экипированы, пусть и с некоторой разношерстностью.

Вначале по улицам процокали копыта примерно двух сотен всадников в ладно пригнанных

защитных гимнастерках и в остроконечных суконных шлемах, похожих на старинные русские «богатырки». Поперек груди шли нашитые синие полосы — Колер уже знал, что их именуют «разговорами».

За ними, в ногу, а не вразнобой, прошло не менее двух батальонов пехоты, у многих на груди уже были красные полосы и такие же шлемы, хотя некоторые солдаты были в железных касках или фуражках. Впрочем, последние носили и все красные командиры, в которых угадывалась офицерская выправка, вбитая намертво в старой русской армии.

Иржи тяжело вздохнул — он никак не ожидал, что за годы, проведенные в России, легионеры настолько пропитаются духом революции и откажутся воевать, разбежавшись после первых же выстрелов, дабы не остаться с носом и не получить штык в брюхо.

Дезертировал и он сам, но хоть законно, сославшись на полученные в боях ранения, и теперь смотрит в окно на победителей, которые принесли со своими винтовками и листовки, обещавшие «заводы рабочим, землю крестьянам, а деньги всем обездоленным».

— Их уже не остановят? — с нескрываемым страхом спросила его жена, и в ответ Иржи мотнул головою.

Он полностью разделял ее страхи и не надеялся на то, что чехи воспылают жертвенностью. Да и как они могут, если каждый второй солдат побывал в России и видел, какую власть взяли в руки униженные и угнетенные.

После этого прикажете чехам воевать за интересы банкиров и заимодавцев?! Или принять пулю, защищая владельца, у которого за чудовищную плату арендуешь несколько акров земли? Или торговца, что дерет с тебя две цены, а заодно три шкуры?! Или за алчного фабриканта, на которого работаешь как проклятый, потому что боишься стать безработным и потерять кусок хлеба, на который масло раз в неделю мажешь!

Но то чехи, а про словаков, что втайне их ненавидели, Иржи вообще не мог сказать ничего доброго. В прошлом году те даже ненавистных венгров к себе домой пустили и советскую республику живо объявили.

Теперь красные не с юга, а с севера к ним придут через карпатские перевалы, которые никто оборонять не станет, можно и не надеяться. А там большевиков ждут как своих избавителей, а в соседней Венгрии им вообще обеспечен самый теплый прием, как долгожданным гостям.

— Нет, Настена, — только и ответил жене Иржи и поцеловал в лоб, — боюсь, их уже никто не остановит. Ни здесь, ни в Карпатах. И честно скажу тебе — я не ожидал, что они создали такую армию.

— Они же русские, — тихо произнесла жена, — и не нам, чехам, с ними бороться. Потому я горжусь ими и боюсь их. Но, может, они другими станут? Я вижу среди них много бывших офицеров.

— Я тоже на это надеюсь. По крайней мере, скажу правду, что дрался с белыми сибиряками и получил удар шашкою от казака. Может, даже паек выпишут, как бойцу пролетариата. — Иржи нашел в себе силы и пошутить, и успокоить жену. Тяжело вздохнул и, будто подводя черту, тихо произнес: — Нам нужно к ним приспособливаться, Настена. Ибо их никто не остановит. А потому пойду завтра в ревком — тот, кто первый придет, завсегда сытым будет. А я инвалид...

— Не торопись, муж мой. Я знаю, кто остановит большевиков!

— Французы? Вряд ли. А на немцев я не надеюсь, у них самих заматня идет знатная!

— Нет, Иржи, не французы. Я с гимназии хорошо помню, что они сами к революциям предрасположены. Гильотины кто придумал? Нет, мой муж, их остановят только русские, те, кто этой заразой уже давно переболел. Нам нужно только ждать и надеяться!

Благовещенск

— Я рад вас видеть, Владимир Оттович. И вас, Петр Игнатьевич!

Командующий ВМС вице-адмирал Смирнов крепко пожал офицерам руки. С мая он их откровенно выделял, правда, как это водится, чинами и наградами за отличие в тех прискорбных событиях их обошли.

Впрочем, и Миллер, и Тирбах были не в обиде — первый покомандовал целой флотилией, пусть и временно, а второй почти неделю охранял со своими десантниками царский дворец и удостоился его величеством весьма благосклонной беседы...

— Ваш прорыв по Шилке и Амуру пришелся как нельзя вовремя. Здесь остро не хватает бронекатеров для предстоящего похода... В обратном направлении. А потому вам, Владимир Оттович, предстоит командовать этим отрядом, куда, кроме ваших катеров и понтонов, войдут две канонерские лодки и монитор. Топливо имеется в достатке, вам будут приданы пароходы обеспечения и баржи с буксирами.

Михаил Иванович подошел к карте, на всю длину которой шла широкая голубая лента Амура с его многочисленными притоками. Красных булавок на ней не просто убавилось, в середине они почти исчезли. На всем протяжении реки и железной дороги, от Благовещенска до Хабаровска, царили исключительно белые цвета.

Всего за пять недель энергичными действиями войск, флотилии и казачьего населения удалось освободить огромную территорию от партизан. Он отдавал должное предприимчивости и решительности барона Врангеля — тот сделал все возможное и невозможное, чтобы доказать свой талант полководца, а не только интригана, что неоднократно вел «подкопы» под главнокомандующего ВСЮР генерала Деникина.

Хотя повстанцы оказали не слишком серьезное сопротивление — острая нехватка оружия и боеприпасов, массовое дезертирство местных крестьян значительно ослабили их силу, а китайцы, напуганные появлением на реке мощных мониторов, перестали оказывать мятежникам поддержку. Так что именно корабли стали той силою, что переломила ход событий.

Теперь с весны до поздней осени от Сретенска в верховьях Шилки до Николаевска в устье Амура русские корабли стали играть немаловажную роль и в политике. Этот серьезный фактор сразу учли китайцы, особенно маньчжурские генералы, знавшие, что в случае конфликта с северным соседом его мониторы пройдут вверх по Сунгари до самого Харбина, центра КВЖД, как нож сквозь масло, сметая все на своем пути.

Власти Поднебесной резко сменили тон, перейдя от вежливой наглости к не менее вежливой угодливости. Достаточно было посмотреть на кривляния их губернатора города Сахалиня, который в одночасье стал беззащитным перед крупнокалиберными морскими пушками.

Наверняка призадумались и ненадежные союзники японцы. Теперь они поняли, что белые русские в гражданской войне обойдутся и без их помощи, и та настойчивость, с которой правительство Вологодского требовало эвакуации японских войск, имела под собой серьезную опору на собственные силы. Да и тон сыновья Восходящего солнца сбавят, а то уже чуть ли не требуют передачи им всего Северного Сахалина.

— А хрена горького вкушать не желаете?! Или редьки, что вряд ли будет слаще?! — с нескрываемой угрозой тихо пробормотал адмирал, забывшись, что в кабинете продолжают стоять прибывшие по его приказу офицеры, потом опомнился и снова пристально посмотрел на карту.

По сердцу словно резануло сталью — да, Забайкалье белые освободили, вытеснив партизан за станцию Ерофей Павлович, названную так в честь атамана Хабарова, первооткрывателя этого края. Уставшему отряду Врангеля до этой станции идти от Зеи чуть ли не тысячу верст, если генерал Сахаров будет недостаточно энергичен. Хотя...

— Владимир Оттович, — адмирал повернулся к Миллеру. — Позвольте поздравить вас капитаном второго ранга, который вы давно заслужили. Председатель Совета министров Вологодский подписал ваше производство в этот чин. Как и ваше, Петр Игнатьевич! Так что примите мои самые искренние поздравления, господа!

— Служим царю и Отечеству! — громко ответили офицеры по уставу. А их лица помимо воли осветились радостными улыбками. И Смирнов решил этим воспользоваться, дабы еще более увеличить рвение моряков.

— Владимир Оттович, — обратился он к Миллеру, — на подготовку к походу отвожу вам трое суток. К концу октября ваш отряд должен быть снова в Сретенске, где катера встанут на зимовку. Но вам от устья Шилки предстоит обратный путь к Благовещенску с мониторами и канонерками.

Смирнов посмотрел на удивленное лицо офицера и спрятал улыбку в усах, которые он отращивал с зимы. Так уж повелось на флоте, что усы были привилегией офицеров, а борода для адмиралов. И обязанностью, от которой многие с удовольствием избавились, как только царь отрекся от престола. Но теперь все вернулось на круги своя, и флотские офицеры снова принялись холить и нежить свою «растительность».

— Вы распорядительный и энергичный офицер, и я принял решение назначить вас командующим, ибо на флоте не должно быть начальников — мы не канцелярия — Благовещенской базы и порта, с передачей под ваше управление Шилкинского, Аргунского и Верхне-Амурского отрядов. Последний самый сильный — кроме катеров и пароходов, в него входит 3-й дивизион канонерских лодок и два монитора. Кроме того, будет передан батальон морской пехоты. Приказ я подпишу по вашему возвращению сюда. Да, по новому расписанию сия должность подразумевает орлов на погонах. Так что все зависит только от вас. Вы все поняли, Владимир Оттович?!

— Так точно, ваше превосходительство!

Смирнов улыбнулся, глядя на побагровевшее от потрясения лицо Миллера — тот не мог поверить, что крепко ухватил синюю птицу Фортуны за пестрый хвост. Вот это и есть, как часто любит весьма странно приговаривать генерал Арчegov, «материализация духов и раздача слонов».

Бреслау

— Ферфлюхте!

Гауптман Хайнц Гудериан морщился от боли, баюкая на перевязи раненую руку. Повезло, что клинок вскользь пошел, стесав только кусок мяса, а мог бы и всю руку начисто отрубить.

От его роты остались жалкие ошметки, и теперь, сидя под сосной, он вспоминал все перипетии столь неудачно сложившегося для его разгромленного и начисто истребленного полка боя.

— Доннерветтер!

Капитан выругался еще раз, облегчив крепким словом душу. Русские оказались совсем не тем противником, к которому он привык, тем паче зная по прошлогодним боям в Латвии. И тут капитан произнес такие слова, что не каждый флотский боцман имеет в своем лексиконе.

На этот раз офицер недобро помянул коварных латышей, которые, испугавшись красного

нашествия, попросили немцев защитить их, а взамен щедро пообещали каждому германскому солдату солидный участок земли в пять-шесть акров, полноправное латышское гражданство и прочие блага, с новым статусом связанные.

Немцы размышляли недолго — жизнь в голодной и униженной Германии, где булка стоила тачку обесценившихся марок, их не прельщала, а потому зольдатен примкнули к своим винтовкам «маузер» длинные кинжальные штыки и быстро вышибли красных из Риги. А затем с боями погнали хваленых большевистских латышских стрелков до Пскова. На этом война и закончилась — Москва признала независимость Латвии.

Однако предвкушение долгожданного счастья на новой родине и мечтания о собственном хуторе вскоре рассеялись, как дым, как утренний туман над речкой — быстро и без остатка.

Латышский сейм без капли стыда и совести заявил, что раз Антанта приняла решение, по которому все соглашения с немцами являются недействительными, то и Латвия оные соблюдать не будет и показала немцам хороший кукиш. А чтоб зольдатен войну не устроили, в Двину вошли английские крейсера — пушки всегда и во все времена являлись хорошим доводом к рассудку. И обманутые немцы смирились, но очень нехорошо отзывались о латышском коварстве...

— Герр гауптман, они все идут и идут... — Тихий голос ефрейтора вывел капитана из воспоминаний, и он посмотрел на дорогу, которую было хорошо видно от опушки, где под прикрытием густых кустов лежали два десятка уставших солдат «черного рейхсвера».

Гудериан поднес к глазам добрый цейссовский бинокль — длинная колонна красной кавалерии время от времени разрывалась пароконными повозками и орудийными запряжками.

Иногда шли и стрелки, от роты до батальона, довольно быстро, почти не отставая от конных. В марше все было продумано до мелочей и порядок не хуже знаменитого немецкого орднунга.

Как это не походило на рассказы бывалых ветеранов о безумных русских атаках на Стоходе в «Ковельской мясорубке» или под Барановичами, когда здоровенных русских гренадеров немецкие пулеметчики валили гроздьями на проволочных заграждениях.

Нет, эти русские наступали совсем иначе. Их кавалерийские разъезды хоть и были отогнаны стрелковым огнем, но свое дело сделали, провели толковую разведку и обнаружили между вытянутыми полками рейхсвера разрыв. И тут же ударили, подведя на рысях артиллерию, включая легкие гаубицы. А вскоре на потрепанный обстрелом батальон, где ротой командовал Гудериан, навалились танки.

Да-да, танки, Хайнц не мог ошибиться. Хотя их прямые бронекорпуса походили на бронеавтомобили «Остин», но пулеметные башенки стояли диагонально, а вместо задних колес стоял гусеничный движитель.

Пять танков стремительно обошли фланг и буквально прочесали продольным огнем фузилеров, не имевших из-за навязанных жестоких условий Версаля противотанкового оружия, даже маломощных по Западному фронту уродливых ружей 13-мм калибра. А единственная батарея легких пушек была принуждена к молчанию втрое большим числом русских орудий.

Германская пехота не выдержала танковой атаки и стала отступать под огнем, теряя порядок, а потому и не смогла отразить стремительную атаку тысячной кавалерийской массы, что взяла несчастных немецких стрелков в клинки, вырубив всех начисто.

Роту Гудериана спасло только то, что на нее навалился всего один конный взвод, атаку которого удалось отбить, хоть и с потерями, и то, что лес был рядом и фузилеры смогли в нем укрыться.

Теперь перед глазами капитана все шли и шли эскадроны красной конницы — в прорыв вошло не менее двух красных кавалерийских дивизий, за которыми уже пошли густые колонны

пехоты.

И к великому удивлению всех укрывшихся в лесу немцев, выгоревшие на солнце русские гимнастерки стали чередоваться с серым германским «фельдграу», не уступающим им в количестве, но превосходящим в качестве, — Хайнц видел настоящий, вроде канувший в прошлое «кайзер-марш». В таком темпе за двое суток фузилеры могли пройти за двое суток не менее ста километров.

— Изменники!

— Гнусные «спартакиды»!

— Мерзавцы!

Солдаты тихо ругались сквозь стиснутые зубы — нелегко было видеть таких же немцев, как и они сами, прошедших через горнило Вердена и Соммы. И, помимо воли, многие задумались — может, не так и не правы красные, когда говорят, что нужно смыть кровью позор Версаля и поднять французских и английских буржуев, разжиревших на немецкой крови и голодающих детях, на острые кинжалы штыков.

— Вот так мы достигнем будущих побед!

Гудериан представил, что будет, если атаковать не десятком пулеметных танков, а несколькими сотнями, да с пушками. А следом пустить бронированные грузовики с пехотой и массу кавалерии, как только что продемонстрировали ему болезненным, но нужным уроком красные. Такой прорыв даст победу!

— Это будет блицкриг!

Ливадия

— Мики, по большому счету, выбор делать тебе, а не мне. — Арчegov откинулся на мягкую спинку кресла. — Сычев свою роль сыграл и избавил Сибирскую армию от балласта с генеральскими погонами. А если ты не проведешь такую же операцию здесь, то через полгода красные сбросят твое воинство в Черное море. Хочешь, приведу один пример, наглядный, как в школе говорят, как раз для детишек младшего возраста.

— Зачем ты язвишь, Костя?!

— Вспомни шестнадцатый год, Мики, — Арчegov игнорировал заданный ему вопрос. — Приняли план кампании, согласовали — Эверт с Западным фронтом наносит главный удар, а Брусилов с Юго-Западным — вспомогательный. Твой коронованный братец сей план утвердил, он же Верховный. И что вышло?! Эверт за несколько дней до начала операции предложил ее перенести в другое место, и Брусилов ударил один. А Западный фронт так и не оказал никакой помощи — одни проволоочки чинил. Северный фронт вообще Куропаткин возглавлял, многократно битый в Маньчжурии японцами. Это был выбор твоего брата, и вся Россия убедилась, что страна с таким «хозяином» во главе не способна воспользоваться плодами прорыва и победить потому не сможет.

— К чему ты мне это говоришь? — Михаил наклонился над столом, гнев ударил ему в голову. Поведение Арчегова казалось ему оскорбительным, недостойным для друга.

— Как к чему? — делано удивился генерал, и его лицо исказила кривая глумливая ухмылка. — Ты думаешь, мне приятно видеть, как ты пошел дорожкой своего глуповатого и упрямого, как осел, брата с ба-альшим самомнением? Как же, «хозяин земли русской»! Ведь так он себя именовал по переписи? И ты тоже сталкиваешь уцелевший огрызок России в пропасть, от края которого мы смогли отползти?! Как же мне еще с тобою говорить прикажешь? Если тебе лезть в голову ударила! От жопы, прости за выражение, отлегло, и за старое принялись?! Да ты хоть подумал над тем, к чему твои действия привести могут? И не смотри на меня волком —

если не я, то кто правду-матку тебе в глаза резать будет?! Эти прихлебатели, что ничего путного не создали, зато ну оч-чень большие за-аслуги перед державой имеют?!

— Костя! Ты не имеешь права так говорить!

— Да? У меня совсем иное мнение на этот счет. Если я тебе не скажу это сегодня, то завтра будет уже поздно. Если ты оскорблен, то я могу снять погоны с твоими вензелями и аксельбанты и уеду в Иркутск! Вот только проигрыш будет взаимным — Сибирь не будет дойной коровою, Вологодский прекрасно знает, что здесь происходит. И хуже того — у нас в газетах создавшееся положение здесь, на юге, служит предметом самого горячего обсуждения. Майские события проложили между тобой и правительством трещину, и если ты не покажешь себя реформатором, то она станет пропастью. А реформы, настоящие, с учетом революции, жизненно необходимы. Их задержка может обернуться трагическими последствиями. Ты учиываешь это?

Михаил Александрович не ответил, только молча курил — под кожей на щеках катались желваки, лоб был нахмурен. Еще будучи великим князем, он очень не любил, когда на него так давили. Но тогда на престоле был несчастный брат, а сейчас он сам.

— Ты меня прости, Мики, но иначе я не могу. Дело нужно либо довести до логического конца, либо не браться за него совсем. Знаешь, сказавши «А», нужно говорить и «Б». Видишь ли, я понимаю, что такое частная собственность, особенно на землю. Я тебе много раз говорил о том, ты внимал, но закона так и нет. А потому подавляющая масса крестьян настроена здесь против нас...

— Но ведь в Сибири она поддерживает правительство!

— Там никогда не было помещиков, и к тому же мы передали землю не в собственность, а в долговременную аренду или совместное владение. У селян это с молоком матери впитано — землей не может владеть кто-либо, продавать и покупать по собственному усмотрению. Землица Божья! Вот и решай — или ты поддерживаешь старый порядок и несколько тысяч помещиков и дожидаясь, пока тебя скинут в море, или принимаешь революцию и передаешь землю крестьянам. Другого выбора нет! А если тебя терзает совесть по поводу изъятия чужой собственности, то передай вопросы, связанные с компенсацией, на рассмотрение Учредительного собрания. Вот только нынешние, вернее, бывшие владельцы ни хрена не получают! А потому закон ты должен вытащить из-под сукна, под которым он полгода отлеживается, и немедленно подписать. Все, Мики, времени нет!

Арчegov расстегнул карман кителя и вытащил листок бумаги с наклеенными телеграфными строчками. И протянул его Михаилу Александровичу, который долго изучал его. И после тягостного молчания тихо спросил:

— Это ведь ультиматум?

— Да, — кивнул Арчegov. — Нам удалось оттянуть решение Народного собрания, которое столь резко выступило против чинимых тобой проволочек. Мы вынуждены считаться с этим — ибо депутаты правы. Я понимаю, со старым порядком и знакомыми с детства людьми рвать трудно, ибо душа истекает кровью. Но это нужно делать, ибо на другой стороне миллионы людей, которые сейчас тебе враги, а могут стать твоими подданными. Выбор за тобой, Мики. Но скажу тебе честно и прямо — я останусь с народом! Ибо за ним будущее, а не за отдельно взятым человеком, какой бы он пост ни занимал. Новороссия перед тобой, и народ там, познакомившись со всеми прелестями большевизма, ждет твоего решения.

Генерал поднялся с кресла, лицо приняло отрешенное выражение. Он сказал больше, чем хотел, просто выбора не осталось.

— Вам нужно еще раз подумать, ваше величество. Я не буду настаивать на немедленном ответе, но приду за ним завтра, как потребовало правительство Сибири. Честь имею!

— Постой...

Михаил тяжело поднялся с кресла и подошел к дубовому секретеру. Открыл створку, достал толстую сафьяновую папку с золоченым орлом и уселся за стол, положив на него листы с заранее подготовленным для России и Сибири законом, уже подписанным Вологодским.

Осталось только подписать закон премьер-министру Кривошеину от имени Южно-Российского правительства и завизировать царской подписью, с символичным — «Быть по сему».

— Пригласите Александра Васильевича Кривошеина ко мне, — произнес Михаил Александрович в телефонную трубку и повернулся к Арчегову: — Премьер во дворце — мы подпишем закон немедленно.

Слова давались монарху нелегко, они как бы выдавливались из горла. Константин мог только посочувствовать, но ни в коем случае не показать этого. Ох уж эта российская волокита — дом будет гореть, но при этом не почешутся. Но не пожалел о сказанном, ибо знал, что сейчас будет не менее сложный разговор.

— И еще один вопрос, ваше величество. Когда военный министр Сычев начал свою чистку, у нас в Сибирской армии было почти две сотни генералов. Сейчас всего двадцать шесть, и производить кого-либо в этот чин пока не предусматривается. Но от сокращения генералов армия отнюдь не ослабла, а даже усилилась, ибо в ней остались только те, кто действительно воевал, шел с винтовкой, а не отирался при штабах. И еще одно — ни в коем случае нельзя ставить на части генералов, что в гражданскую войну не командовали в них батальонами. Они просто не знают маневренной войны, потому изначально непригодны.

— Позвольте, Константин Иванович...

— Вы в мировую войну командовали кавалерийским корпусом, государь. Я прошу вас ответить предельно искренне — кто из генералов вашего уровня был действительно воителем и водил свою конницу в прорывы вражеского фронта, действовал инициативно и смело? Я уверен, что эти генералы до сих пор служат в армии и сейчас пригодны занимать самые высокие в ней посты. Скажите мне, я прошу вас!

Михаил Александрович набрал в грудь воздуха, но побледнел и осекся. Арчegov на это и рассчитывал — крыть в ответ просто нечем.

Такой генерал имелся, но только один. Исключение, подтверждающее правило, — граф Федор Артурович Келлер, командующий 3-м конным корпусом, а ныне возглавлявший Сибирскую армию.

— Здесь в одном только Особом Совещании более сотни генералов — все желают назначений, интригуют и клеветают. И если бы только они были одни. В медико-санитарном управлении почти полторы сотни генералов и равноценных им статских чинов. Полторы сотни людей, совершенно далеких от медицины, но требующих всех положенных им привилегий...

— Не убеждай меня, Костя, в том, в чем я и сам уверен. Вот только где бы мне найти Сычева, а потом генерала Арчегова?

— Обойдемся без комплиментов, Мики. «Сычев» с тобой рядом, только руку протяни, и калибром намного серьезнее, чем его сибирский аналог. Есть и новый «Келлер», намного моложе и не менее талантливый. И своего визави я тут присмотрел — намного толковей меня, ведь аз, грешный, отнюдь не оболющаюсь насчет собственных дарований полководца.

— Ты не темни, по своему обыкновению. Ты мне имена сейчас дай, может, наши соображения здесь сошлись...

— Ваше величество! — Дверь в кабинет раскрылась, а на пороге встал адъютант. — К вам председатель Совета министров.

— Проси, — ответил Михаил Александрович и так посмотрел на Арчегова, что тому

взгрустнулось — теперь генерал знал, что сегодня вечером с него душу вытрясут...

Москва

— «Старик» сволочь изрядная, но дело знает!

Бокий потянулся в кресле, борясь со сном.

Жизнь давно шла поганая — ночами самая работа идет, и днем от нее не избавиться. Вот и приходится спать урывками, где только возможно, хоть в собственном кабинете.

— Он раньше призывал «списать» девяносто процентов населения, чтобы с оставшейся десятой частью социализм построить. Архидурость, как он бы сам сказал про свое предложение сейчас, выполни бы мы его, не видать нам революции как собственных ушей.

— В зеркало посмотри, может, и увидишь. — Мойзес баюкал в ладонях стакан с рубиновой жидкостью. Про настоящий чай в Москве все давно забыли, пили морковный или травяной, в лучшем случае спитой.

Но о родной ЧК власть заботилась, вернее, чекисты сами знали, как себя обеспечить лучшим пайком. А потому в этом кабинете запах хорошего табака стоял, не махорки вонючей, пусть даже и облагороженной донником.

— Он прав. — Единственный глаз Мойзеса горел нечеловеческим светом. — Иначе бы не то что Берлина, Варшавы бы не увидели. Сиднем сидеть в России для нас гибель неизбежная — рано или поздно крестьянская стихия сметет, растопчет, в клочки порвет!

— Да понимаю это, не идиот совсем. Лейба мастер на острое словцо, даром что наркомвоенмор. — Бокий прижмурился и процитировал Троцкого: — «Россия лишь охапка соломы, брошенная в костер мировой революции».

— Умник! — В голосе Мойзеса, однако, не слышалось осуждения. И тут же плеснулось ехидство, злобное, крикливое: — «Чтобы победить в гражданской войне, мы ограбили всю Россию». Ох, дурак!

— С грабежом согласен, тут он правильно сказал, — Бокий хмыкнул: — Но вот с победой Лейба поторопился. У нас едва пятая часть территории, и та сокращается, как шагреновая кожа.

— Зато мировая революция близка! А Россия...

Мойзес задумался, отпил чая из стакана, затем вытянул турецкую душистую папиросу и закурил, выпуская дым через ноздри.

Бокий молчал, хорошо зная своего поделника — последние дни он не находил себе места, мучаясь смутной тревогой.

— Когда пожар валит, он за собой пепелище оставляет, на котором долго ничего гореть не будет. Вот так и наша революция — от России пепелище скоро останется. Зато огонь новую пищу нашел...

— И выжжет все в Европе дотла!

— Чему радуешься, Глеб?! — Мойзес неожиданно вскочил из кресла и заскрежетал зубами от прорвавшейся ярости. — Ах вот где этот сукин сын нас обманул! Ну, гад...

— Ты чего, Лев?! Кто нас обманул?!

— Да этот Арчegov, вот бестия, — без ярости произнес Мойзес и хмыкнул: — Да и не обманывал он, мы сами обманулись. И не смотри на меня так, я не тронулся. Да, на пепелище ничего не горит, это верно. Так?

— Так, — согласился Бокий, настороженно глядя на товарища, который оскалился гримасой и захохотал, а отсмеявшись, тихо произнес:

— Зато потом кругом такая зелень везде прет, что никаких пожаров долго не будет. Ты чуешь, чем это дело для нас пахнет?! Не все надо было кругом выжечь, а так, кусками, чтоб

пища нашему огню завсегда оставалась. А теперь мы сами в пламя пойти можем, деваться-то некуда. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Одесса

Генерал-майор Яков Владимирович Слащев пребывал в самом приятном настроении. Карьера явно задалась и сейчас пошла, как говорится, в гору. Еще бы — с должности командира 1-й пехотной Крымской дивизии стать командующим войсками Одесского военного округа. Головокружительный взлет, вот только бы войск к этому побольше.

Но под рукой была только своя старая дивизия, которая перебрасывалась к Екатеринославу, занимая гарнизонами Мелитополь и Александровск.

«Махновщина» в Северной Таврии, с уходом из нее красных, еще ярче вспыхнула, будто в костер добавили сухой соломы. Хорошо, что откликнулся донской атаман Краснов, и пять полков донцов взяли под охрану металлургические заводы на востоке, выставив заставы.

В Одессе, занятой два дня назад, войск было еще меньше. Морем прибыла 3-я ударная генерала Дроздовского дивизия — пусть не полностью укомплектованное по штатам, но вполне боеспособное соединение.

С командиром дивизии молодым генералом Туркулом с первых же часов установились вполне дружеские отношения — они оба с первых дней воевали с красными, а потому неодобрительно относились к тем, кто с марта стал примазываться к «белому» делу.

Эти господа в беспросветных золотых погонах с зигзагами рьяно желали оттеснить от должностей «первопроходцев», используя привычное средство — связи в «старой» генеральской среде, принцип старшинства и приезд государя-императора Михаила Александровича.

Слащев в августе и начале сентября весь извелся — военный министр Деникин, как ему сообщили доброхоты, уже внес его в приказ об освобождении от должности комдива. Припомнил ему те дерзости нынешней зимой, что позволил себе молодой генерал.

Тогда речь шла об обороне Крыма силами всего двух сильно потрепанных дивизий, в каждой из которых солдат было меньше, чем в полку. И Слащев распорядился ими по своему разумению, отринув приказы главнокомандующего ВСЮР об удержании основного пути на полуостров через перешеек жесткой обороной в самом узком месте.

Два других направления — через Чонгарскую железнодорожную дамбу и косу — Арабатскую стрелку — его не беспокоили.

На первом курсировали бронепоезда, поддерживая огнем засевших в окопах стрелков и пулеметчиков, а у косы встала на якорь канонерская лодка, и большевики вскоре оставили все попытки, так как точная стрельба из восьмидюймовых орудий произвела на них ошеломляющее впечатление.

Сам перешеек Слащев решил не оборонять — в промерзлой степи, под пронизывающим ледяным ветром, без жилья и даже землянок, он потерял бы больными всех своих солдат. И своевольно, наплевав на приказы, отвел части к Юшуню, к теплым домам.

Красные несколько раз попытались ворваться в Крым — но теперь климатические факторы обернулись против них. Ведь тридцать верст пути по холоду выматывали самых крепких, и красноармейцы даже не могли согнуть замерзшие пальцы, а «слащевцы», сытые и только вышедшие из теплых хат, безжалостно отбрасывали их стремительной контратакой при поддержке артиллерии и пулеметов. И лишь черные бугорки насмерть замерзших большевиков служили страшными вехами для последующих атакующих.

Но не красные причиняли главное беспокойство в эти решающие дни. Слащева буквально задержали ежечасные звонки и телеграммы с побережья. Губернатор, градоначальники и прочие

должностные лица в истерике просили его сообщить, как идут дела на фронте, чтобы в случае прорыва обороны иметь возможность уплыть из Крыма.

И «достали» — отбив самую сильную атаку красных, генерал на очередной запрос гневно сказал офицеру связи: «Передайте, пусть тыловая сволочь слезет с чемоданов».

Исполнительный связист передал слова в точности — скандал вышел грандиозный, но успокоившиеся крымчане, решив, что защита наконец надежная, совсем перестали его дергать.

Конечно, перебрось красные пару дополнительных дивизий, удержать полуостров вряд ли бы удалось. Но в том и дело, что не было этих лишних дивизий — белые отчаянно оборонялись на Дону и Маныче, пока сами не перешли в контрнаступление.

В марте, сразу после заключения с красными перемирия, слова Слащева встали для него боком. Его бы отрешили, приказ был готов, однако спас новый командующий Черноморским флотом адмирал Колчак, потребовавший передачи именно ему всей обороны Крыма, оставив талантливого, но едкого генерала на прежней должности.

Яков Владимирович не скрывал своего презрения к «старым» генералам царского производства — они умели воевать только навалом, «пушечным мясом», не признавая маневр и кладя в лобовых атаках своих солдат.

Мериллом успеха такие «полководцы» считали потоки крови, а в штабах это только закреплялось — ибо там искренне считали, что не может победа быть достигнута с малыми потерями.

Такой цинизм приводил Слащева в бешенство, и он громогласно обвинял своих коллег в бездарности и безынициативности, в том, что они забыли заветы великого Суворова воевать не числом, а умением.

Вот тут-то он обрел огромное число недоброжелателей, ибо слишком многие отнесли эти слова на свой счет. От очередной угрозы отставки спас государь-император Михаил Александрович (Слащев искренне не признавал его, только «величеством», да еще и регентом).

И не просто спас, а признал его заслуги перед Россией награждением ордена Святого Георгия 3-го класса и назначением на должность командующего только что созданного Одесского округа, из которого большевики еще продолжали выводить свои части, а румыны придвинули свои войска прямо к Днестру...

Берлин

(2 октября 1920 года)

— Шуруй обратно, дед, а то требуху выпустим. Надоел ты нам за эти дни, немчура бестолковая!

Рослый чекист в скрипящей кожаной куртке, что при царе была положена только офицерам ударных штурмовых частей, с усмешкой посмотрел на старика-немца, что вылез в очередной раз на свет из подвала, где обретался на своем лежбище.

Не вовремя высунулся!

— Зря ты так, Сява! — второй чекист, одетый в точно такую же униформу, с мягким лицом сельского батюшки, которое портили безумные глаза фанатика, вступился за старика. — Видишь, как немецкие пролетарии по подвалам живут. А домина буржуйский, вон рейхстаг, дума ихняя, что у нас при царском режиме была, совсем рядом стоит. Ох, ап-чхи!

— Ну и вонь от тебя, папашка!

Здоровяк закрутил носом, сморщился от омерзительного запаха, но не осерчал, а вроде как подобрел на свой, чекистский, лад: уж больно лицо окрысилось, а зубы выперли наружу, как у вурдалака.

— Вот парад проведем, так я тебя в лучшей квартире поселю! А ежели кто из буржуев супротив «уплотнения» пикнет, так на распыл отправлю. Теперь, дед, и ты в человеческих условиях поживешь!

— А ведь верно, Сашка! Два дня на бедолагу смотрим, а ведь он гегемон, пролетарий! Ты, папашка, на кого трудился-то?

Старик разразился скулящей скороговоркой, а чекисты оторопело слушали льющуюся водопадом незнакомую речь.

— Ох, немчура! По-человечьи говорить ты можешь?

Здоровяк встряхнул старика за рубище и тут же отдернул руки, машинально вытерев их об штанины — ладони стали липкие.

— Воняет от тебя, дед, как от козла!

Сашка только закрутил носом, увидев, как его напарник брезгливо оттирает свои ладони. А ведь занюханным золотарем до революции трудился, всяких запахов нанюхался, любое дерьмо руками голыми без опаски брал. Видно, совсем худо немецкий дедок живет, раз даже Сяву до жуткой брезгливости довел.

Сам он служил всю войну в Гатчине, в запасном самокатном батальоне, и считал себя истинным гегемоном, ибо до службы помощником медника был, самовары лудил.

— Ничего, в ванне отмоешься! У вас еще вода течет, и не только холодная, но и горячая. У нас такого уже три года нет!

— Отмоется, а мыло тут во всякой квартире имеется. Буржуи! — с завистливой ноткой отозвался здоровяк, вот только в голосе злобы было побольше, и посмотрел на старика, что сжался в комочек.

— Не бойсь, немчура, бить тебя не буду, не робей. Подумаешь, руки изгрядил! Свое ведь дерьмо, пролетарское. Тебя-то как звать? — Здоровяк наморщил лоб и выдал те слова, что отложились в его памяти: — Их бин... Нейм вроде? Собачий язык! Звать-то тебя как, дед?! Имя твое, имя?! Вот чурка с глазами, ни хрена не понимает!

— А ты че хотел? Оттого у нас их немцами и называют. Немые они вроде, нормальных слов

не понимают. — Пролетарий наклонился над испуганным немчиком, дыша ртом через раз, растянув губы в улыбке: — Звать-то тебя как?

— Обер-лейтенант фон Шмайсер!

Старик неожиданно отчеканил слова, а чекист екнул в ответ, его глаза предсмертно расширились: длинный кинжал пронзил парня прямо в сердце, мгновенно отняв жизнь.

Здоровяк даже не успел понять, что случилось, как в сумраке «черного» выхода сверкнула серебристая сталь, и ему глубоко располосовало горло. Но силы у него еще имелись огромные — хоть кровь хлестанула струей, но пальцы потянули наган из кармана.

— Не балуй, сучий выкидыш! — совершенно без акцента произнес немец и спокойно, одним ударом, добил чекиста. Придержал большое тело, аккуратно положив его на площадку. Огляделся настороженным волком и рванул в подвал буквально на три секунды, заглянув в приоткрытую дверцу, — теперь в его руках появилась обихоженная винтовка «маузер» с установленным сверху оптическим прицелом.

— Ну и вонь!

Пробормотав это с отвращением, Шмайсер скинул с себя грязное рубище — под ним оказалась красноармейская форма с синими «разговорами» на груди. Он извлек из-за пазухи буденовку с нашитой звездой такого же цвета и полностью преобразился, став похожим на те многие тысячи конноармейцев, что три дня назад с боем вступили в Берлин, неся на своих знаменах красный цвет мировой революции.

По лестнице офицер поднимался бесшумным кошачьим шагом — двери по левую сторону были опечатаны, туда согнали всех жильцов и приказали сидеть тихо, как мышам под веником. А вот по правую сторону в квартирах находилось по чекисту — окна там выходили прямо на рейхстаг.

Нужная дверь нашлась на третьем этаже, и немец постучал в нее характерным знаком — два раза бухнул, один поскребся.

— Открывай, Федя, помочиться нужно, — голосом убитого Сашки негромко сказал Шмайсер и ослабил, сжимая в руке кинжал.

— Мог бы и внизу отлить, — послышалось из-за двери недовольное бормотание, и щелкнул замок.

Шмайсер сильно ударил ногой по раскрывшейся двери и ворвался в открывшийся проем. Чекист сидел на полу, схватившись за лоб руками — он был оглушен ударом.

— Этих идиотов, как баранов, режут!

Он стремительно полоснул молодого парня по горлу и свалил толчком ноги — тот предсмертно захрипел, выгибаясь.

— Кто ж так охранную службу несет? Олухи! Учить и учить вас надо!

Кинжал он тщательно вытер о полотенце, сжатое в предсмертной судороге в чекистских ладонях, и по-хозяйски засунул за голенище сапога. Затем Шмайсер проскользнул в требуемую комнату и усмехнулся — окно было приоткрыто, а занавеска отдернута.

Убитый чекист не отказал себе в удовольствии посмотреть на торжественный парад. Офицер глянул в окно и хмыкнул:

— Красиво стоят! Но идут вразнобой. Не готовились к церемониальному маршу, ну да ладно — победителей не судят.

На площади большой оркестр со всей мощи легких выдувал пролетарские марши, которые заглушали громко топающие сапоги пехотных колонн. В такой гаме винтовочные выстрелы вряд ли услышат и не сразу определяют, откуда была послана свинцовая смерть.

Шмайсер рывком дернул стол, поставил его в шаг от окна и быстро водрузил на блестящую полировку крепкий стул с изящно гнутой спинкой. Аккуратно пристроив на сиденье

винтовку, немец приложил приклад к плечу, прижав резиновый наглазник. В сетке прицела была отлично видна наспех сколоченная деревянная трибуна, украшенная пролетарским кумачом с наляпанными призывами.

Читать их Шмайсер не стал — он смотрел на цели, к которым так стремился. Главных было четыре, но патронов в магазине пять, разрывных «дум-дум», больше, чем требовалось. Мало ли что, один выстрел про запас, дело житейское.

— Какие люди! — ощерился белыми зубами немец, узнав с первого взгляда знатные «мишени», которые предстояло поразить и видимые им раньше только на фотографиях. — Все вместе и под охраной. Но жиденок-то наш каков? Храбрец, нечего сказать, настоящий пролетарский маршал. И грузин рядышком, не прячется за спину, стоит как влитой...

«Демон революции» тряс козлиной бородкой, выкрикивая призывы и подняв руку.

Наркомнац, доверенное лицо Ленина (куда же без хозяйского пригляда из Кремля), молодой еще грузин с черными усами задумчиво смотрел на ровные шеренги красноармейцев.

Двое других товарищей, прославленные военачальники, одетые в форму с красными и синими «разговорами», были также усаты, но один носил короткие, шляхетские усики на породистом панском лице с горделивой гримасой. Второй имел длинные усища, вытянувшиеся в стороны, в которые победно ухмылялся. Они были такими густыми, что могли украсить любого казачьего атамана, да хошь самого Тараса Бульбу.

Все остальные победители, стоявшие на трибуне, не заинтересовали Шмайсера — он пристально вглядывался в лица главных «персонажей», мысленно определившись с порядком стрельбы и первоочередностью «мишеней» на этом стрельбище.

— Жаль, что нет ледоруба, но маузер надежней... И подышать будут долго и в мучениях, — прошептал немец, и мысли тут же улетучились из головы.

Превратившись в холодную и расчетливую машину для убийства, Шмайсер плотно прижал приклад к плечу, тщательно прицелился и плавно потянул спусковой крючок...

Одесса

(2 октября 1920 года)

— Культура имеет право на финансовую поддержку государства, — задумчиво пробормотал Арчegov, наблюдая за разворачивающимся на сцене представлением.

Вот только, к великому стыду, опера совершенно его не затронула, да и пели на французском, который он понимал со второго на десятое. Великую пользу дают знания иностранных языков!

Но не жалел генерал о непонятом, ведь главное было в другом — первое представление Императорского театра в спешно покинутой красными «жемчужине у моря». Да какое!

Его почтили присутствием венценосные особы — Михаил Александрович и его коллега, греческий король Александр, прибывший на броненосце «Лемнос», с представительной делегацией во главе с премьер-министром с весьма мудреной для русского восприятия фамилией. Сам Арчegov находил в ней стойкую ассоциацию с «вазелином».

Это был первый официальный приезд зарубежного монарха в Юго-Россию. Если не считать совсем недавнего, тихого, чисто по-родственному незаметного посещения Ливадии двумя неделями тому назад болгарским царем Борисом.

Молодой, с вытянутым лицом монарх добрался с небольшой свитой на обычном пароходе. Ну, тут все объяснимо — по Версальскому миру Болгарию флота лишили, впрочем, кораблей-то, за исключением древней канонерки и полудюжины миноносцев, она не имела.

Константин поневоле сравнил этих двух балканских властителей и нашел между ними

много общего. Отцы отреклись в их пользу по окончании мировой войны. Парадокс — папаша были германофилы с немецкими династическими корнями, а страны воевали между собою. Понятно, что Антанта поспешила их убрать с престолов.

Молодые венценосцы реальной власти не имели, а болгарского царя вообще подмял премьер Стамболийский. И воевать монархи не сильно рвались — мировая бойня сделала их чуть ли не пацифистами, чем вызвали искреннее уважение Арчегова.

— А ведь сегодня его должна была укусить обезьяна... Может, и лучше, что он здесь, и история по другому пути пойдет...

Память услужливо пришла на помощь. Генерал вспомнил, как прочитал в той жизни про этот случай — Александра в саду цапнула мартышка, и от сепсиса он умер через три недели.

Теперь, может быть, на греческий трон не вернется его папаша, что захотел путем «маленькой и победоносной войны» упрочить свое положение на троне, а в результате случилась грандиозная катастрофа для целого народа. Османы хорошо навтыкали греческой армии в Анатолии, та была разгромлена и панически бежала. А более двух миллионов греков, спасаясь от резни, что устроили им победившие турки, навсегда покинули Малую Азию, в которой проживали три с лишним тысячи лет, если не больше.

И Болгария нужна была в дальних расчетах, а потому в Ливадии говорили тихо и приватно. Тем паче эта страна находилась с южным королевством, что называется, на ножках — задача сделать их если не союзниками, то добрыми соседями поначалу показалась абсолютно невыполнимой...

Театральная труппа старалась изо всех сил громкими и от волнения чуть надрывными голосами. Монархи, их свитские и богато принаряженная публика внимала, жандармская охрана бдила, а генерал-адъютант Арчегов напряженно размышлял, следя краешком глаза за представлением, — ему было не до скуки, лавина дел буквально захлестывала.

Но не забывал смотреть по сторонам. В соседней ложе находился командующий флотом Александр Васильевич Колчак с супругой, Софьей Федоровной, а почти рядом с ним контр-адмирал Тимирев со своей женой Анной Васильевной. Да, да, той самой, что являлась давней пассией и любовью Колчака.

На секунду Арчегову стало жутко — он представил, если бы его Нина выкинула такой фортель. Да поубивал бы всех к ядреной матери!

Нет, трудно понять давние дворянские традиции, которые столь прохладно относились к супружеским изменам. Хуже дстоевщины! То ли дело у простонародья — или морду сразу набьют, или кольями насмерть забьют — все просто, и никаких толстовских страданий и переживаний...

С предоставлением военному министру Деникину полугодового отпуска на этот пост был назначен командующий 1-м ударным корпусом Кутепов, повышенный до генерал-лейтенанта.

Последний командир старейшего в русской армии лейб-гвардии Преображенского полка не имел связей в генералитете и презрительно относился к «тыловым крысам». А потому за дело очищения армии взялся так круто, что сибирская «сычевщина» показалась Константину Ивановичу детским лепетом.

Отставки генералитета за эту неделю пошли лавиной. Более того, новый военный министр начал с тех офицеров, что ухитрились и в мировую, и в гражданскую войну ни разу не побывать в боях — либо «ну очень нужные» в тылу, либо симулируя различные болезни, в основе которых была обычная «фронтобоязнь». Таких начали выбрасывать особо рьяно, чем вызвали ликование среди воевавших офицеров и жгучую ненависть пострадавших. А потому термин «кутеповщина» твердо занял место в военном лексиконе. У «лишенцев» он стал синонимом «гучковщине» семнадцатого года, когда первый военный министр Временного правительства

выбрасывал со службы монархически настроенных генералов.

Арчegov втайне поддерживал чистку, пользуясь доверием своего венценосного друга, и твердо надеялся, что за эти семь-восемь месяцев отсрочки можно будет развернуть добрую полудюжину пехотных дивизий к тем пяти, что имелись сейчас в армии. А если принять в расчет полтора десятка казачьих дивизий и бригад, то сил становилось достаточно, чтобы воспользоваться будущими весенними крестьянскими мятежами. Ведь как ни крути, но от НЭПа большевики никуда не денутся...

— Ваше высокопревосходительство, — тихо произнес склонившийся над плечом адъютант. — Вас просит к телефону генерал-майор Слащев. Чрезвычайные новости!

Арчegov покосился на Михаила Александровича, понимая, что такое сообщение предназначено исключительно для ушей монарха и не сулит ему ничего доброго, если вот таким голосом за его спиной обращаются к генерал-адъютанту.

Он поднялся с кресла и, улыбнувшись для успокоения соседа, греческого генерала с «коньячной» фамилией, неторопливо пошел из ложи, демонстрируя всем видом спокойствие и некую целеустремленность, с которой всегда идут только в одно место, именуемое на флоте гальюном.

Заодно подумал, что дела с греками вроде на мази. Греческий король внял предупреждению, что не стоит его войскам лезть во враждебную, густо населенную турками Анатолию. А вот полностью занять Восточную Тракию с Константинополем и Смирнинский округ, где проживало свыше двух миллионов эллинов, выселив всех турок, дело нужное и полезное.

И помощь России на Кавказском театре обеспечена, если греки кое-какие уступки болгарам сделают. Серьезные уступки — иначе бы Милюков не сколачивал так рьяно новый Балканский союз из трех государств.

Все правильно — на будущее лучше, чтобы греки держали проливы, а не турки. Эллины единоверцы и слабы перед османами в драке один на один, а потому будут зависимы от помощи. А турки всегда являлись злейшими врагами России, и оставить проливы в их руках означает добровольно продолжать носить удавку на шее.

Впрочем, и «кнут» гордым потомкам эллинов тоже показали. Угроза урегулировать отношения с турками за счет мирного возвращения к границам 1914 года путем уступки османам военного снаряжения и временного союза была для греков убойной.

Тем паче от великих держав им ничего, по большому счету, не светило — Родос оставался у итальянцев, Кипр у англичан, а Константинополь вообще в пользовании Антанты. Да и шашни «союзников» с турками в получении концессий в обмен на мир, на чем «запалились» французы, стали известны.

Добило греков напоминание о том, сколько русского добра они вывезли в прошлом году, хорошо порезвившись на морских складах Очакова и Николаева. И намек, что Россия это может потребовать обратно, как с французов и англичан, был нешуточной угрозой на фоне стоящего в порту русского линкора, равно как и упор на то, что число таких грозных кораблей можно легко утроить с помощью британцев, что несколько шокировало бывших оккупантов.

Так что выбор потомков Геракла пал на «пряник», тем паче династические браки на то и существуют, а Михаилу Александровичу, как никогда, требовался наследник престола...

— Константин Иванович, — в трубке раздался чуть искаженный голос командующего Одесским военным округом. — Румыны полчаса назад обстреляли Тирасполь.

— Кхм!

Новость оказалась неожиданной. Да, мамалыжники занимали Бессарабию девятью дивизиями, что было мало супротив четырех «цветных» русских, ударных, и двух кавказских

туземных, именуемых «дикиими», в них собрали самых лихих и отчаянно храбрых абреков, большинство которых прежде служило под началом великого князя Михаила Александровича в мировую войну. Уже тогда горцам льстило, что ими командует брат царя, а сейчас они все, как один, полягут за монарха. Правда, возьмут за это с врага кровавую цену.

По крайней мере, даже при двукратном перевесе румыны обречены — «добровольцы» и горцы им здорово начистят морду. Потому в Бухаресте в последнюю неделю резко сбавили наглость в тоне и стали проявлять разумную осторожность. Похвально, ибо война была абсолютно не нужна!

А тут такое сообщение...

— Ваше решение, Яков Владимирович?

— Я приказал открыть ответный огонь!

Арчegov вздохнул — в решительности Слащеву нельзя было отказать, да и в жестокости, если она требовалась. Недаром одесский криминалитет за эти дни стал бежать из города сломя голову, проклиная генерала-«вешателя».

А знаменитая Молдаванка, пристанище всех бандитов и воров, оказалась в шоке, окруженная казачьими полками и увидев на улицах броневые автомобили. Потому ультиматум приняла — обеспечить к визиту монархов чрезвычайную благочинность и пристойность в городе под угрозой безжалостного и поголовного истребления.

Пары проведенных акций Слащеву хватило — зато за последнюю неделю в Одессе не совершили ни одного грабежа и убийства, все было чинно и благородно...

— Действуйте. Я немедленно сообщу его величеству. — Константин Иванович повесил трубку. Ему стало очень жарко, он чувствовал, как обжигают капли пота тело, и без того сдавленное стальным корсетом.

Вот только отказаться от бронежилета он не мог, выполняя настоятельную просьбу Михаила Александровича, носившего точно такую же «броню».

Еще в мае Троцкий сделал сибирской делегации чрезвычайно нужный дар — два десятка панцирей конструкции подполковника Чемерзина, вес которых был меньше пяти килограммов. Они защищали грудь, живот, бока и спину и были довольно легки для скрытого ношения.

Константин Иванович с ухмылкой для пробы собственноручно «отстрелял» три из них и испытал шок. Кевлар и рядом не стоял!

«Бронежилет» надежно держал пули абсолютно всех пистолетов — от длинноствольного парабеллума до крупнокалиберного американского кольта. Последним пустили в ход маузер, патрон которого был самым мощным, а этот пистолет не зря считали легким карабином.

Броня устояла!

Ради чистоты эксперимента Арчegov расстрелял жилеты из винтовок с сотни шагов — «арисака» успеха не достигла, а «мосинка» из пяти выстрелов пробила одну дыру. И это по использованному и отстрелянному панцирю?! Вот это его окончательно и добило.

Какая лапотная Россия, о которой с усмешкой говорили «союзники» и которую облаивали большевики?!

С последними все ясно — им нужно было переписать историю, а потому они чернили в прошлом все что можно. А ведь в шестнадцатом году выпуск тех же самолетов был больше, чем через пятнадцать лет, да и авиазаводы оказались отнюдь не хилые. Если даже сейчас, в условиях гражданской войны и разрухи, коммунисты ухитряются строить аэропланы десятками. И не только — в Сормове начали клепать даже танки, которых при царе не делали.

И эти бронежилеты, что мало в чем уступят современным! За исключением одного — станковый пулемет «максим» дешевле, и намного. Дороги легирующие присадки, которые пустил в изготовление брони Черемзин, а потому сделать такие панцири в достаточном числе

невозможно.

А жаль...

Генерал медленно вышел из кабинета в просторное фойе. Там стояли только офицеры свиты, с вензелями на погонах, тихо переговариваясь между собою.

По углам застыли молчаливые и угрюмые охранники, да вытянулись перед ним нарядные казаки лейб-конвоя в своих алых черкесках с серебряными газырями.

Константин Иванович хотел пройти в ложу, но один свитский целеустремленно направился к нему. Арчegov остановился, поняв, что тот собирается о чем-то доложить. Офицер козырнул, но не сделал пары шагов, чтобы подойти вплотную, неожиданно выхватил браунинг.

— Красная подстилка!!!

За грохотом выстрела последовал сильный толчок в ключицу — пуля панцирь не пробила, но правая рука отнялась от ее удара в броню. И тут же лютая боль пронзила ногу...

«Сука! Он знает, что на мне непробиваемый панцирь! Теперь мне не вытащить пистолет!»

— Изменник России!

Офицер дико кричал, выпучив красные от ярости глаза, а Константин Иванович обреченно закрывал израненными руками голову, в которую шли пуля за пулей. Ноги стали ватными...

Генерал видел, как рванулись вперед охранники, как бросились к нему на защиту казаки, но уже не мог удержать руки, которых абсолютно не чувствовал. Они упали...

Плечо тут же обожгло, затем шею.

— Большевик!

Перед глазами поплыла кровавая пелена. И тут ударило по голове — в мозгу словно взорвалась бомба. И генерал, потеряв сознание, провалившись в черную пучину, получив семь пуль, навзничь рухнул на пол, который тут же стал окрашиваться его кровью...

notes

Примечания

Смотрите роман «Спасти Императора».

Музыка и слова Владимира Волкова.

Смотрите роман «Спасти Императора».